

ВАЛЕРИЙ
ТЕОЛИ

САНДЭР

ЛОВЕЦ ДУХОВ

УБИЙЦА ШАМАНОВ

ВАДЫКА ТЕНЕЙ

БФ-коллекция

Валерий Теоли

**Сандэр: Ловец духов. Убийца
шаманов. Владыка теней**

«АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Теоли В.

Сандэр: Ловец духов. Убийца шаманов. Владыка теней /
В. Теоли — «АСТ», 2019 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-111473-2

Полон опасностей Ксарг, земля древних духов, троллей и диких зверей. Леса простираются от горизонта до горизонта, войдёт в них простой смертный и сгинет без следа. Осторожный смельчак же отыщет богатства, а при изрядной доле везения даже найдёт разрушенные города предков эльфов, сокрытые под землёй. Но бойтесь входить в чащи Ксарга, смертные! Ибо там ждёт смерть и опытного следопыта, пришедшего из королевства высших эльфов, и могущественного чародея из империи людей. Лишь тот, кто принял условия жизни диких племён троллей, сумеет выжить. Только вчера Александр Стрельцов был студентом на Земле. Сегодня он Сандэр Валирио, ученик шамана троллей, заброшенный вместе с младшей сестрой в леса Ксарга Бурей Тысячелетия. На иномирян охотятся жаждущие новых знаний маги, головы двух чужаков хотят заполучить вожди и колдуны вражеских племён. Пугает и загадочная сила, обнаруженная в Сандэре и ставшая для него то ли благословением, то ли проклятием. Однако назад пути нет, спокойная жизнь на Земле осталась в прошлом. Остаётся надеяться на лучшее и бороться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111473-2

© Теоли В., 2019

© АСТ, 2019

Содержание

Ловец духов	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	39
Интерлюдия первая	45
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	62
Глава 9	68
Глава 10	75
Глава 11	82
Глава 12	88
Интерлюдия вторая	96
Глава 13	99
Глава 14	106
Глава 15	113
Глава 16	120
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Валерий Теоли

Сандэр: Ловец духов. Убийца шаманов. Владыка теней

Ловец духов

Глава 1

Буря

Утро началось с неприятного ощущения. Меня немилосердно тормозили, выкрикивая мое имя. Мне стоило недюжинных усилий разомкнуть веки и впериться сонным взглядом в младшую сестренку.

– Саш, ну вставай уже, а? – Смысл едва доходил сквозь затуманенное обрывками сна сознание. – Полвосьмого, а ты обещал кое-кого в школу забросить.

«Полвосьмого» и «школа» зажглись сигнальными огоньками на том берегу памяти. Значит, давно пора вставать, не то рискую опоздать на первую пару, будь она неладна. Семинар по патентному праву ведет Аркадий Мстиславович Жилин, за глаза прозванный студенческой братией Жилияком. Совсем не из-за фамилии, надо сказать, и не жилистого телосложения. Препод далеко не худенький, эдакий дядюшка с добрыми глазами, благообразной внешностью и ухватками заправского инквизитора. Бывало, посмотрит на тебя ласково, с долей сожаления во взоре, и спрашивает. Много. Не дождавшись ответа, задает наводящие вопросы до тех пор, пока измученная допросом жертва не начнет, заикаясь, путаться в своих ответах. Зачастую знания не удовлетворяют Жилияка, и он продолжает тянуть жилы из бедняги, после чего ставит заслуженную, по его мнению, двойку. Страшный человек. Опоздавших считает личными врагами. Иначе как объяснить его страсть пытать подробности пройденной накануне темы, едва бедняга переступит порог аудитории?

Не успею до начала семинара – мне конец. Учитывая мою подготовленность, пытать Жилиак будет долго. Большинство зубодробительных положений патентного права мною заучены, смысл остальных худо-бедно расскажу, но этого недостаточно. Жилиак, мягко улыбаясь, убедит в том, что я полнейший профан в его любимой дисциплине. Ох, ненавижу патентное право.

Да еще вчера с друзьями погуляли на дне рождения Ленки. Вернее, вчера и позавчера. Днюха-то была позавчера, в субботу, и плавно перетекла в воскресенье. В пятницу дежурил сутки, не отдохнул как следует. В общем, спать лег сегодня поздно, потому, наверное, Лилька не добудится никак.

– Привет, сестра, – буркнул я, поднимаясь и глядя на будильник.

Забыл его завести, каюсь.

– Наконец-то! Я думала, ты решил забить на универ и продрыхнуть целый день! – набросилась на меня Лилька, готовая к выходу.

– Угу, угу.

– Чего ты мычишь? Я из-за тебя, между прочим, в школу опоздаю! Битый час бужу, а он сопит в две дырки! Эй, слышишь?

Если она хотела добиться оправданий, извинений, то зря. Нет настроения оправдываться перед малявкой, хотя сестренка, надо признать, права. Время поджимает.

– Успокойся, успеем.

– Ты мне «успокойся» говоришь? Когда ты завтракать будешь, одеваться? Были бы здесь папа с мамой – они бы тебе устроили!

– Лиль, не дави на мозоль, пожалуйста.

Дальнейшие возмущения потонули в звуке льющейся воды. Холодный душ с утра особенно хорош. Сонливость как рукой сняло, в голове прояснилось, появилась бодрость, необходимая для встречи с Жиляком. На скорую руку почистив зубы – свежее дыхание облегчает понимание! – принялся соскабливать щетину. Осторожненько, царапины никому не нужны, и по возможности быстро.

Ну, нормально. Из зеркала на меня глядел гладко выбритый русоволосый парень. На обратном пути в парикмахерскую зайду, а то оброс совсем. Впрочем, Ленке и ее подругам моя шевелюра нравится. Взгляд уверенный, жесткий, какой должен быть у знающего предмет студента, прошедшего последние дни в углубленном изучении патентного права. Орел!

С бритьем покончено, переходим ко второй части Марлезонского балета, то есть выскакиваем из ванны, натягиваем джинсы, футболку – и вперед, к новым свершениям! Что у нас со временем? Порядок, за двадцать минут можно преспокойненько до учебного корпуса добежать.

– А завтракать? – нахмурилась Лилька. – Я картошки с яичницей пожарила, салат нарезала.

– Нет, спасибо, в другой раз. Ты поела?

– А ты думал, голодать из-за тебя буду?

Сестренка у меня золото, честное слово. Ругает меня, правда, часто, но по делу. После гибели родителей она приняла на себя заботы о хозяйстве. Убирается в квартире, готовит, и это в ее-то тринадцать лет. Никого у нас ведь не осталось. Бабушек и дедушек нет, дядь и тетя тоже. Дальние родственники по маминей линии живут на Севере. Помню, как-то гостили у них в Надыме.

Я, будучи уважающим себя четверокурсником, который вынужден содержать семью, зарабатываю. Стипендии и зарплат внештатного журналиста и ночного сторожа хватает на еду, налоги и откладывание скромных сбережений, периодически тратящихся на одежду плюс другие особые цели. Устаю, точно эскимосская собака. Сонливость стала почти постоянной моей спутницей, потому добудиться меня бывает трудно.

– В холодильник поставлю, Саш. Приедешь – разогрею и покусам.

Сестренка пошла на кухню, я же попытался вспомнить, куда засунул злосчастный конспект по патентному праву. Метался по квартире, заглядывая под каждое кресло. Ну, куда подевалась треклятая бумажка? В сумке нет, в кабинете нет. Не могла же она потеряться вне дома! Поиски привели в гостиную, где тетрадь с записями нашлась на полке для головных уборов. На фига, спрашивается, туда совать было? Ладно, ну ее. Пять минут потратил.

– Лиль, выходим!

– Саш, ты зонтик взял?

Еще зонтик искать? Без него обойдусь.

– Зачем? На улице ясно.

– Ясно? Ты в окно смотрел?

– Лиль, ты идешь?

Лилька вышла в прихожую, сняла с полки два зонта. Черный вручила мне, оранжевый определила себе.

– И не возражай! По телику передавали, на город надвигается чуть ли не буря. Соседнюю область затопило, слышал?

– Что, всю область?

– Не придирайся к словам! Град обещали, дождь проливной и сильный ветер.

– Хорошо-хорошо. Пошли.

Заперев дверь квартиры на ключ, мы спустились по лестнице. Благо третий этаж. Лифт вызывать дольше, чем по ступенькам пройти.

На улице действительно оказалось пасмурно. Темно-сизые тучи, иногда аж до синевы, наползали друг на друга. Где-то вдали слышалось гроыхание и мелькали зарницы. Необычный для начала мая холод несся на крыльях ветра, волнами набегающего на наш подъезд. Мусор и прошлогодние листья кружились в воздухе, подхваченные воздушным потоком.

В последние три недели царила теплая, солнечная погода, и сильный холодный ветер казался непрощеным гостем. Зонт и не поможет, начнись ливень. В бурю сломаются спицы, и все дела. Останешься мокрым, со сломанным зонтом.

Гараж и старенький «Форд Скорпио» достались нам от отца. Машине лет больше, чем мне, однако ездила она до сих пор исправно, выглядя намного лучше сверстников. Отец за ней ухаживал, чуть не пылинки сдувал. Бережливым был, экономным. Мог купить новый автомобиль, но не хотел расставаться с «другом молодости».

Мы с Лилькой пользовались «фордом» очень редко, в исключительных случаях. Сегодня выпал именно такой. Пары закончатся – поеду за город брать интервью у охотника, подстрелившего какую-то неведомую науке зверюгу в лесу. Судя по фотографиям, выложенным в сети, от руки мужика погибла некая помесь совы и медведя. Громадное животное смахивало по габаритам на молодого бурого мишку, покрытого перьями, чем вызывало у наших биологов противоположные высказывания. Одни радостно заявляли о совершенно новом виде, другие усматривали жуткую мутацию, третьи говорили о мистификации. Криптозоологи, приехавшие из столицы поглядеть на чудо-юдо в перьях, утверждали, что оно принадлежит к представителям древней фауны. Уфологи, в свою очередь, причисляли зверя к инопланетным организмам.

– Лиль, буду к ночи. Еду по работе.

– Хочешь сказать, тебя утром ждать? – вскинулась сестренка. – И ужинать не будешь?

– Буду обязательно. Оставишь в холодильнике – приеду, поем. Вернусь часов в десять вечера.

«Форд» завелся с полоборота. Хорошая машина. Столько лет прослужила, почти не ломаясь. Батя ее всегда хвалил. У меня она первая. Когда-нибудь приобрету что-то пристойное, пока же этой с головой хватает.

Лилька удобно устроилась на заднем сиденье, включила радио.

Ворота гаража отняли минуту. Замок упрямо отказывался смыкать стальные дужки. Механизм заклинило, пришлось потрудиться, чтобы повернуть ключ.

– Поехали, – я плюхнулся на водительское место.

Двигатель заурчал, и мы тронулись в путь. До универса езды минут десять-пятнадцать, проверено опытом. Школа Лильки находится недалеко от корпуса, поэтому на семинар успею. Жилик поглядит с укором, и только. Недолюбливает он тех, кто позже него заходит в аудиторию.

Погода портилась с каждой секундой. Затянутое тучами небо потемнело, на землю сошли сумерки, создавая впечатление, будто наступил вечер. Гремело громче, свинцовую толщу неба свода раскалывали ветвистые молнии. Начали срываться редкие косые капли, разбивающиеся о лобовое стекло. Крепчающий ветер вздувал одежду пробирающихся по тротуарам пешеходов, трепал ткань палаточных пивных. Загрохотал, угрожая оторваться от металлоконструкции над проезжей частью, бигборд с изображением градоначальника в строительной каске, баллотирующегося на второй срок. «Мы строим, мы защищаем!» – гласил предвыборный слоган. Еще немного, и громадина, оторвавшись от рамы, рухнет на проезжающие автомобили.

– ...Настоящий ураган пронесся нынешней ночью над нашей областью, повредив линии электропередач, – сообщал ведущий новостей по радио. – Крыш над головой лишились по предварительным данным семьсот человек. В результате удара молнии, попавшей в междуго-

родный автобус с пассажирами, пострадало семнадцать человек, из них четверо погибли. Гидрометцентр объявил штормовое предупреждение в трех областях страны...

Очуметь просто. Из сравнительно спокойного в плане бурь региона наш край превращается в опасное место. Раньше бури случались не чаще раза в четверть века, сейчас второе штормовое предупреждение за последний месяц. Куда катится мир? Чтобы Лилька не слушала унылых сводок, напоминающих репортажи с поля боя, я переключил канал.

– Ты чего? Верни на новости! – отреагировала сестренка на попытку уйти на другую частоту.

Радиоэфир отказывался радовать музыкой и развлекательными программами. Сносно работали всего две станции. На них передавали вести и интервью с каким-то погодником. Сквозь треск помех вещали о северном сиянии, виденном на днях, необычном явлении для наших широт. Ученый объяснял его появление сильнейшими электромагнитными аномалиями, с солнцем, что странно, не связанными.

Капать начинало. Заработали дворники, убирая с лобового стекла лишнюю влагу.

– Лиль, может, домой тебя отвезти? – Фиг с семинаром. Жилик пускай идет лесом. Того и гляди, тут светопреставление вот-вот начнется. – Учеников, скорее всего, отпустят.

– А ты? В универ поедешь?

– Высажу возле семиэтажки и поеду. Надо, понимаешь? Пары кончатся – сразу домой. Никуда больше. В магазин сейчас заглянем, купим еды и батареек на всякий пожарный.

Лилька погрузилась в размышления, взвешивая «за» и «против» моего предложения. Парень на ее месте вряд ли колебался бы, а она задумчиво морщила лобик. Ответственная, блин.

– Тебе ничего не будет за опоздание? – поинтересовалась она.

– Абсолютно! – Не считая того, что Жилик меня четвертует. – Домой?

– А, давай. Но чтоб нигде не задерживался! Во сколько вернешься?

– У меня всего две пары, думаю, к полудню буду.

Поездку к охотнику отложу до завтра. Не горит.

До школы оставалось километра два. Тормознув у гастронома, мы отправились за продуктами. Нам потребуется недельный запас продовольствия, спички, соль, в общем, предметы первой необходимости – мало ли что предстоит.

Ливень начался, когда мы собирались покинуть магазин. Уши закладывало от раскатов грома, дождь барабанил по крыше и стенам, ветер завывал. Сквозь прозрачные автоматические двери виднелась сплошная серая завеса, застилающая пространство парковки. Автомобили угадывались по общим очертаниям, различить, где какая стоит, нельзя. Здания на противоположной стороне улицы поглотила непроницаемая рябь, движущаяся в такт порывам ураганного ветра, словно живое существо.

Лилька с опаской смотрела на разыгравшееся буйство стихии, стоя у дверей. Очередной удар молнии, сверкнувшей в жуткой водяной массе, заставил ее отпрянуть, от последовавшего грома заложило уши.

– Не бойся, скоро дождь закончится, – переложив пакеты с едой в одну руку, я старался держаться поближе к сестренке.

Перепугается, чего доброго. Похожего разгула стихии у нас в городе не было. С неба льется настоящий водопад, сравнимый с тропическим ливнем.

Покупатели и продавцы отступили подальше от дверей и зрелища вспыхивающих в дождевой стене молний. Дети жалась к родителям, взрослые с плохо скрываемым волнением успокаивали малышей. Какая-то бабушка с клюкой истово крестилась, прося у неба прекращения грозы.

На улице вода медленно поднималась по ступенькам крыльца. Система водоотвода не справлялась с текущими по тротуарам и дорогам реками. Похоже, город скоро затопит. Вспом-

нились Лилькины слова, сказанные накануне отъезда, о затопленной области. Посмотришь на улицу – и поверишь не то что в затопление области, а в затопление страны. Память показывала картины из фильмов-катастроф, будоража воображение климатическими катаклизмами.

– Вот оно, глобальное потепление, мать его, – бормотал небритый мужик в спечовке, с фирменным магазинным пакетом.

– Когда же оно кончится?! – полушепотом спрашивала полная женщина, держа корзинку, набитую покупками.

Ответом послужил грохот, донесшийся с крыши. Освещение внезапно потухло, погрузив зал в темноту. Силуэты людей, расплывающиеся во мраке, еле обозначались, и то лишь тех, кто находился недалеко от выхода. Послышался детский плач. Кто-то заматерился, ему посоветовали заткнуться, ибо рядом дети. Тихий шум сгрудившихся поблизости от единственного источника света, автоматических раздвижных дверей, возрастал, вместе с ним росло напряжение. Сестренка прильнула ко мне, вздрагивая то ли от холода, то ли от страха.

– Все будет в порядке, не переживай, – свободной рукой я приобнял худенькие девчоночьи плечи. – Свет скоро появится, дождь закончится, и мы поедем домой.

– Граждане, успокойтесь! – раздался слегка дребезжащий голос. Его хозяин хотел казаться уверенным, получалось у него так себе. – Оставайтесь в помещении!

– Никто вроде дернуть под дождь не пытается, – пробасил покупатель в спечовке.

В глубине зала зажегся фонарик от мобильного, рассеяв окружающую тьму. Тут и там вспыхивали дисплеи. Магазинные рабочие догадались включить мощные аккумуляторные фонари, обеспечив освещение. Волнение понемногу улеглось.

– Я же говорил, ситуация нормализуется, – улыбнулся сутулящейся возле него старушке седоватый представительный мужчина. – Всегда есть выход, не надо...

Он не закончил фразы. Глаза его вдруг расширились, наполняясь страхом, он сделал шаг назад, неотрывно уставившись мне за спину, в стеклянную дверь входа. В скудном свете лицо мужчины побледнело.

Обрушившийся на стену удар едва не сломал бетонные перегородки. Стальные балки жалобно загудели, здание содрогнулось, прочное стекло раздвижных дверей разлетелось по залу тысячей осколков, впуская внутрь ветер. Меня сбило с ног, плеснуло ледяной водой в щеку. Покупатели кеглями повалились на пол. Истошный вопль, крики о помощи, женский визг прорывался через неистовый рев.

Лилька лежала, крепко обхватив меня руками, мои руки сжимали ее и пакеты с купленными продуктами. Из дверного проема торчали ветки вырванного с корнем и брошенного в здание гигантского дерева, неведомым образом очутившегося здесь, в городе. У нас деревья, достигшие определенной высоты, спиливают, заменяя саженцами. Чтобы ненароком не упали на прохожих, сломанные ветром.

– Лиля, ты в порядке? – проорал я на ухо сестренке, перепуганно вращающей глазами. – Ушиблась? Отвечай!

Лильку пришлось встряхнуть, приводя в себя. Она наконец расплакалась. Крови не видно, и то хорошо.

Убираемся отсюда поскорее. Надежды на спасателей мало, до окончания урагана на них рассчитывать глупо. Отползаем от разбитых вдребезги дверей. Какое самое безопасное место в бурю? Подвал! Знать бы, как туда проникнуть. По идее, в подвал должна вести дверь напротив входа в магазин. Подобранный мною более-менее целый электрофонарь мазнул широким лучом по прилавкам, товарным шкафам, спинам и головам старающихся встать посетителей, продавцов и охранников. Выбрав сравнительно свободный и, главное, относительно безопасный путь между стеллажами с газированными напитками и брикетами вермишели быстрого приготовления, мы с Лилькой ринулись в глубь магазина. Там был проход в подсобные помещения, зашторенный клеенчатыми полосками. Зал с кричащими, стонущими людьми остался

позади, а мы попали в просторный коридор. Пробегающая мимо молоденькая продавщица нас вроде и не заметила, зато я перехватил ее за предплечье.

– Подвал где? Отведи нас в подвал, быстро!

Понимаю, столкнуться нос к носу с парнем, требующим немедленно отвести его в подвал, немного странно. Но не настолько же! Девчонка с круглыми от переизбытка адреналина глазами вырвалась и умчалась в темноту, чуть не шарахнув меня светящимся мобильником. За кого приняла, дуреха? За маньяка? Истеричка, блин.

Я уже собирался остановиться за углом, как неожиданный порыв ветра толкнул нас вперед. Ноги оторвались от пола, возникло короткое ощущение полета, луч фонаря утонул в раскрывшейся передо мной черноте, и наступила крошечная тьма, лишенная звуков и чувств.

Глава 2

Во тьме

Ох, как болит голова... Не к добру это. Надо же было так перебрать. Череп раскалывается, и в затылок кто-то методично долбит молотом. Открываю глаза. На мою комнату не похоже, там окно у кровати выделяется светлым пятном, а тут совершенно темно, как в гробу. Куда это меня занесло? Холодно, будто в морге. Лежать твердо. Нет, ну что за дурацкие сравнения лезут в башку!

Мучительно вспоминаю случившееся, попутно шаря вокруг. Руки-ноги целы, спину холодит, пальцы натыкаются на шероховатости. Бетонный пол? Каменный? Ковырнул ногтем. Точно не деревянный паркет. Стоп! Слева слышатся всхлипывания, справа нащупываю здоровенный пакет, наполненный... чем-то. Приплыли. Валяюсь на полу, рядышком плачут, вещи раскиданы.

Меня словно токомшибануло. Вспомнились утро, поездка в школу, магазин, буря, попытка укрыться в подвале. Судя по обстановке, мы не в больнице. Значит, до сих пор находимся в гастрономе.

– Лиля, – тихо позвал я, удивившись собственному хриплому голосу. – Лиль!

– Бра-а-атик! – раздался радостный рев сквозь слезы, резанувший по моим бедным мозгам. – Са-ашка!!!

Зашуршало сбоку, откуда доносился плач. Сестренка вцепилась в меня мертвой хваткой, обняла, рыдая на моей груди. Уф-ф, от сердца отлегло. Живая и относительно здоровая. Тяжелораненные не сдавливают своих родственников в объятиях.

– Я думала, ты умер, – делилась Лилька давешними подозрениями, орошая мою шею слезами. – Очнулась – тебя нет, никого нет! Бра-а-атик! Я испугалась! Искала выход и не нашла. Кругом стены! Са-а-аша! Мне страшно!

Еще бы не страшно. В худшем случае здание завалилось, мы оказались в бетонно-стальном мешке. Мне стало чуточку не по себе. До подвалов добираются в последнюю очередь, иногда за несколько дней. Надеюсь, вентиляция здесь открыта и мы не задохнемся.

– Лиль, не плачь, – поглаживал я длинные сестрины волосы. – Сейчас встанем и вместе попробуем отыскать выход. Еды у нас хватит на неделю, бутылка с водой имеется. Выкарабкаемся, не бойся. О! Погоди-ка...

Помимо всего прочего, в пакете должен быть купленный фонарик с комплектом запасных батареек. Встав, засунул пятерню в пакет, нащупал цилиндрический пластмассовый предмет и вытащил его, вывалив добрую половину содержимого полиэтиленовой тары. Щелкнул выключатель, и тьму пронзил расширяющийся белый луч.

Комната ничем не напоминала помещение гастронома. Пол выложен плотно подогнанными большими каменными плитами, безыскусными и натуральными. Стены из каменных же блоков, влажных, поблескивающих кристалликами порошей соли. Высокий потолок с облупившейся штукатуркой никак не походил на забранные пластиковыми листами магазинные потолки. Луч рассеивался, достигая противоположной стены на расстоянии примерно десятка метров от нас. Углы скруглены, пол постепенно переходит в сводчатый потолок, образуя овальной формы зал. Сыро, холодно, изо рта валит белесый пар.

Это не гастроном, знакомый нам с детства. Чуждое современному человеку место. Почти никто не строит нынче из камня, разве что фанаты здорового образа жизни и ребята, повернутые на реконструкции Средневековья. Вспомнились рассказы старожилов о старой церкви, снесенной советскими властями в начале тридцатых годов прошлого века. Магазин построили на ее фундаменте. Церковь возвели, утверждали историки, на месте древнего языческого капища.

Догадки зарождались все невероятнее. Мы потеряли сознание в гастрономе, очнулись неизвестно где. Провалились в подвал? Не вижу на стенах и потолке проемов, лестниц и тому подобного, объясняющих наше попадание сюда. Возможно, нас перенесли в подвал? Вариант. Поставим галочку до поступления новой информации. Зачем перенесли? Хороший вопрос. Спасали из рушащегося здания? Тогда почему никого, кроме наших скромных персон, не замечаю поблизости? Куда подевался наш спаситель? Череп вот-вот лопнет от нахлынувших лавиной вопросов. Нечего ломать больную голову над ответами, которые сами придут по мере прояснения ситуации.

– Лиль, ты не ранена? – На вид не скажешь, но удостовериться нужно. – Болит что-то?

– Ничего не болит, – сестренка, продолжая стискивать меня, вновь разревелась. – Са-а-аша-а! Я так рада, что ты жив, что ты со мно-о-ой!

– Хватит, Лиль, все нормально. Мне требуется твоя помощь, а поможешь ты, прекратив плакать. Поняла? Да и чего мокроту разводить, в конце концов? Самое главное, мы живы и здоровы. Вот молодец. Помнишь, как здесь очутилась?

– Мы упали, – сдерживая всхлипывания, произнесла Лилька. – Помню, нас швырнуло. Не знаю... Это ведь не гастроном, да?

– Правильно мыслишь. Мы либо под магазином, в подвале, либо совсем в другом здании. Нас нашли без сознания и принесли сюда, в безопасное место.

– Оно... странное.

– На свете много странных мест. Давай чуть позже поищем того, кто нас приволок? Поблагодарим за спасение. Ты давно пришла в себя?

Сестренка замялась. Вопрос предназначался исключительно для отвлечения ее от дурных мыслей. Время, пока мы валялись в отключке, легко определить по часам мобильного. Кстати, о телефоне.

Мобильник лежал во внутреннем кармане моей ветровки и остался целехонек. Честно говоря, у меня были опасения насчет его сохранности. От случившегося он мог повредиться, метало нас по гастроному будь здоров. К счастью, телефон работал. Он у меня защищен резиновым алюминиевым корпусом. Специально модель для экстремальных условий приобретал. С моими поездками по области самое то.

Проблема заключалась в отсутствии сети. Поднятие аппарата повыше результата не дало, дисплей упорно показывал «Поиск сети». То ли мы слишком глубоко под землей и сигнал не проходит, то ли стены чересчур толстые, то ли произошло нечто плохое со станцией. Антенну ураганом сшибло, к примеру. Учитывая последние события, удивляться не приходится. Вторая плохая новость состояла в том, что времени узнать не получилось. Дата в уголке дисплея «обнулилась». Стрелки наручных механических часов застыли на пятнадцати минутах девятого. Примерно во столько началась злополучная буря.

Слов нет, одни выражения, причем нецензурные. Конечно, при Лильке я молча скрежестал зубами. Наручные часы затикали, стоило их завести. Мобильник же превратился в фотоаппарат, ибо телефоном назвать его язык уже не поворачивался, и отправился назад, в карман куртки. Потом поймаю сеть. Когда вышку отремонтируют, а мы найдем путь наружу. Вообще творящаяся ерунда мне ужасно не нравилась. Обстоятельства, мягко говоря, настораживали. Никто нас сюда не затащил, спасая от бури. На кой, спрашивается, анонимному спасителю понадобилось оставлять с нами наш пакет с продуктами и всякой дребеденью? Лишний груз. Разумеется, не исключено, спаситель личность неординарная, тягать тяжести ему доставляет несказанное удовольствие. Процент совпадения мизерный... Впрочем, он есть. Вот попали, блин!

Волнения пусть идут лесом. Нельзя проявлять эмоции при сестренке, она на грани, вот-вот вновь заплачет. Оно ей надо? Оно мне надо? Обдумаем ситуацию. Комната, куда нас забросило, похожа на подземелье. Или старинное строение. Стилизация не катит, все довольно нату-

рально. На стенах толстый слой соли. Значит, много лет зданию. В районе гастронома старые строения отсутствуют. Следовательно, мы далеко от магазина. Как это возможно? Интриги, тайны, расследования. Похищение? Кому сдались студент и школьница? К тому же нас бы связали.

В который раз убеждаюсь – недостаток сведений не приводит к правильным выводам, – потому займусь до поступления дополнительной инфы насущными делами.

Приняться надо бы за ревизию содержимого пакета. К цивилизации возвратимся бог знает когда – не помешает узнать, насколько мы подготовлены к пребыванию в экстремальных ситуациях.

Наибольший минус – в отсутствии теплой одежды. Холод собачий. Ветровка поверх футболки и джинсы – плохая от него защита. Лилькин наряд тоже оставляет желать лучшего. Тонкая блузка и юбка до колена разве защитят от царящей холодрыги? За пару часиков промерзнем до костей.

– Надевай, – ветровка легла на плечи сестренки. – Без разговоров.

– А ты как же? – заупрямилась Лилька.

– Мне не холодно. Ты смотрела последнюю серию...

Волнующегося человека отвлечь проще беседой на его любимую тему. Сестренка любит анимэ и мелодрамы, и разговор о сериалах ей по душе. Поскольку живем в одной квартире, волей-неволей пришлось познакомиться с «шедеврами» современной японской анимации и мелодраматической продукцией преимущественно отечественного производства. Теперь я расспрашивал о хитросплетениях сюжетных линий, изображая заинтересованность и параллельно раскладывая на полу покупки.

Забыл, сколько чего брал в магазине. В пакете обнаружилась еда. Две буханки хлеба, одну планировалось дома пустить на сухари. Нарезанный батон для бутербродов – на скорую руку приготовить самое то. Макароны. Чай. Интересно, откуда взять чистую воду и печку для заварки? Двухлитровую бутылку минералки без газа не дам, мы ее по прямому назначению используем. Пить-то больше нечего. Да и спичками без дров костер не разведешь. Килограммовая пачка соли, по-моему, в здешних условиях лишняя. Захочешь солененького – со стены соскребешь. Парочка банок консервированной тушенки пригодится стопроцентно, если пребывание в «подземелье» затянется. Три банки паштета из гусиной печени туда же. Бутылку растительного масла израсходуем, намазывая на хлеб. Гренки нажарить не судьба. Что там дальше? Вторая пачка чая. Заваривать не в чем и не на чем. Пока не в чем. Съедем поллитровую банку тушенки, и жестянка сойдет вместо кружки, а баночка от паштета заменит блюдо. Эх, жалко, сахару забыли купить. К чаю пришелся бы кстати. Пачку соли бросим, ни к чему ее таскать. Возьмем горсточку, завернув в бумагу.

С продуктами разобрались – приступаем к предметам первой необходимости, запихнутым в пакет. Как они поместились, ума не приложу. Упаковка туалетной бумаги, зубная паста, бритвенные кассеты. Да, я запасливый, прям хомяк. Лилька меня постоянно дергает – мол, склад собираю. Молодая еще, не понимает. Как сказал один замечательный писатель: «Есть вещи, без которых человеку просто не обойтись, и не потому, что они абсолютно практически необходимы, а потому что они в высшей степени поэтичны и авантюристичны»¹. Дальше по списку у нас фонарик с комплектом батареек. Двумя комплектами, учитывая находящийся в нем. Благо при покупке вставил, проверяя работоспособность. Штука в данный момент самая полезная. Вдруг мы в герметичном помещении? Свечи жечь опасно, огонь кислород «съест», а от фонарика ничего плохого не будет. Надеюсь, выкарабкаемся из подземелья до окончания ресурса батареек. К списку добавляем спички, свечи, перочинный нож. Им и консервы

¹ Карел Чапек. Коробка спичек.

откроем, и деревяху обстругаем при желании. Если найдем деревяху, естественно. До аварийного набора не дотягивает. Аптечки, например, с бинтами и йодом не хватает.

Батарейки, лезвия, банку с тушенкой и часть кусочков батона я рассовал по карманам, остальное положил под стенкой, завернув в пакет. Сомневаюсь, что крысы тут водятся: они выдают себя отходами жизнедеятельности и специфическим запахом. В комнате пахло хлебом, шампунем, которым Лилька моет голову, и сыростью.

За разговором о кино и анимэ сестренка успокоилась. Слезы на щеках высохли, взгляд сделался увереннее. Она отпустила меня и, рассказывая подробности душещипательной истории из свежего фильма, поправляла огромную для нее куртку. Отойти не решалась.

– Они поженились? – луч фонарика медленно перемещался по стенам в поисках отверстия, служащего выходом.

Все-таки каким образом нас сюда доставили? Стены ровные, без малейших признаков дверей и тому подобного. Тайный ход? Ощупывание кладки в поисках выступов, трещин, обозначающих замаскированную дверь, огорчило отрицательным результатом.

– Не показали, – тяжело вздохнула Лилька, сокрушаясь утаенному от широкой общественности создателями мелодрамы событию. – Он признался ей в любви, и они шли по пляжу на фоне купающегося в морских волнах заходящего солнца...

– Романтично, – пробовал я поддержать разговор. – Гляди-ка!

В центре пола различался правильной формы квадрат метр на метр, заложенный густой решеткой. Свет, угодивший в щели, рассеивался, тускло освещая пространство за ним.

Я взялся за решетчатую крышку, поднатужился. Сестренка пристроилась рядышком и ухватилась за толстые прутья. Раз, два, эх! Ломом бы поддеть, тяжеленная, зараза. Со скрипом, переходящим в скрежет, массивный люк сдвинулся.

Внизу начинался узкий тоннель. Наслоения соли на стенках потоньше, кладка грубее. Овальное помещение строили старательнее, в отличие от лаза. Закралась догадка: не канализационная ли это труба? Человеку пройти по ней затруднительно, значит, ее предназначение – отнюдь не пешеходная коммуникация. Между тем выбора нет. Придется лезть на четвереньках.

– Лиль, послушай. Большую часть продуктов оставляем, берем самое необходимое. Пить хочешь? – сестренка отрицательно мотнула головой. – Бутылка тоже здесь остается. Мы за ними вернемся, может быть. Лезем по тоннелю, я – впереди с фонариком. Ты за мной, никуда не сворачивай. Постоянно держи меня в виду, говори о своем любимом персонаже. Что-то заметишь – сразу сообщай. Не замолкай ни на минуту. Поняла?

– А почему рассказывать о персонаже и не умолкать? – удивилась Лилька.

– Я тебя видеть не смогу. Разговаривая, ты как бы дашь понять, что никуда не делась, ясно?

– А если мы заблудимся?

– Не заблудимся. – В принципе, вероятность заплутать существовала. Попади мы в лабиринт – надо придумать способ распознавания пройденного отрезка пути. – Будем стрелки рисовать.

Я продемонстрировал нож. Кончиком лезвия наглядно прочертил на поросшей соляными наростами поверхности жирную стрелу.

Сестренка, поколебавшись, кивнула.

– Веди, Сусанин!

И мы полезли. Передвигаться на троих неудобно, и я, сняв ремень, прикрепил фонарик над ухом. Видок у меня стал – точь-в-точь у замороженного спелеолога, забывшего надеть каску. А что? Главное, светит в нужную сторону и двигаться не мешает.

Лилька сообразила натянуть на ноги рукава ветровки, чтобы не сдирать колени. Для удобства перевязала свисавшие полы куртки пояском от юбки и в этом странном наряде шустро поползла за мной.

Метров пятьдесят лаз тянулся прямой кишкой, затем разделялся на два узких тоннеля, раза в полтора уже основного, больше похожих на трубы. Не для передвижения нормальных людей они строились, зуб даю. Тут карлики могли бы пройти, зверьки какие-нибудь, а не взрослый человек. Люди в Средневековье вроде были мельче нынешних, но не настолько. Ребенок – и то с трудом пролезет.

На развилке мы остановились. Излагавшая сравнительный анализ персонажей мелодрам и анимэ Лилька врезалась мне в тыл, не ожидая остановки.

– Э, чего стоим? – донеслось сзади.

– Ход раздваивается. Думаю, куда лезть дальше.

На самом деле меня смущал размер лазов. В них на четвереньках не походишь, узко. Передвигаться гусеничкой ой как не хотелось, да ничего не поделаешь. Втиснувшись в дыру и работая локтями и коленями, мы двинулись по правому ходу, полого опускающемуся на нижний уровень.

Минуты растягивались до бесконечности, счет времени потерялся. Мечущийся луч выхватывал угрюмые камни, сдавливающие нас со всех сторон. Стены, потолок, пол. Становилось трудно дышать. Сестренка пыхтела позади, бросив сравнения, только периодически ругалась, наткнувшись на очередную неровность кладки.

– Лиль, ты чего замолчала? – притормозил я, чтоб дать ей передохнуть.

– Надоело, – откликнулась она.

Мне тоже надоело. Никогда не испытывал больших неудобств. Сунуться в каменную трубу означало идти до конца – ведь развернуться не позволит теснота. Я устало лежал на животе и размышлял, когда кончится старинный тоннель и куда он приведет. Вероятно, это заброшенная канализационная либо вентиляционная коммуникация, и рано или поздно мы выберемся наружу. Внизу, по идее, должна быть сточная канава, выводящаяся из здания. Вентиляционная шахта соприкасается минимум с самыми просторными комнатами.

До чего же захотелось оказаться дома, в мягком уютном кресле! Укутаться в плед, выпить горячего чая. Продрог уже от ползанья по холодным камням. Единственное, что помогало держать себя в руках, – это присутствие Лильки. Я ей нужен уверенным и сильным, надежной опорой.

– Саш, почему тут так тесно?

Кто бы знал!

– Вентиляционная шахта, скорее всего. Или канализация. Долезем до конца – узнаем.

– Саш, а почему из той комнаты выхода не было?

– Замуровали, наверное.

– А почему, если это вентиляция, тут воздуха не чувствуется?

– А? – не совсем понял я.

– Ну, ветерка. Вентиляция же. Воздух гоняет.

От лилькиных слов аж во рту пересохло. И правда, почему нет движения воздуха? И пыли, мусора всякого, нанесенного ветром за десятилетия. Комок подступил к горлу. Вдруг шахта замурована, как овальный кабинет? Стоп, стоп, стоп! По-моему, у меня постепенно начинает съезжать крыша. Отставить панику. Выход из сложной ситуации есть всегда, надо просто пораскинуть мозгами, не заикливаясь на проблеме. Вдох, выдох. Как учил сэнсэй? Лист, упавший на водную гладь. Спокойствие водной глади. Успокаиваемся и кумекаем.

– Саш, ты чего замер?

До сестренки не дошло. Отличненько. Святое неведение.

– Канализация. Мы в канализации. Она впадает в реку. Долезем до реки – выплывем, позвоним и вызовем помощь. Отдохнула? Вперед!

Не веря ни единому своему слову, я рванул с активностью крота, которому прищемило хвост обвалом. Чем активнее двигаешься, тем меньше дурных мыслей, и не просто дурных,

а вредных психическому состоянию. Вместо спокойствия наступило подозрительно веселое настроение. Мозаика сама собой складывалась в невероятную, фантастическую картину. Нормальный человек никогда не поверит в подобную чушь, но факты штука упрямая. Мы с Лилькой перенеслись. Девяносто процентов из ста, мы не в городе. Ежели я не прав, проглочу отцовскую шашку, висящую на стеночке у нас в гостиной. С удовольствием проглочу и попрошу добавки.

Итак, перенеслись. Далеко. За город. Скажем, в старинное дворянское поместье.

А интерьерчик намекает на средневековый замок. Подземными ходами феодалы баловались, состоятельные феодалы, могущие себе позволить подземелья под родовым гнездом. В области у нас замков вроде бы нет. Поместья... кажется, имеются. Где именно, не припомню – не увлекался историческими достопримечательностями родного края. К сожалению.

Перед нами на расстоянии десятка метров замаячил тупик. Возвращаемся? Подлезем поближе и исследуем препятствие к свободе!

Препятствия не было. Труба элементарно поворачивала направо под прямым углом. Изворачиваться подобным образом, принимая неописуемо неудобную позу, мне еще не доводилось даже при изучении на практике Камасутры. Вознаграждением за мучения стало зрелище, вселившее надежду на благополучное спасение. Через пару-тройку метров темнела массивная решетка. При внимательном осмотре выяснилось, что она глиняная. Прodelанные в ней узкие прорезы были щелями в комнату. Разделенный на полосы свет фонарика тонул в обширном пространстве темного помещения.

«Мы вылезем! Мы спасемся!» – радостно заверещал обнадеженный рассудок.

– Отдыхаем? – спросила сестренка.

– Вылезаем, – раздалось в ответ мое предупреждение.

Глина от сырости теряет прочность и крошится. Не мудрствуя лукаво, я применил простейший и эффективнейший метод. Ударил ладонями. В трубе не размахнешься, удар довольно слабый получился, однако решетка, разломившись на куски, исчезла из моего поля зрения. Спустя мгновение она грохнулась о твердую поверхность. Я выдвинулся по плечи из трубы, осветил сводчатый потолок, настенные факелы и...

Выхваченное из тьмы зрелище заставило невольно попятиться. Вернее, изогнуться телом в попытке втиснуться назад, в проклятый ход.

Я не ошибся. Труба на самом деле являлась ответвлением вентиляционной шахты, снабжающим воздухом небольшой круглый зал. В центре на квадратной каменной плите, прикованный покрытой ржавчиной цепью, покоился человеческий скелет. Латник в панцире, с мечом на груди. Жутко щерился череп из-под остроконечного шлема, возлежащий на сеточке рыжих тонких волос. У металлического ворота сверкал синевой драгоценный камень на тускло поблескивающей цепочке.

Мертвеца окружали останки воинов в броне, по-разному вооруженных. Выпростанные на прямоугольных плитах поменьше, без сковывающих цепей, они напоминали почетный караул, образующий правильное кольцо. На ум пришли захоронения скифских царей, погребенных с многочисленной свитой из воинов, рабов и наложниц.

– Твою... – вырвалось у меня.

– Саш, что ты там увидел? – проявила резонный интерес сестренка. – Двигайся, дай глянуть!

Отговаривать Лильку бессмысленно, по опыту известно. И ни к чему. Все равно вылезу.

– Лиль, ты не пугайся, хорошо? – подготавливал я сестренку. – Вылезая.

Ну почему выход разместили под потолком? Из неведомо зачем проложенной шахты ужасно неудобно проникать в комнату. Вниз головой, цепляться не за что, под тобой три метра пустоты. Навернешься – калекой останешься.

Медленно, стараясь сохранять равновесие до последнего момента, я высунулся из проема и осторожно, с выставленными перед собой руками, сполз вниз. Перевесившееся тело ускорилося. Оу, падаю! Хоть бы фонарь не разбить!

Ладони коснулись пыльного пола. Я еле успел сгруппироваться и подогнуть голову, подставляя шею и плечи. Уф-ф-ф, обошлось. Перекатившись, встал на ноги. Запястья заныли от непривычной нагрузки. Ура, фонарь целехонек, руки-ноги в порядке.

Пол устилал ковер древней пыли, поднимающейся клубами от моих действий. Беглый осмотр стен порадовал наличием двух арочных порталов, вырезанных из камня. Ликование сменилось разочарованием, когда свет озарил глухую стену вместо выходного проема. Неровности кладки и камни помельче тех, из коих сложены остальные стены, наводили на мысль о замурованном проходе.

К тому же возле одного портала на торчащих из пола острых штырях висел скелет. Не повезло человеку – попал в ловушку. Вопрос в том – как он сюда пробрался? Двери не видать. Вероятнее всего, тем же путем, что и мы. Хотел обследовать порталы в поисках выхода и попался на колья.

Про себя сделал заметку: не подходить близко к порталам без проверки пола на предмет смертоносных сюрпризов и в целом быть осторожнее.

– Ничего себе, – замерла с открытым ртом Лилька, ошарашенно взирая на зал из шахты.

– Массовое захоронение. Они мертвы уже много лет, не бойся. Вылезай, я тебя подхвачу.

После того как сестренка, повизгивая от страха, спустилась, мы сели на полу, наслаждаясь возможностью свободно двигаться.

У меня зародилось предположение о древнем склепе. Чем может быть зал с мертвецами, покоящимися при полном параде? Ответ очевиден.

Центральный воитель, оказывается, прикован не просто к плите. Под его плитой круглое возвышение, смахивающее на наземную часть колодца, выложенную из камня. Цепи, по величине не уступающие якорным, удерживаются огромными железными крюками, вбитыми меж каменных блоков у основания возвышения. На камнях колодца вырублены на равном расстоянии друг от друга непонятные знаки. Знаков тринадцать, причем один запечатлен на смертном ложе-плите, у изголовья воителя, остальные окольцовывают колодец изломанной линией. Сам покойник лежит с вывернутыми конечностями. Его словно заживо приковали, накрыв колодец плитой. Он сопротивлялся до последнего вздоха, стараясь освободиться.

Мелькнула мысль: уж не жертвенный ли это зал? Кому тогда приносили жертвы? Не тому ли, находящемуся в колодце, под перекованной цепями плитой, похожей одновременно и на алтарь, и на охранную печать?

Спокойствие, только спокойствие. Мертвецы – самые безобидные парни на свете. Продолжаем осмотр без лишних эмоций и размышлений.

Доспехи-то у покойника рифленые. С наплечников скалятся клыкастые морды псов, нагрудник изрезан незнакомыми символами. Сразу понятно: не простой ратник. Доспехи и оружие примерно Средневековья, подобные с небольшими различиями в книжках рисуют. Кстати, об оружии. Меч длинный, зазубренный на четверть с одной стороны, прямой, обоюдоострый. Клинок окислился, приобрел за века желтовато-зеленый цвет. Особенно привлекал внимание эфес в виде удлиненного бараньего черепа с закрученными рогами-гардой. В глазницах мерцали прозрачные камешки. Какие именно – судить не берусь, в ювелирном деле плохо разбираюсь. Рубин от сапфира отличу, прочее – для меня темный лес. На цепочке у мертвеца при ближайшем рассмотрении оказался именно сапфир, и не абы какой, а звездчатый, в ажурной оправе из желтого металла, подозреваю, золота.

Тихий, на грани восприятия щелчок заставил насторожиться и замереть. Я случайно дотронулся рукой до плиты с центральным мертвецом. Под ладонью тотчас почувствовалась вибрация. Показалось? Нет, камень шевелится от изменения положения руки.

Угораздило же! Я неподвижно удерживал руку на ложе воителя, даже дышать перестал. Спустя минуту камень перестал двигаться.

Бряд ли плита реагирует на давление из-за неровностей, допущенных нерадивыми каменистами. Девяносто девять из ста, ловушка. Ее создатели, по логике вещей, должны были предусмотреть возможность попадания на ложе мелких животных. Крыс там, мышей, змей, и кто еще любит в подземельях жить. От малого веса ловушка не сработает. Хочется надеяться.

Медленно убираю ладонь. Без резких движений, не дыша. Вот, хорошо. Об устаревших механизмах, активирующих ловушку при малейшем касании, не думаю. Делаю шаг назад. Не спеша прохожу меж покойников, окружающих центрального мертвеца.

Я за пределами кольца.

К военачальнику в рифленых доспехах больше близко не подойду. Мертвых не боюсь и безгласности особой не испытываю. Мало ли какие сюрпризы для грабителей установили строители гробницы! Сапфир в золотой оправе, конечно, вещь ценная, но пускай уж хранится с хозяином. Ничего не буду трогать. Спрятанные в нишах самострелы не выстрелят, разошлись совсем, зато пол из-под ног вполне может уйти, сдвинутый механизмом из-за незначительного уменьшения веса покойника. Еще не исключаю выскакивающих из пола колеб. Яркий пример неосторожного растяпы – вон, у стеночки висит.

– Разглядывать мертвяков, наверное, безумно интересно. Давай сначала придумаем, как выйти, Саш. Потом будешь любоваться покойными, – послышался Лилькин голос.

Сестренка заглядывала из-за моей спины, ничуть не опасаясь. Еще бы! Старший брат рядом, смелость прет. Обычно девчонки шарахаются от мертвецов, да и парни к бранным останкам симпатии не испытывают. Лилька совершенно иная. К трупам она относится удивительно спокойно. Как-то, когда училась в средних классах, ей попался череп, подложенный мальчишками сестренке на сиденье парты. Неподалеку от школы располагалось заброшенное кладбище – там позже разбили парк отдыха. Оболтусы-одноклассники набрали на заброшенную могилу и хотели, отрыв костьяшку, напугать девчонок. Лилька, к их удивлению, преспокойненько взяла черепок, отнесла за школьный двор и похоронила в коробке от обуви под березой. С тех пор мальчишки ее зауважали, а одноклассницы начали немножко побаиваться, подозревая в колдовстве. Инквизиторши доморощенные. Никогда не замечал за сестренкой склонности к увлечению мистикой и черной магией.

– Угу, нашли уже, – пробурчал я.

Для задуманного требовался твердый предмет с острым концом наподобие лома. Из оружия годились копье и топор покойников, лежащих вокруг центрального «князя». Копье с полуметровым наконечником на вид невинно. Древко длиной до полутора метров, иссеченное символами, сохранило твердость, покрывшись зеленоватым налетом. Иззубренный с обеих сторон клинок не тронут ржавчиной. Он лишь присыпан слоем пыли и запятнан окислением. Вытаскивал оружие из сцепленных пальцев костья я неторопливо, отправив Лильку к дальней части зала. Хоть бы не ловушка, хоть бы не ловушка... Древко выскользнуло из мертвяцкого захвата, и тишина.

Пронесло. Вытерев пот со лба, я прикинул, откуда удобнее подойти к ближайшему порталу и не ступить в западню.

Я встал на расстоянии длины копеечного древка от арки и взялся водить наконечником меж камней внутри портала со скелетом. Ловушка уже разрядилась, и здесь вроде безопаснее, чем возле соседнего портала.

Клинок заскрежетал, оставляя почти неразличимую царапину. Что за... Ожидалось, он проделает борозду в разрушающейся от переизбытка влаги кладке. Между камнями раствор должен ослабеть за столетия. Бетон – и тот разрушается со временем. Ничего не понимаю. Неужели предки использовали рецепты водостойких строительных растворов?

В течение получаса царапания стена поражала сверхпрочностью. Камни копыю не поддавались. Разозлившись, я изо всех сил долбанул наконечником. Брызнули желтые искры, по поверхности пролегла крошечная царапинка. Топор брать бессмысленно, итог будет тот же. Скрести придется несколько столетий. У нас с Лилькой нет и недели. Пустое, безнадежное занятие.

– Саша, что нам делать?

Сестренка вот-вот заплачет. Наблюдая за тщетными попытками проломить стену, поняла сложность нашего положения. Рано отчаиваться, Лилька! Не все варианты перепробованы.

– Есть хочешь? – бесполезное копье зазвенело по полу.

Сестренка мотнула головой, размазывая кулачком слезы по чумазым от ползания по шахте щекам.

– А я перекушу, – с веселой злостью заявил я. – И тебе советую. Наберемся сил перед следующим рывком.

– О чем ты говоришь! – голос у Лильки срывался. – Каким рывком? Нам некуда идти! Нас никто не спасал! Мы умрем!

– Не драматизируй. – Перочинный нож легко разрезал консервную банку с тушенкой. – Развилку шахты помнишь? То-то же. Передохнем и полезем обратно. Лиль, расслабься. Было бы из-за чего переживать! Мы обязательно выберемся. Не найдется выхода – сами пробьём. Разберем стену по камешкам и выберемся. Обещаю. Бутерброд с мясом будешь?

Сестренка есть наотрез отказалась, однако плакать перестала.

Покончив с трапезой, я оставил консервную банку у колодца. Представляю лица археологов, нашедших жестянку в средневековой гробнице. Сенсация! Консервы изобрели наши предки тысячу лет назад!

До условно «вентиляционного» отверстия высоко, поэтому Лилька вскарабкалась мне на плечи. Дотянувшись и, подталкиваемая мною снизу, забралась в шахту. Сестренка отползла, о чем сообщила спустя минуту. Я с разгону подпрыгнул, подтянулся и ввалился внутрь каменной трубы.

Подъем, по-моему, отнял на порядок больше времени и усилий, нежели спуск в погребальный зал. Мы чаще останавливались, отдыхали. Иногда сестра окликала меня, спрашивая о том, сколько еще ползти, мы перебрасывались односложными фразами. Говорить мне не хотелось – устал слишком. Переход изматывал колоссально. Вскоре все предположения и планы спасения вытеснило из головы желание побыстрее достичь главного тоннеля.

Утомительный переход завершился нашим облегченным вздохом. Мы встали на четвереньки, разминая затекшие конечности, сестренка изобразила подобие скрюченного двуногого динозавра. После короткой передышки, измученные, двинулись по второй трубе наверх. Крутой подъем вынуждал страховаться, упираясь ногами и руками о стенки лаза. Возвращение из погребального зала казалось нам сущим мучением, путешествие же по этому ответвлению обернулось кошмаром. Единственное утешение – в исчезновении чувства холода. Нам стало жарко и душно. Едкий пот заливал глаза, струился по телу, отчего футболка прилипла к коже. Бывало, шахта устремлялась вверх почти под прямым углом, и тогда, сдирая колени и стирая одежду вместе с кожей на спинах, приходилось карабкаться до следующего поворота. Границы реальности растворялись в мечущемся луче света и разливающейся по каждой мышце тяжести. Будто бы видишь ужасный сон и никак не можешь проснуться. На одной из остановок Лилька поделилась опасением, что происходящее ей снится. Ей казалось, она на самом деле спит дома, в нашей квартире. Я убеждал ее в обратном, в качестве доказательства собственной правоты приводя боль. Спящий не чувствует боли, а у меня ломит кости, саднит мускулы. Плюс ко всему руки и ноги от перенапряжения дрожали.

Неожиданность поджидала нас за поворотом.

Тупик, возникший передо мною, хоронил надежды на спасение. Каменные блоки сантиметров по тридцать.

– Саша, чего там?

Я молча таращился на преграду, самую несправедливую и обидную в жизни, и не хотел верить, что умру с сестренкой здесь, в неизвестном замурованном склепе. Лилька повторила вопрос, сопроводив его тычком. Мол, чего молчишь?

Нет, мы выживем. Будет нужно – зубами разгрызу путь к спасению. Пусть стены толсты, все равно они ограничены. Запасусь терпением, распределяю пищу и воду на мизерные порции, дабы хватило подольше, и проскребу дыру в стене. Разрушу ее к чертям собачьим!

– Подожди, Лиль, – лезвие перочинного ножа прочертило глубокую борозду во влажном растворе меж камней, из-под клинка посыпался песок.

Действует! Отсыревший раствор поддается, не то что в склепе.

Последующие минут десять пролетели в долблении кладки. Сестренка притихла, сообщив, чем занимается старший брат. Неохотно каменный блок освобождался от скрепляющего его с соседними камнями раствора. Я вычищал песок, глину, расширяя щели, пока лезвие не стало без помех ходить в прорехах. Тогда, аккуратно поддев ножом краешек камня, принялся расшатывать его. Миллиметр за миллиметром каменюка выдвигалась из стены.

– Лиль, подвинься, пожалуйста, – попросил я, отползая.

Каменный блок гулко вывалился, образовав прямоугольное отверстие, сквозь которое повеяло прохладным воздухом. Запахло прелой листвой, гнилью и озоном. Вырвавшийся из нашего лаза луч наткнулся на копию шахтной стенки. Те же белесые соленые камни, та же теснота вентиляционного хода, и только циркулирующий воздух доказывал, что за перегородкой совсем другая шахта. Там нет мертвенной затхлости склепа, там гуляет ветер. Там жизнь.

Остатки преграды, перегораживающей шахту, были сметены и раскиданы по трубе. Мы буквально просочились через завал, поминутно чихая и кашляя от скопившейся пыли, пролезли по мусору к своего рода перекрестку. Ход делился на четыре рукава, тянущиеся вверх, вправо, влево и к замурованной части. Впрочем, выбирать не довелось. Луч фонаря пронзал глиняную решетку справа.

От особо сильного толчка глина распалась и выпала. За ней находилась маленькая комната. Вдали виднелся фрагмент лестничного пролета в арочном проходе. От сгнившей двери валялись на заваленном мусором полу позеленевшие металлические полосы. Из-под них торчала полуистлевшая пятипалая кисть, оплетенная спиралью незатейливого браслета. В сторонке утопал в опавшей листве растрескавшийся череп. Листья – это замечательно. Их сюда периодически заносит снаружи.

Скелет нагонял мрачные размышления. Массовое захоронение какое-то. Как пропустили его археологи, особенно черные, славящиеся обворовыванием древних могил? Ладно погребальный зал, но скелет с браслетом просто-напросто обязаны найти и снять безделушку. Напрашивается вывод: о подземелье и замке никто не знает. Вопрос на миллион: много ли белых пятен на карте матушки-Европы? Она изъезжена, исхожена вдоль и поперек. Безлюдных территорий практически нет. Или все-таки есть?

Вылезая, я бухнулся на кучу мусора. Подо мной хрустнуло. Уж не кости ли бывшего хозяина комнаты? Простите, коли так. О, наконец-то стоячее положение! И свежий, дующий в лицо воздух, пахнувший грозой. Оказывается, для счастья нужно поразительно мало.

– Эй, сестренка, вылезай!

Высунувшуюся Лильку я подхватил, поставил на ноги, дал отдышаться, осмотреться. Приходи в себя, сестренка.

– Идем. Ступай осторожно, след в след за мной, поняла?

Лилька держится молодцом. Ощутила слабое дуновение ветерка – сразу смекнула, что к чему.

– Поняла, спрашиваю?

– Да ясно, ясно.

Лестница закручивалась штопором вверх и вниз. На истершиеся, частично искрошившиеся ступени, ребристой лентой убегающие вниз, я ступить не решился и двинулся вверх, по более уцелевшему и оттого внушающему доверие пути. Достаточно с нас подземелий, пора к солнцу. Пройдя пролет, мы попали на площадку без крыши, с узенькими окошками-бойницами, откуда открывался вид на ночной лес, залитый лунным светом. Здание было полуразрушенной башней, возвышающейся на невысоком холме посреди колышущегося древесного моря. У подножия холма блестела речка, отражая небесные светила. Небо чистое, сияют большие, необычайно близкие звезды.

На некоторое время я лишился дара речи. Кроме звезд, по небосводу неспешно плыли три разноцветные луны.

Глава 3

Хлопоты

Утро добрым не бывает, говорят некоторые знающие люди. Еще как бывает! Просто, чтобы понять его доброту, нужно как следует познать недоброжелательность ночи. Мы с Лилькой ее познали на собственной шкуре. На всю оставшуюся жизнь возненавидели темноту и подземелья. А утро... надо уметь находить хорошее во всем. Нас забросило неведомое явление неизвестно куда, однако мы выжили. Смерть под завалами нам не грозит, зато нарисовалась проблема не намного легче.

Ночью мы улеглись спать на открытой площадке на вершине башни, откуда просматривались окрестности. Не сговариваясь, нагребли кучу листьев побольше и зарылись в них, точно в одеяло. Мягко, не холодно. В нашей ситуации лучшего не пожелаешь. Усталость сморила сразу. Не обсудив планов на завтра, я заснул. Сестренка, засыпая, выразила общее мнение, сказав:

– Саш, мы на другой планете.

С очевидным не поспоришь. Три луны – снежно-белая, кроваво-красная и небесно-голубая, – выстроившиеся в ряд по размеру, неоспоримо доказывали правоту Лильки. Фактически нам крупно повезло. Воздух сходен с нашим родным, гравитация аналогичная. Меня занимало – живут ли поблизости разумные существа, и их настрой по отношению к чужакам. Раньше таковые жили: башню ведь построили. Потомки тех зодчих – ау, где вы? Поселились в здешнем лесу? Не одичали? Не примете за пищу?

Будем действовать по обстоятельствам. Для возвращения на Землю нам потребуется помощь. Да вот где найти разумных-то? С утра начнем готовиться пересечь лес. Знать бы куда идти, чтобы выйти в минимальные сроки к населенному пункту.

На рассвете меня разбудила тупая боль, бродившая по организму. Ломота в теле сопровождалась жжением спины. Она вчера пострадала при подъеме по вентиляционной шахте. Кожу содрал, мышцы растянул. Не простыть бы, под землей холодрыга страшная. На поверхности теплее. Утром, правда, прохладно.

На востоке вставало здешнее дневное светило. По мне, ничем не отличается от нашего солнышка. Я резко вскочил, разминаясь и прогоняя болезненные ощущения. Избавиться от ломоты, увы, полностью не удалось. Я снял изорванную футболку, обмотал вокруг пояса, обошел площадку. Настало время тщательно исследовать башню. Может, отыщу что-нибудь полезное.

Крыша башни не провалилась от ветхости, иначе балки лежали бы на верхнем этаже. Ее словно срезало. У верхних камней края ровные. Под слоем грязи слой черной копоти по периметру площадки. Остатки стен с узенькими окошками-бойницами переполовинены не временем – завалов-то нет, – а тем неизвестным оружием, напроць снесшим верхушку здания.

Поворошив листву и мусор подвернувшимся прутиком, я наткнулся на ржавые жерди, стойки для копий и мечей. Вскоре откопал из-под толстого слоя грунта из перегнивших листьев и веточек продолговатую железку, напоминающую пику. Древко давным-давно сгнило, четырехгранный наконечник затупился и заржавел. На нем сохранилось клеймо мастера – полумесяц над башней. Я стукнул железкой о камень, попробовал согнуть. Крепкая еще, на совесть ковали.

В результате поисков набралось пять подобных штук, из них одна годилась в качестве оружия. Ее я планировал насадить на прямую палку и использовать для охоты и защиты от зверей.

Идеальным вариантом было спуститься в склеп и нагрузиться оружием, оно там в гораздо лучшем состоянии, но идея повторить путешествие по шахте вызывала в душе протест. Правда,

жаль брошенных в подземелье продуктов. Лилька голодная проснется, не ела вчера. И бутылка с водой не лишняя: до реки топать и топать. С виду до нее камешком докинуть, да вот спуск вызовет массу проблем. Не выгоднее ли действительно сгонять в подземелье?

Решение спуститься далось невероятно трудно. Я долго взвешивал «за» и «против», прикидывал, смогу ли обойтись без пищи из схрона. Допустим, насобираю в лесу ягод, тем и подкрепимся. Позднее, смастерив снасти, наловлю рыбы. Грибов раздобуду.

Угу, размялся. На проверку съедобности ягод и грибов потрачу день. Ну, полдня. Све-рился с часами, понял: ползание по трубе туда и обратно займет максимум пару часов. С продуктами из магазина у нас стопроцентная гарантия качества и запас еды на время, необходимое для добывания и испытания новой пищи. К тому же не стоит сбрасывать со счетов оружие в погребальном зале. Добротные копье, нож и топор – вещи бесценные в лесу. Дров нарубить, добычу освежевать, хищника отогнать чем прикажете? Самодельной пикой?

Как ни крути, выгода от экспедиции в подземелье колоссальная. Сестренку туда, естественно, не потяну – зачем оно ей, по шахтам лазить. Сам попытаюсь быстрее справиться.

– Лиль, вставай, – тронул я Лильку за плечо.

Она засопела и перевернулась набок, пробурчав нечто нечленораздельное.

– Вставай, соня. Мне уходить пора.

Сестренка забормотала о нехорошем старшем брате, не дающем выспаться в выходной. Потом встрепенулась, широко распахнув глаза, и резко села с недоверчивым выражением на мордашке.

– Бли-и-ин! – скривилась она, увидев обстановку. – Я так хотела, чтобы это был сон!

– Тебя ущипнуть? Чтобы окончательно проснулась? – любезно предложил я. – С добрым утром! Выспалась?

– Ты спрашиваешь! Саш, – Лилька понизила тон, – что нам делать? Куда идти? Я хочу домой!

– Прежде всего – нельзя отчаиваться, – я улыбнулся, стремясь поднять сестренке боевой дух. – Похоже, нас перенесло бурей. Согласно одной гипотезе, природные катаклизмы в материи образуют аномалии. Завихрения, дыры в пространстве и времени. Мы угодили в эдакую дыру. Теперь надо отыскать дорогу домой. Освоимся в этом мире, разузнаем – возможно ли попасть назад. Предупреждаю, мы можем завязнуть здесь навсегда. Послушай внимательно, Лиль. Я возвращаюсь в подземелье за продуктами.

– А, – протянула сестренка, – это обязательно? Мы в лесу. Ягод соберем, орехов, грибов. Рыбы наловим.

– Угу, наловим. До первого улова чем питаться будем? У нас внизу недельный запас свежего, высококалорийного питания.

– Потерпим. До деревьев рукой подать, там поесть чего-нибудь обязательно найдем. На поиски уйдет немного времени, голодать придется недолго. Не уходи, пожалуйста, братик...

Понятно, боится одна остаться. Осознает мою правоту, иначе закатила бы скандал. Лес незнакомый, развалины страшные. Неизвестно, кто из чащи выбежит. Хищников, наверное, в местных буреломах полно, а то и кто похуже бродит из когорты лесных обитателей, с которыми лучше не встречаться ни при каких обстоятельствах. Разумных и полуразумных существ имею в виду.

– Не волнуйся, – я погладил Лильку по плечу. – Я быстренько, туда и назад. Принесу тушенки, хлеба, водички. Покушаем, отдохнем и пойдем по ягоды.

– Саша, не спускайся. Там опасно, – привела последний аргумент сестренка. – Тебе самому нельзя, давай вместе.

– Чего? Зачем? Я и сам справлюсь отлично. И нет внизу ничего страшного. Тебе со мной ни к чему лазить. Подождешь меня тут, и не вздумай возражать, ясно?

Обиделась. И разозлилась. Ну, в чем я виноват, а? В желании обеспечить нам запас еды и инструментов? Стараешься, рискуешь здоровьем, а вместо благодарности немые упреки.

– Погоди, – Лилька стащила с ног потрепанную ветровку. – Надевай. Тебе она нужнее – вон, спине разодрал.

– Спасибо, Лиль... – Все-таки сестренка у меня умница.

Надев куртку, я сошел по лестнице в комнату с вентиляционным ходом. Лоскутами от футболки привязал фонарь к виску. У ремня на поясе специальная роль.

Спускался ногами вперед: так удобнее падать по вертикальному стволу шахты. Притормаживал кроссовками, немилосердно стирая резину подошв. До нижней развилки с рукавами в погребальный зал и овальный кабинет добрался сравнительно быстро, оттуда сначала проник в комнату со схроном. Прodel ремень в ручки пакета, сделал петлю, привязал к ноге и отправился к покойным воителям. На перекрестке оставил пакет: волочить его в погребальный зал трудно. На обратном пути захвачу.

Протискиваясь в каменный лаз, не сдерживался и на чем свет стоит костерил архитекторов, строителей, проектировавших и строивших здешнюю вентиляционную систему, хозяев подземных хором и бурю, выбросившую нас из родного мира. Одному ползать жутко – от каждого шороха и тени шарахаешься. Звук собственного голоса разгоняет окутывающий страх, придает храбрости.

Погребальный зал не изменился с момента последнего посещения. Мертвецы таранились в сводчатый потолок пустыми глазницами, поблескивал сапфир на груди воина в украшенных рифлением доспехах. Цена самоцвета, наверное, бешеная. На рынке не продашь. О чем это я? Прочь, прочь, корыстные мысли! Они многих хороших людей сгубили.

Между прочим, обладатель камешка с покоящимися в зале воинами – человеческого роду-племени. Логично предположить, раса гомо сапиенсов населяет планету. И то хорошо: сольемся с толпой по прибытии в город. Должны же у людей быть селения. Земная цивилизация начиналась с города.

Беру оружие и пустую консервную банку и сматываюсь: находиться в усыпальнице дольше нужного – психическому здоровью своему вредить и сестренке нервы трепать. Привязываем копьё, секиру и кинжал, позаимствованные у мертвецов, связкой к поясу. Пока, ребята! Хочется надеяться, больше не свидимся. Простите за беспокойство.

В тишине склепа слабое шуршание почудилось скрежетом. Глюк? Не удивлюсь. Нервы расшатаны вчерашним попадаловом. Замираю, прислушиваясь. Тихо, как в могиле. Фу-у, аж пот выступил. Покойники лежат смирно, никто признаков агрессии не проявляет. Показалось.

Звук повторился. Будто мышь скребется. Источник таился в колодце под плитой. К шороху присоединился тихий шелест, непонятно откуда исходящий.

В лаз я заскочил стремительно и яростно заработал локтями. Опомнился на развилке. Ни шелеста, ни шуршания. Кровь колотилась в виски. Ставший привычным свет фонаря падал на пакет и связку оружия. Может, ну его, обойдусь без предметов старины глубокой? Нет, не для того корячился, чтоб отказаться от жизненно важного инструмента. Гадкие мыслишки о проклятии были задушены в зародыше. Ругая себя последними словами, я унял дрожь, вызванную адреналином вкупе с перенапряжением.

Чего бояться? Призраков? Ишь, удумал. Реалистичных объяснений великое множество. Крыса грызет стену, обман слуха из-за переутомления, подземная река подтачивает пол.

Сестренка дежурила у вентиляционного выхода.

– Саша! – она взидала на меня округлившимися глазами. – Что с тобой случилось? Ты в крови весь.

И правда. Разодрал кожу на локтях и лопатках хуже прежнего, кровь облепила руки и спину неприятной засыхающей коркой. Наверняка ранился, уползая из погребального зала.

Сестренка разорвала рукава блузки, подол юбки и, промыв раны водой из бутылки, перевязала мне корпус. На локти ткани не хватило. Лилька оторвала полосу от подкладки ветровки.

Интересно, в вентиляционной шахте много болезнетворных бактерий? Не подхватить бы заразу.

Стрелки на часах отсчитывали половину десятого. Путешествие по подземелью длилось два часа, из них треть занял путь наверх. В кровоточащие раны набились пыль и грязь, устилающие стенки каменных лазов. Не мешало бы раны йодом обработать. Ну, почему я не зашел в аптеку по дороге домой и не купил бинты и обеззараживающее? Ссадины загниют – и финита Саше Стрельцову.

От досады я заскрипел зубами. Ничего, обойдется. Африканцы шрамирование делают без всяких лекарств. Пеплом присыпают ранки, делов-то. Происходит воспаление, но живут же.

Вторая опасность кроется в запахе крови, привлекающем хищников. Амбре от меня распространяется по лесу. К вечеру жди зубастых гостей. Не зря копьё достал, не зря. Авось сегодня пригодится.

Подготовка – ключ к победе. Поем, отдохну и примусь за работу. Покинем это проклятое место до заката, обустроим ночлег. Пока не найду подходящего укрытия, сестренка посидит в башне. Местность разведую, поесть притащу.

Завтракали мы вместе. Лилька, будучи отходчивой, скоро капитулировала под урчание в своем животе и уплетала тушенку с черствым батоном за обе щеки, запивая водой из бутылки. Воды осталось чуть-чуть. До завтра с натяжкой хватит. Потрапезничав, устроили небольшую сиесту. Поболтали о том о сем, обсудили планы, распределили обязанности. Мое заявление о походе в одиночку вызвало у сестренки шквал протестов.

– Ягоды помогу собирать, грибы. У меня по биологии пятерка, я лесные растения знаю! – упрямилась она.

– Мухомор от боровика и я отличу, а кто будет охранять наши припасы в башне?

– Ты останешься. Тебе ходить вредно, ты раненый. И от кого охранять?

– От мелких зверьков, птиц, – не уступал я. – Мигом слетятся, едва оставим продукты без присмотра. А насчет тех жалких царапин – они не чувствуются. К тому же на взрослого зверь побоится напасть.

– Ты что, знаток местных зверей?

– Включи логику, Лиль. Маленькая девочка и здоровый мужчина. Есть разница? У меня, в крайнем случае, отбиться шансов больше.

– Я бегаю быстрее! – не унималась сестренка. – И по деревьям лазаю лучше всех в классе!

– Когда это ты перегнала старшего брата? – поднял я бровь. – С копьем не справишься, оно для тебя чересчур тяжелое. Нести устанешь.

В итоге Лилька согласилась с моими доводами.

Солнце близилось к зениту, когда я, заткнув за пояс топор и кинжал, смахивающий на короткий меч, перекинул ногу через частично обрушенную стену. Копье болталось за плечами на веревочке, сплетенной из лоскутов футболки. Карман джинсовых брюк оттопыривали пустые полиэтиленовые пакетики. Ну, вперед, скалолаз-собиратель.

Из башни по-другому не выберешься. Основание винтовой лестницы завалило камнями, до первого этажа копать и копать. К тому же, выход за века мог погрузиться под землю. Через бойницу даже Лилька с ее худобой не протиснулась. Пыталась и застряла, еле вытащил.

Уступов и трещин предостаточно. Плохо, устойчивости мало. Хватаюсь за камень – он качается. Года два, до гибели родителей, я альпинизмом увлекался. По искусственным скалам лазали, в горы разок съездил, вершины покорять. Не покорил, но опыт восхождения получил. Нынче он мне и пригодился. Лезть по отвесной стене чуточку легче, чем по горному склону, из-за высоты. Стена ниже, морочиться меньше. Напрягает немножко отсутствие страховочного

троса. И все же волнуешься – не рухнула бы каменная громадина, раздавив тебя в лепешку. В падении с десятиметровой высоты тоже маловато приятного.

Круглая башня выростала из холма, с северной стороны засыпанная кучей заросшего кустарником камня. Там часть здания наполовину разрушилась, стена уменьшилась вдвое. По ней я и спускался, поминутно останавливаясь в поисках опоры понадежнее. Лилька, затаив дыхание, наблюдала за мной сверху.

Наконец-то твердая земля под ногами. Горка подо мной из камня, смешанного с глиной и нанесенной почвой. Колючие безлистные кусты неизвестного растения впились в одежду и кожу длинными шипами. Достав копьё и кинжал, я раздвинул ветки и неторопливо пошел вниз. Иду, смотрю под ноги. Мелкую живность вроде скорпионов и гадюк на окружающем фоне не сразу углядишь. Густые заросли, преграждающие дорогу, я безжалостно рубил тяжелым кинжалом и отбрасывал копьём.

Из-под ног прытко удирали маленькие бурые ящерицы. Кустарник защищал их от кружащихся в небе птиц. Однажды юркий зверек наподобие хорька, извиваясь меж шипастых веток, нагнал быстроногую ящерку и, схватив острыми белыми зубками за шею, моментально удалился.

У подножия холма кустарника не было. Под гигантскими стволами деревьев, словно покрытыми чешуей колоннами, почти ничего не росло. Зеленоватый полумрак, а подчас и непроницаемая тьма под плотными кронами не способствуют росту светолюбивых трав. Попадались ползучие лозы, оплетающие древесные корни. Устланная ковром палой листвы земля бугрилась, из нее выдавались сучья гниющих ветвей, сломанных бурей. В темень под ветвями лесных великанов заходить без фонаря опасно, а его, как назло, оставил в башне.

Обогнув холм, я вышел к неширокой речушке. Нависающие над ней крутые берега осложняли задачу по пополнению запасов питьевой воды. Я нашел палку подлиннее, прикрепил к ней пакет. Получилось подобие сачка. Им зачерпнул из реки. Водичка прозрачная, на вид чистая. Нет, рисковать не будем. Вскипятим ее на костре в банке от тушенки.

С водой и рыбой, судя по бултыхающимся и выпрыгивающим из речки серебристым пловцам, проблем не предвидится. Упитанные лягушки в окружении своих меньших родственников вольготно загорали на огромных круглых листьях, плавающих на водной глади. Говорят, лягушатина по вкусу точь-в-точь курятина. Проверю.

У кромки прозрачной воды багровели горошины сочных ягод. Интересно, они ядовиты? Спустишь узнаю. Скорее всего, нет. Насекомым они по вкусу – ишь, как облепили упавшие на землю шарики.

Примерно через километр русло до середины перегораживал поваленный древесный ствол. На нем беспечно стояла лань и пила из реки. Обыкновенная лань с пятнистой шкуркой и крошечными, покрытыми пушком рожками. Заметив поблизости меня, она попрядала ушами и продолжила утолять жажду. Не из пугливых. Значит, человека не видывала.

Идти по бережку – хорошая идея. У реки расположены деревни, города. Непременно наткнемся на населенный пункт местных. Тем более по дороге порыбачим, искупаемся. Не путешествие, а увеселительная прогулка.

Лань ушла, и я преспокойно спустился по стволу, держа наготове копьё. Древком измерил глубину. У берега примерно мне по пояс, дальше соответственно глубже. Длины копья с вытянутой рукой не хватило, чтобы достать до дна. Вода – как стекло. Видны камешки на дне, играющие темнospинные рыбины, стайки светленьких мальков. Удачный удар – и на копьё затрепыхалась вынутая из воды рыбешка. Покажу сестренке улов, зажарим на костре. Рыба, конечно, может оказаться ядовитой для людей нашего мира, но тут уж ничего не поделаешь. Без потребления местной флоры и фауны нам не выжить.

Ягоды проверил на кожную реакцию – нормально. На вкус копия клубники, по виду вылитая смородина.

Ну, все, достаточно на сегодня походов. Пора назад, к сестренке. Переживает, небось, и оставлять ее надолго не хочу.

С рыбиной на копье, пакетом ягод и воды на поясе я бодро зашагал к башне. Завтра пойдем налегке по течению реки. Путь предстоит приличный. Куда-нибудь она да выведет.

Остаток дня миновал в хлопотах. В башне мы решили не ночевать. Я обустроил лежанку на раскидистом дереве. Из вьющейся лозы, на поверку очень крепкой, сплел длинные веревки, завязал на них узелки через примерно равные промежутки для удобства, к концу привязал небольшой булыжник. Размахнувшись, забросил камень с веревкой на нижнюю ветвь, находящуюся метрах в пяти от земли. Выше соединил две ветви лозой. Удалось соорудить грубое подобие гамака. На веревки накидал упругих веточек с листвой, нарвал растущих в изобилии лопухов и папоротников. Довольно неплохая, по-моему, постель.

Из хвороста и сухих листьев развел костер с помощью камня и топора. Спички в подземелье отсырели – потом подсушу и воспользуюсь. Обновить в памяти правила выживания в лесу нам полезно: осколки благ цивилизации вроде тех же спичек ведь рано или поздно закончатся. Искры от удара воспламенили трут, от трута загорелась древесина. От топора при этом отвалилась часть наслоений, обнажив блестящий металл.

Лилька, покинувшая башню по веревке, почистила и пожарила на жердочке рыбу. За мое отсутствие она засушила на солнышке сухарей из тонко нарезанного хлеба. Поужинали полусырой рыбой, бутербродами с паштетом и добытыми ягодами, сладкими и сочными.

Затем сестренка затеяла неприятный разговор, обвиняя меня в игнорировании ее скромной персоны. У нее же столько талантов! Лес для нее – что дом родной, она там каждый листик знает. По правде сказать, отчасти она права. Батя, будучи геологом и прогрессивным родителем, брал нас в походы по лесам да горам и учил основам выживания. Кстати, секцию альпинизма он мне посоветовал, любитель активного отдыха. Летом на месяц нас отвозили дедушке, работавшему лесничим. В общем, привили нам любовь к дикой природе с раннего детства. Когда обычные дети просиживали сутки за мониторами компьютеров, общаясь в социальных сетях и режась в игрушки, мы обучались распознавать следы и съедобные растения. И вот Лилька требовала разрешить ей самостоятельно ходить по лесу и обеспечивать нашу компанию грибами и ягодами. Переубеждать ее было бесполезно.

– Лиль, с завтрашнего дня собирательством заниматься будем вместе, – нашел я компромисс.

Сестренку это устраивало.

Спать легли, привязав себя веревками к ветвям, чтобы не упасть ненароком. Двенадцать метров высота серьезная – если не убьешься, то покалечишься. Костер затушили не полностью. Угольки тлели в черноте ночи под нами, и на душе становилось чуточку светлее.

Мы лежали в темноте, смотрели на гаснущее кострище и думали. Я составлял план на следующий день, выбирал, пойти пешком вдоль реки или построить плот. Преимущества и недостатки есть у каждого варианта. Идти на своих двоих медленно, на берегу существует вероятность нападения хищников, подстерегающих жертв на водопое. И на агрессивных туземцев нарваться можно. Из явных плюсов – сбор грибов, ягод, орехов. Плыть на плоту по течению сравнительно быстро и неустойчиво, знай отталкивайся от бережка шестом. Попутно наловим рыбы. На остановках будем ягодами запасаться.

Звери на реке нам почти не страшны. Опасность теоретически представляют водоплавающие хищники. Речка небольшая, гигантов повстречать в ней маловероятно, впрочем, до нуля понижать шансы на неблагоприятное знакомство с местными зубастиками а-ля бегемоты и аллигаторы – глупо.

Не уверен я в абсолютной безопасности на реке, и все тут. Вдруг какой зверюге взбредет в башку в речушке искупаться? Сомнения у меня и насчет порогов и водопадов. Если я их не видел, это не значит, что их на реке нет.

– Ты почему не спишь? – спросила сестренка, прервав мои размышления.

– Думаю о будущем. Ты как определила?

– У тебя дыхание неровное. И что надумал?

– Да мелочи. Спи.

– Я дом вспоминаю. Школу, друзей. Как они там? Наверное, нас объявили пропавшими без вести жертвами бури. Мы с Танькой договаривались в киношку сходить завтра.

Лилькин голосок задрожал. Вот я дурак! Весь в заботах, вспоминать прежнюю жизнь некогда, а она в башне день-деньской скучала в одиночестве. Загрустит – в депресняке завяжет. Боюсь, не сотворила бы чего плохого. Завтра припрягу ее к общественно-полезным работам по строительству плота, отвлеку от мрачных дум. Оставлять ее надолго одну больше не буду.

– Лиль, мы вернемся. Не знаю когда, но обязательно вернемся, – пообещал я. – А сейчас спи. Береги силы.

Снизу послышалась возня, затрещали кусты под весом крупного тела. Коротко рыкнуло, взвизгнуло, захрустело. Во тьме зажглись огоньки желтых глаз, хруст смешался с чавканьем и утробным рычанием. Огоньки множились. Большие и маленькие, они слетались к подножию холма на дикое застолье.

До чего же хорошо находиться вверху, на недостижимой для них высоте, подумал я, засыпая.

Кто-то негромко верещал, пробегая по моему голому телу и царапая коготками. Чувство опасности выдернуло меня из сонного состояния, заставив вскочить и тут же шлепнуться назад из-за страховочной веревки.

Рядышком Лилька скармливала сухарик уютившемуся у нее на коленях рыжему существу, походящему на вполне земную белку-летягу. Зверек оценивающе покосился на меня, не переставая разгрызать белое подношение. Его товарки облепили ветку над нами и активно переговаривались трескучими звуками, сливающимися в то самое разбудившее невыспавшего меня верещание.

Сестренка мило улыбалась, откровенно наслаждаясь картиной «старший брат испугался стаи белок-мутантов».

– Доброе утро, – промолвила она.

– Доброе. Что за животное?

– Ты о белках? – Лилька погладила пальчиком головку любителя сушеного хлеба. – Они живут в том дупле и спозаранку решили навестить новых соседей.

– Золотой запас дефицитных сухарей зачем разбазариваешь?

– Угощение, – блеснула белозубой улыбкой сестренка. – Белки нам добром отплатят.

Она в некотором роде права. В беличьих кладовых обычно припрятано немало съестного. Орехами, грибами разживемся. Прирученный зверек предупредит о хищниках, при условии что Лилька его приручит. Фанатов сырого мяса в лесу полно, ночная возня – доказательство.

Я потянулся, вдыхая свежий утренний воздух. Прохладно, однако. Отвязавшись, глянул вниз. Никого. На земле размялся. Пробежать бы километров пять, да по лесу бегать опасно. Потревожу, чего доброго, почивающего после банкета волка, он меня погоняет похлеще Михалыча, тренера нашей университетской футбольной команды. Набегаюсь еще за день.

Позавтракали бутербродами с паштетом, прикончив консервы. Пустые жестянки завернули в пакет: посуда – вещь теперь в прямом смысле слова незаменимая. Бутылку положили на дно пакета, крошки подарили белкам. В дупле одолжили пригоршню орехов и три сушеных боровика. Во всяком случае, выглядели добытые грибы вылитыми боровиками.

В этом мире не все растения и животные оказались нам незнакомы. По мере углубления в лес, а шли мы вдоль реки, стараясь не терять из поля зрения берег, узнали лопухи, обильно

росшие под деревьями. Изредка мелькали акации, папоротники. Грибных мест, жаль, не попалось.

Дойдя до поваленного дерева, наполнили бутылку водой. Я копьём битый час пытался проткнуть крупную рыбину, плававшую на мелководье и резво уворачивающуюся от наконечника в последний момент. И не уплывает, зараза. Вертится поблизости, словно издевается. Плюнув с досады, переключился на сбор раков. Их в речке полно.

Сестренка по моему распоряжению насобираала хворосту. Развели костер, в банки от тушенки налили воды и вскипятили на углях, кинули туда раков. Лилька варила обед, я в реке добывал пропитание на ужин. Ниже по течению насадил на копьё неповоротливую рыбину длиной сантиметров сорок, без чешуи, схожую с зеркальным карпом. Ее и чистить не пришлось. Выпотрошив, запекли на углях и съели. Вкуснятина!

После перекуса затушили костер и двинулись по берегу. Солнце в зените припекало немилосердно, вынудив нас отступить в тень деревьев.

На плече сестренки постоянно вертелась белка, покусывала ее за ухо, трещала без умолку. Лилька прекрасно ладит с животными. В нашем подъезде когда-то жил злоющий пес, невзлюбивший жильцов. Жильцы отвечали ему взаимностью, устраивая скандалы его хозяину, одинокому пенсионеру. Единственной, на кого не рычал соседский питбуль, была моя сестренка.

Она совершенно не боится животных. Дома смело брала в руки ужей, гладила матерых, никому не дававшихся бездомных котят, частенько лечила больных и покалеченных. Животные прямо липли к ней повсюду. Белка не стала исключением.

– Привал, – скомандовал я.

Место идеально подходило для осуществления задуманного плана. На пологом берегу свободное от деревьев пространство. Построим плот и спустим здесь на воду.

Никогда не думал, что найти нужные деревья в лесу так сложно. Для плота не станешь же рубить гиганта толщиной в три обхвата. Таких «динозавров» в здешней пуще большинство.

Заняв сестренку собиранием ягод и раков на ужин, я углубился в лес. Полутьма, клубящаяся у корней, распадалась под лучом фонаря. Блин, зайду в дебри, заблужусь. По собственным следам возвращаться придется, а Лилька одна. Чем дальше, тем сумрачнее лес. Приходилось тратить драгоценный заряд батареек впустую. Молодняк душится старожилками – плот строить не из чего. Разве что залезать на деревья и срубить ветви подходящей толщины и формы.

Крик сестренки, приглушенный расстоянием, заметался меж стволов испуганной птицей.

Я не раздумывал о причине. Бросился к берегу, выделяющемуся светлой линией. Хорошо, не зашел далеко, бежать недолго. Копье в руки, готовность номер один! Выскакивая из леса, ожидал чего угодно. Медведя, группу агрессивно ведущих себя аборигенов, волков, летающую тарелку.

Лилька стояла над кучкой серого пепла, сосредоточенно в ней что-то разглядывая.

– Саш, – воскликнула она, – мы тут не одни.

Сестренка будто возвестила о находке неопровержимых доказательств существования внеземной цивилизации.

Цивилизация не цивилизация, а разумные точно недавно задержались на берегу. Кострище с теплой золой тому подтверждение. В пепле четко отпечатался след двупалой когтистой лапы длиной сантиметров тридцать пять. Ни птица, ни тем более человек подобной стопы не имеют. Помесь бигфута и динозавра. Нет, динозавры, насколько мне известно, имели трех- и четырехпалые стопы. Что же оно? Костер развели разумные существа, и двупалый их домашнее животное? Либо хищник, отслеживающий добычу, то есть тех самых разумных. Второй вариант мне как-то не по душе.

– Может, вернемся к башне? Какое-никакое, а укрытие, – предложила сестренка.

Резонно. Только толку от возвращения никакого, если хотим найти братьев по разуму. Знать бы – кто они, какое у них отношение к чужакам...

– Да, Лиль. Я наловлю рыбы. Костер ты умеешь разводить, поджаришь. Возвращаемся. Завтра поищу их, – я кивнул на кострище. – Не приду через пять дней – делай что считаешь правильным.

Лильку мои слова ошарашили.

– Ты в своем уме, Саша? Нигде я не останусь, не спорь! Идем вместе.

– Лилиана Валерьевна, решение окончательное и обжалованию не подлежит, – отрезал я. – Хочешь попасться в зубы этой двупалой очаровашке? У меня неплохие шансы противостоять ей, с тобой же постоянно буду отвлекаться на твою защиту, в итоге оба погибнем. Понимаешь?

– Не надо меня защищать, я сама кого хошь защищу! – взвизгнула сестренка. По щекам покатались слезы. – И ничего я не понимаю! Один ты не уйдешь, понял?!

Что с ней поделаешь! Видимо, путешествие по реке на плоту откладывается. Ну, почему все настолько сложно?

– Ладно, – сдался я. – Пошли к башне.

Глава 4

Зверомастер

Солнце вставало из-за горизонта, окрашивая небеса розовым. Красная и белая луны закатились несколько часов назад, на небосводе бледнела голубая.

«Голубая луна, голубая...» Тьфу ты, вспомнилось. Будь на земном небе подобное чудо – поэты одного с ней цвета насочиняли бы кучу лирических стихов, воспевая ее богиней нетрадиционных отношений. Или богом, ставшим богиней. Или... Лопух с ней, с луной и поклоняющимися ей меньшинствами. Под ноги смотреть надо, а не на небеса пялиться. Споткнусь и шею сломаю – в лесу ведь темень круглые сутки. Чего я там не видал, на небе? За полторы недели должен бы привыкнуть. Голубая полдня провисит, потом ее сменит белая сестрица.

В лесу тихо. Изредка кукует кукушка, иногда потрескивают, переговариваясь, белки.

Кстати, о птичках. Местные кукушки – нечто. От земных лишь название из-за до боли знакомого кукования. Здесь они лютые хищники с курицу величиной, по комплекции похожи на бройлеров. Мясистые, в траве любят прятаться. Засаду организуют группой по десять-пятнадцать штук, с разных сторон, и нападают одновременно, запрыгивая жертве на холку. Вырывают из шеи куски мяса, обескровливая. Бедняга падает – тогда начинается пиршество. Кукушки твари нелетающие, быстро бегающие и высоко прыгающие. Страусы в миниатюре с огромными клювами. Не приведи судьба перейти дорожку этому бройлерному страусу с клювом птицы-носорога. Долбанет – мало не покажется.

Недавно стал свидетелем кукушкиной расправы над косулей. Обглодали ее птички за считанные минуты. Меня чуть не стошнило от того зрелища. С тех пор обхожу кукушек десятой дорогой. Хотя бульон из них, признаю, отменный. Однажды угодила одна в мою ловушку, вот и попробовали. Лилька жаловалась, ошипывать трудно и мясо жесткое. По мне, в самый раз.

Встал на границе леса, чтобы глаза адаптировались к темноте. Фонарь хранился за поясом. Комплект батареек израсходован, оставшийся берегу как зеницу ока. В башне пользуемся факелами.

Чем мы не нормальные люди Средневековья? Живем в замке посреди лесных просторов. Сами добываем сырье для жизни, сами готовим, строим, шьем. Обходимся без плодов научно-технического прогресса. Проблем, разумеется, полно, зато скучать некогда. Самое большое неудобство для меня – в отсутствии бритвенного станка, которого ничем не заменишь в наших условиях. Лезвием ножа щетину не соскоблишь. Бороду отпускать пришлось.

За прошедшую неделю мы расчистили винтовую лестницу, отрыли первый этаж, дверной проем освободили от мусора и камней. Из веток и кожаных ремешков соорудили дверь. На ночь подпираем палками: больно хлипкая она и на вязанку хвороста смахивает. Приспособились, в общем. Спим на подстилке из лопухов. Короче, обживаем потихоньку башню. В обозримом будущем сваливать отсюда все равно бессмысленно. Подготовимся, основательно исследуем окрестности – тогда и попытаем счастья в контактах с местным населением.

Лилька ведет домашнее хозяйство, роется в помещениях башни, отыскивая полезные в быту вещи. Я охочусь, рыбачу, дрова приношу, параллельно строю плот. На башне, между прочим, крышу поставили. Жерди берестой выстелили, сверху дерном покрыли корешками вверх. На днях наша новая верхушка башни успешно прошла испытания непогодой. Ливень водопадом лил, а у нас тепло, сухо. Печку, найденную на первом этаже, замазали глиной. Топим хворостом. Дымохода нет, дым валит из бойниц из-под крыши, но терпим. Так и живем.

Мы с сестренкой рассудили: раз уж придется связаться с аборигенами, нужно быть готовыми по максимуму к большинству вариантов развития событий. В идеале вступим в контакт, досконально разобравшись в намерениях тех, с кем соседствуем. В реальности постараемся побольше узнать о местных разумных, прежде чем нас засекут.

В лесу я нынче ориентируюсь гораздо лучше прежнего. Многих лесных обитателей видел хотя бы в виде трупов.

Глаза привыкли различать очертания в сером полумраке, пора идти. Моя ловушка расположена у ручья, куда звери приходят на водопой. Бьющий из земли ключ нашелся на пятый день пребывания в новом мире, когда я начал экспериментировать с самоловами. Дед использовал их в сибирских лесах – передались от него кое-какие знания. Поставил заячий слопец возле родника, птичий на галечнике. Туда навешиваются тетерева глотать гастролиты. Раз в два-три дня нет-нет да попадется ушастый либо пернатый. Зайцы и тетерева, к моему удивлению, вполне обыкновенные.

Кроме слопцов, установил вчера кулему, рассчитанную на средних размеров зверя вроде росوماхи. Загляну и к ней.

Лес пробуждается с рассветом. Ночью в нем царит совсем другая жизнь, другие звуки и запахи. Кто-то воет, кто-то ревет, рычит, ломает кустарник. Мы после заката носа из башни не высовываем. Изредка, под заливающим подножие холма светом трех лун, у лесной кромки прогуливаются невиданные звери. Гигантские волки, самые крупные из которых не уступят по размеру годовалому теленку, выходят на охоту. Усеянные шипами и рогами вепри, больше похожие на носорогов, гордо прохаживаются вокруг нашего форпоста, обгладывая колючий кустарник и роясь носами-пяточками в горах перемешанного с землей мусора.

Что за...

Сработавший заячий слопец оторвал меня от размышлений на тему «когда в лесу опаснее». Со струящимся по галечному руслу кристально чистым ручьем все в порядке. Ловушка подле него пустая. Рядышком на солнышке греется свернувшееся кольцами оливковое чешуйчатое тело, раздувшееся примерно посередине. Прощу любить и жаловать представителя местного серпентария. Переваривает моего зайца, гадина.

Со змеями в этом мире нам встречаться не доводилось. Почувствовав мое присутствие, пресмыкающееся подняло клинообразную голову, демонстрируя бежевое подбрюшье из крупных ромбовидных чешуй. Тонкие изогнутые кинжалы зрачков холодно уставились на меня, изучая. Твою дивизию, боа констриктор недоделанный. Здоровенная, толщиной с человеческое предплечье. О длине судить боюсь. Метра три точно есть. Зарубить ее, змеюку подлую, что ли? Она же ловушки опустошит. Слопцы не перетащишь, новые соорудить себе дороже. На каждый у меня уйма времени ушла.

Убивать гадину тоже проблематично. Совладаю ли с эдакой махиной? Копьем ткну, и мимо. Топором рубиться неохота – в ближнем бою она способна скрутить человека в бараний рог за минуту.

Змея, понаблюдав за моей скромной персоной, очевидно, приняла меня за врага и значительно оживилась. Громко зашипела, угрожающе раздула шею в капюшон. Ого! Настоящая кобра!

Нет, это мне не нравится. Удавы капюшонов не носят, фасон не тот. Змеюка подалась ко мне, раскручивая кольца. Да она определенно больше трех метров. Три с половиной – четыре. И наверняка в капюшончике не безобидная водица.

Пойду-ка отсюда. Чего злиться? Я тебя, милая, не обижал, накормил в некотором смысле. Лежи, отдыхай. Не обижаюсь ли за ушастого и ловушку? На тебя грех обижаться, такую длинную, ядовитую, красивую, толстую... Я сказал «толстую»? Извини, хотел сказать «изящную». Не шипи, пожалуйста, а? Э, не надо меня провожать, сам ухожу!

Я медленно отходил, держа перед собой копьё. Сунется – проткну гадину. Если повезет. В извивающееся тело не просто попасть.

Змея отпускать потревожившего ее покой не собиралась. Раскрыла пасть, откуда показались белесые острые клыки, приподняла головешку и брызнула мне в лицо струей зеленоватой жидкости.

Ах ты, зараза! Чудом успел наклониться, и яд плеснул на лоб и щеки. Кожу зашипало, точно крапивой отхлестали. Представить страшно последствия попадания в глаза. Умыться, срочно! Ближайший источник воды – ручей. Обойду проклятую змеюку и...

Слух предупредил о надвигающейся опасности раньше зрения. Надо мной загудело. Спусти мгновение в спину мне что-то ударило, толкнув вперед, внутренности взорвались болью, от которой потемнело в глазах.

Какого?.. Оборачиваюсь на заплетающихся ногах. За мной никого. Слабо колышутся ветви. Возле меня – воткнувшиеся в землю копьца, вернее, дротики в количестве двух штук.

Больно-то как! Враги напали с дерева? Почему тогда не прыгивают добивать добычу? Считаю меня опасным? Лестно, весьма. Поднимаю руки, наталкиваюсь на торчащие из спины деревья. Твою дивизию. Три дротика! Учитывая одновременность броска, логично предположить наличие ловушки. Заряженные дротиками самострелы ставят наши треклятые соседи, находил такие в лесу. Ох! Спину словно режут раскаленными ножами, двигаться сплошная мука.

Я обогнул вставшую в угрожающую позу гадину по дуге. Подползет, плюнет повторно – по фиг. О, зашипела.

– Пошла на хутор! – процедил я сквозь зубы.

Змея не торопилась нападать. Следила, приспустив капюшон, прекратила шипеть.

Так-то лучше. Добравшись до ручья, я с облегчением окунул лицо в прохладную воду и смыл яд. Боль понемногу притихла, сменившись онемением, распространившимся по всему телу. Вода родника окрасилась алым. Видно, крови из меня вытекло порядочно.

Накатилась слабость, стоять уже не могу. Голова кружится, в висках кузнечные молоты методично выстукивают. Ту-дум, ту-дум, ту-дум. Чертова змеюка! Из-за нее я не заметил ловушки и попался. Я зло выругался в ее адрес, сгоняя закипающую злость. Лилка останется одна, как она управится без меня? Сможет ловить рыбу и слопцы проверять? Вот гадство! До чего глупо получилось!

Я неподвижно лежал, тихо рыча от бессилия. Одеревеневшее тело не подчинялось. Неужели конец?

Над ухом оглушительно заверещало, зашипело. Из-за древесных стволов выскочило человекоподобное существо. Напоминало оно синекожего папуаса. Очень уродливого папуаса с торчащими из-под длинного носа клыками. На макушке пучок смоляных волос, уши чуть не до половины шеи свисают. В мочках ушей, губищах и шнобеле белеет костяной пирсинг, на груди ожерелье. Руки перевязаны бусами и перьями. И главное, на ногах по два пальца.

Никак, хозяин ловушки пожаловал. Вот и долгожданный контакт с местным населением. За первым папуасом появились второй и третий, с короткими копьями наперевес. Ох, не кончится добром наша встреча. На мордах ни малейшего признака дружелюбия и желания помочь угодившему в западню человеку. Для них я добыча.

Носатый в перьях достал из-за пояса нож и обернулся. Его приятели тоже оглянулись, напряглись.

От тени деревьев позади аборигенов отделилась большая сутулая фигура. Деталей не вижу, зрение ухудшается с каждой секундой. Скоро полностью ослепну. «Интересно, это случится вместе со смертью или раньше?» – всплыла в сознании и канула в никуда отрешенная мысль. Существо, эдакий холм в миниатюре, на четвереньках двинулось к синим.

Фигуры местных и вышедшего к ручью зверя померкли. До меня донеслись рев и вопли, я ощутил дрожь земли. Последним, что помню, был влажный нос, дотронувшийся до моего лица.

В следующий миг сознание покинуло меня.

Очнулся я во мраке. Ощупал пространство под собой. Ага, нахожусь на подстилке из листьев, корпус у меня туго перебинтован. В прорезь узенького окошка сочится бледный лунный свет, проявляя контуры каменного стола и чурбанов-стульев, вырубленных мною из палых деревьев. На чурбаны настелено мягкое сено, сверху лопухи. Мебель в нашей башне сделана в основном из поленьев разной толщины, в том числе кровать. На ней я и лежу.

Очевидно, сестренка меня нашла и, надрываясь, притащила домой. Обработала раны, молодчина. Болят, конечно, но никуда от этой тупой боли не денешься. Повезло, не схарчили звери, не окочурился от болевого шока и потери крови. Жизненно важные органы, кажется, повреждены не критично. Да я натуральный везунчик! Джек-пот матушки-природы выиграл.

Бинты откуда? Блузки Лилькиной маловато для них. Юбку дорвала? Ткань бинтов мягкая, нежная. Юбка из материала погуще сшита. Тайны мадридского двора прям.

Тьма в углу неожиданно шевельнулась. Глюки?

– Лиль, ты?

Вопрос утонул в стрекоте цикад за окном. Сотканный из тьмы приземистый силуэт отделился от стены, заслонив бойницу, и остановился, сверкая зелеными глазищами.

Ощущение чужого присутствия словно растворило внутренности, сердце подпрыгнуло до подбородка и ухнуло куда-то вниз. Ночной посетитель повел головой на короткой массивной шее, выдающейся из широченных плеч, шагнул к моему ложу и замер.

Рука инстинктивно шарилась в поисках тяжелого и острого предмета. Копье, где копьё? И топор черт те где валяется. Лежу в трусах, будто на жертвеннике неведомому зверобогу. Из огня да в полымя. Перед глазами стоит еще картина, запечатленная у ручья – плюющаяся ядом змея с синими аборигенами, – и вот новая напасть.

Единственное доступное оружие – увесистое полено, вынутое из кровати. Привстав на постели, замахнулся чурбаном. Немедленно спину пронзила острая боль.

Лестница в пяти метрах. Этажом ниже вентиляционный ход. Кинусь туда, пролезу в погребальный зал, раздобуду оружие и порублю тварь. Потом поищу Лильку.

Размечтался, блин. Существо меня близко не подпустит к ступеням. В лучшем случае помнет, в худшем – добьет. Поленом от чернушки фиг отобьешься. При удачном стечении обстоятельств, может быть, попаду ему по башке, оглушу. Череп в моем состоянии не проломлю ведь. Ну, проскочу по лестнице. Затем очухавшийся зверек догонит меня и начнет выяснять отношения по-своему, по-звериному.

Этажом ниже у нас кухня. Печка, вертел из реконструированной пики. Пикой орудовать в закрытом помещении неудобно, однако каменным молотом, у печки лежащим, я не отмахнусь.

Тем временем зверь преспокойно подошел к ложу, издавая гортанные мурлычущие звуки, положил здоровенную мягкую лапу на постель. И тут я шарахнул поленом. Зверюга возмущенно мявкнула, точно кот, которому наступили на хвост. Превозмогая боль, я вскочил на ноги и опрометью бросился к уводящим вниз ступеням.

Тварь оказалась проворнее. Она прыгнула на меня, повалила, придавив своей тяжеленной тушей к полу и лишая малейшей возможности выскользнуть из-под нее. Брыкания и попытки освободиться, отстранив от себя истекающую слюной морду, были тщетны. Зверь разлегся на мне, как на матрасе, положив лапы на руки и ноги. Когтей не выпускал, загрызть не старался – и на том спасибо. Грудная клетка захрустела под весом зверя, сперло дыхание. Весит, скотина, центнера три, а то и все четыре. Что за судьба, а? Умереть, будучи раздавленным неизвестным животным!

– Ой, братик! – раздалось с лестницы.

Комнату озарил трепещущий свет факела, и в тот же миг зубастая туша убралась с меня. Лилька вбежала в мои апартаменты, склонилась надо мной, проверяя степень поврежденности моего бедного тела. Она была в меховой безрукавке, неведомо откуда взявшейся.

За сестренкой маячил неприятный седоватый тип с резкой обветренной физиономией, обросшей жесткой бородой грязно-белого цвета. В правой руке он держал кривой посох. Одежду его составляли кожаная куртка и штаны неопределенного происхождения. На приоткрытой воротом загорелой груди поблескивали аж два кулона. Один напоминал растопырившего тройку остроконечных лап клеща, подвешенного на цепочку, другой был из светящегося бирюзового кристалла на простом шнурке, продетом в петлицы воротника. Количество разных мешочков и висюлек на поясном ремне зашкаливало. Среди них выделялся ряд синих шариков с грецкий орех. Оружия на виду субъект не носил. Это отнюдь не говорило о его мирном нраве. Неприятная рожа, подходящая матерому уголовнику, намекала на то, что мы опять вляпались в историю.

– Доброй ночи, – удивительно вежливо поприветствовал мужик, растянув губы в подобии улыбки.

Сторожившая меня зверюга подошла, потерлась ему об ногу, неприлично задрал хвост. Тип почесал ей за ушком, вызвав бурное мурлыканье саблезубого кошака.

– О, да вы познакомились с Махайром, причем весьма близко, – субчик погладил выпуклую шишку на башке лохматого чудища, поставленную моей жизнелюбивой персоной. – Отлично! Полезли в драку, значит, хорошо себя чувствуете.

– Я бы не сказал, – прохрипел я, ковыляя с помощью Лильки к постели.

– Боль пройдет. Серьезных ран у вас не наблюдается, скоро поправитесь, – пообещал тип.

– Да неужели? – После прессования гигантской кошачьей тушей заныли части тела, раньше не болевшие.

Будто по мне каток проехался. Пушистый, с тридцатисантиметровыми клыками. Кстати, мужик вещает на чистом русском, с неуловимым акцентом. С чего бы выходцу из другого мира знать великий и могучий? На попаданца вроде бы не похож, хотя кто его знает.

– Лиль, это кто? – спросил я у суевающейся около кровати сестренки.

– Знакомся: Гвард Зверолов, охотник, следопыт и... – Лилька нагнулась к самому моему уху, – могущественный волшебник.

– Какой там могущественный, – отмахнулся тип. – Ваша очаровательная сестричка преувеличивает мои скромные познания и умения в отрасли магического искусства. Умею кое-что по мелочи. Зверя подчинить, стрелу зачаровать.

Слух, надо признать, у субчика отменный. Слова сестренки я еле расслышал.

– Гвард тебя спас, – авторитетно заявила Лилька. – К башне тяжелораненого приволок. На волокушах, запряженных Пушистиком.

– Пушистиком?

– Угу. На большущем медведе.

– Собственно, моя заслуга невелика, – заскромничал тип. – Вы бы вряд ли умерли. Отлежались бы и заспешили домой. У вас на диво крепкий организм, от яда оправились всего за сутки. Возможно, успели бы самостоятельно дойти до сторожевой башни. Иное дело – вас бы выследили.

По моему, мягко говоря, недоумевающему виду Гвард догадался, что я не все понимаю в приключившемся. Помню ловушку, кобру, плевок ядом, синих чудиков – и все, провал.

– Тролли, – пояснил следопыт-маг, вводя меня в состояние ступора. – Вы угодили в их западню. Сторожевая змея загнала вас под стрелы, вы утратили осторожность и не заметили самострела. Стрелы смазаны парализующим ядом. Тактика лесных троллей. Яд не дает добыче сбежать, его запах отпугивает хищников и падальщиков. Затем приходят охотники и забирают добычу.

Теперь все становилось на свои места. Вот почему я так быстро вырубился, а та живая гора, померещившаяся перед потерей сознания, не причинила мне вреда. Запашок ей не

понравился. И змеюка сыграла роль загонщика. Грамотно развели, многоходовую комбинацию разыграли. Обидно.

– Несколько дней назад я увидел дым со стороны Проклятой Башни. Три дня кряду дымило. Тролли на одном месте не задерживаются, бывалый человек стремится скрыть свое расположение, дабы его не нашли людоеды. Осталось предположить, в лесу кто-то заблудился и за неимением лучшего укрытия решил обосноваться в башне. Для незнающего человека естественна склонность к защите каменными стенами. Эльфы, к примеру, выбрали бы самое высокое дерево в округе: с него видны окрестности, и на него не вскарабкаются бродящие по земле звери. Дварфы, любящие камень больше иных рас, ненавидят леса, сюда их никакими посулами не заманишь. Итак, я предположил, что в проклятой башне поселились именно люди. Неподалеку от ручья Махайр унюхал вас. Я двинулся по следам и наткнулся на засаду синекожих.

– Гвард вышел к нам на закате, – вклинилась сестренка в степенный рассказ охотника. – Я сначала страшно испугалась. Идет весь в звериных шкурах, впереди саблезуб, сзади медведь. Пригляделась – мамочки, тебя волочат! Я чуть с ума не сошла, представляешь?

Представляю. Зверинец с дрессировщиком на прогулке тащит твоего родного брата, окровавленного и на первый взгляд не совсем живого. Помощи ждать неоткуда. Тут свихнуться недолго.

– Затем были нудные переговоры, – рассказывала Лилька. – Гвард уверял в мирных намерениях, контакт устанавливал. Тебя под парадный вход положил, отошел на безопасное расстояние, говорил что-то успокаивающее. Я подумала, раз он тебя живым доставил, перевязал, то и мне вреда не причинит.

– Ваша сестрица весьма благоразумна, – отметил волшебник-следопыт.

– Вижу, вы человек бывалый. Будьте добры, посоветуйте, куда нам направиться, чтобы избежать внимания троллей. Лиля, наверное, поведала вам о наших злоключениях. Мы потерялись.

– Аранья полна опасностей, тем паче для чужестранцев. Тролли считают башню обиталищем злых духов. Тем не менее они не замедлят явиться сюда. Если желаете, я выведу вас к имперской заставе.

– Аранья? – переспросила сестренка.

– Леса Ксаргского полуострова, на коем мы пребываем.

Маги, тролли, эльфы, дварфы, империя. Полный фэнтезийный комплект. От потока удивительной информации голова кругом.

– Вы утомились. Поговорим завтра, вам нужно как следует отдохнуть, – Гвард развернулся, уходя.

– Постойте, – слова еле доносились из пересохшего горла. – У вас замечательный русский. – Охотник остановился, непонимающе глядя на меня. – Языком нашим прекрасно владеете, – уточнил я.

– Ах, это, – словно о чем-то незначительном отозвался он. – У меня было достаточно времени, пока вы спали, выучить вашу речь. Я, знаете ли, немножко... как это сказать? Маг разума. Соединился на мнемоническом плане с вашей сестрицей и с вами, просмотрел цепочку наиболее употребляемых образов, сопоставил с перечнем издаваемых звуков. Подобные приемы необходимы для общения с животными, их обязан знать и уметь применять любой зверомастер, а я считаюсь таковым.

– То есть вы залезли в мои воспоминания?

– Только в образную область, отвечающую за восприятие и речь. Познать жизненную память способен маг, специализирующийся на астрально-мнемонических механизмах, иными словами, неплохой маг разума. У меня несколько иная специфика.

Угу, слышали. Зверомастер ты.

– А наоборот сделать можете? Научить нас вашему языку? – заинтересовалась Лилька.

– Это возможно, но, увы, чревато массой побочных эффектов вплоть до потери рассудка. Сильная мигрень в течение недели, пожалуй, самый малый из них. Вам нужен маг разума, не я. В имперском форте живет Марн Изверг. Он гарантирует безболезненное изучение общеимперского языка. Правда, его услуги стоят недешево. Да, еще одно. Будьте любезны, не бейте больше Махайра. Он добрый саблезуб, но может укунить обидчика. Выздоровливайте!

Да уж, укус зубастого кошака человеку противопоказан. Гвард вышел. Сестренка удостоверилась, все ли со мной в порядке, спросила, не хочу ли есть, напоила из самодельной глиняной чашки и предупредила о выдолбленной из полена посудине у кровати. Ночной горшок, блин. Мы с ней поговорили о волшебнике и событиях прошлого дня, прежде чем меня сморил сон.

Глава 5

Бегство

Утром я проснулся от голода. Под ложечкой не сосало, а грызло, требуя пищи, да поскорее. Свернувшийся клубком в углу Махайр на мое пробуждение отреагировал потягиванием с демонстрацией длинных черных когтей. Ими, наверное, кольчугу разорвать дело плевое. Да, хорошо, что кошка миролюбивый. Нашинковал бы меня вчера на салат и не поморщился. На свету он выглядел значительно внушительнее. Под густой рыжей шерстью перекатывались бугры мышц, из пасти высывались клыки, необычайно плоские, действительно похожие на сабельные клинки. С них капала белесая слюна. Взор зеленых глазниц пронзал насквозь.

Гигантский кот обнюхал меня и, отойдя к лестнице, оглушительно рывкнул.

На звук прибежала сестренка с подносом и охотник-маг. На подносе глиняные миски, наполненные ароматным жареным мясом, отварными кореньями и накрошенными неизвестными фруктами.

– Привет! – в тридцать два зуба ухмылялась Лилька. – Мы тебе завтрак несем. Гвард помог приготовить. Он подсказал столько съедобных плодов! И корешков накопал, получилось вроде жаркого.

– Перед едой выпейте, – волшебник протянул глиняный кувшинчик, висевший до того у него на поясе. – Лечебное зелье.

Ох, и горькое лекарство! Градусов семьдесят пять, не меньше. Пахла целебная настойка полыню и ромашкой. Проглотив ее, я схватился за чашку с водой, чтобы затушить разбушевавшийся в глотке пожар. Следопыт перехватил ее ловким движением заправского карманника:

– Погодите, зелье еще не подействовало.

Махайр положил морду мне на колени и выразительно посмотрел в глаза. Мол, не рыпайся, хуже будет.

– Хр-р-р, – просипел я.

Голос пропал, в животе назревала революция. Секунд десять – и никакой саблезубый кот меня не удержит. И вдруг раскаленная жаровня в горле исчезла, бурление в кишечнике сменилось жжением. Кровь закипела в жилах, в мышцах почувствовалась небывалая легкость, захотелось бегать, прыгать, двигаться.

– Пейте, – Гвард подал чашу с водой. – Зелье прочищает кровеносные сосуды от яда и заживляет раны. Принимают его только идущие на поправку, у слабых может остановиться сердце. Пейте, говорю вам! Оно разъедает желудок.

Вода скатилась по пищеводу и упала тяжким грузом в живот. Жжение улеглось, однако вулкан в крови по-прежнему извергался.

– Ешьте, – волшебник пододвинул миску с дымящимся «жарким».

Корешки довольно вкусные, напоминают картошку. С мясом я их уплетал за обе щеки, несмотря на притупившийся от приема «лекарства» голод. В этом мире не ел ничего питательнее и вкуснее. Попрошу Гварда показать растения с полезными кореньями.

Плоды, лежавшие в соседней миске, по сладости и сочности спорили с медовыми дынями.

Жар в крови погас с последним кусочком местного аналога дыни. Ноющие раны в спине перестали болеть, и я откинулся на ложе, испытывая удовольствие от сытости и комфорта. Наелся впервые за время, проведенное в башне.

Благостное состояние не передалось выжидающему следопыту, зато Махайр меня понимал. Кошак растянулся на полу, закрывшись лапой от бьющего в окошко яркого солнечного света, и довольно урчал. Позавтракал уже, небось, какой-нибудь молоденькой антилопой.

– Позвольте сменить вам повязки, – маг присел на чурбан, исполнявший роль табуретки, – и промыть раны целебным бальзамом.

Тон у него был совсем не просительный. Охотник приказывал в вежливой форме.

Неужели он помогает бескорыстно? На религиозного человека не похож, на бескорыстного альтруиста подавно. С другой стороны, как бы я поступил, найдя двоих иностранцев, заплутавших в лесу, причем тяжелораненого парня и малолетнюю девчонку? Вывел бы к городу и направил к стражам порядка – консульство-то не в каждом населенном пункте имеется. То есть сделал бы то, что делает Гвард. Люди должны помогать друг другу.

– Меня зовут Александр Валерьевич Стрельцов, – представился я исключительно из вежливости.

Лилька стопудово меня уже назвала.

– Отрадно слышать, – волшебник возился с бинтами. Смачивал их жидкостью оранжевого цвета и аккуратно, неспешно разматывал. Спину пощипывало. – Сандэр. Подходящее имя для иноземца, на дварфском наречии означает «Разъединенный». В вашем случае с родиной. Разрешите вас так называть? Ваше полное имя труднопроизносимо и непривычно для обитателей Ксарга и империи.

Нормальное имечко. На слух приятно, да и вообще нравится.

– Не возражаю.

– Прекрасно. Между прочим, нанесенные вам раны весьма неплохо заживают.

Гвард, сложив использованные повязки горкой на лист лопуха, принялся меня перебинтовывать.

– Ваша очаровательная сестрица изложила суть постигшего вас несчастья. Мне хотелось бы поговорить с *вами*. Заодно проверим, не оказал ли яд влияние на вашу память. Лилиана утверждает, вы из иного мира.

Угу, диагностикой займемся. Сестренке вашей верю, безусловно, только она ребенок. Инфа от взрослого ценится всегда выше. Ну-с, побеседуем.

– Она права. Мы родились в мире с одной луной и попали сюда случайно. Без понятия, каким образом это произошло. Разбушевалась небывалая буря, деревья вырывало с корнем. Мы спасались от нее в магазине и будто провалились в черноту. Очнулись в незнакомой обстановке. Башня, лес. Деревья и животные, не обитающие у нас. Чужое небо.

– Что ж, добро пожаловать в Лантар, мир Трех Лун. Иначе говоря, Трехлунье. Вы заметили некие странности накануне перемещения? – замедлил процедуру маг. – Огни в небесах, например.

– Огни в небе, – вспомнил я северное сияние. – Буря пронеслась очень сильная, небывалая для наших краев.

Гвард приснул на спину жидкости из зеленой склянки, в которую перед тем обмакнул бирюзовый кристалл на шнурке. Кожу приятно заохлоло.

– Раз в тысячу лет и реже происходит явление, прозванное магами и мудрецами Бурей Тысячелетия, – поведал он. – Его также называют Танцем Трех Лун, ибо светила выстраиваются в линию, и начинается великое затмение. Буря Тысячелетия разрывает ткань мироздания, образуя порталы в иные миры. Опытные демонологи в это время способны призвать из глубин вселенной диковинных чудищ. Порой находят странных существ, обитателей иномира, перенесенных Бурей против своей воли. Иногда перемещаются чужеродные артефакты. Последняя Буря прошла над араньей недели две назад. Вероятно, вы попали в Лантар через стихийный портал, сформированный ею. Порталы возникают на местах древнего средоточия магии. Сторожевая башня является таковым.

В принципе, мои предположения подтвердились. Мы оказались здесь случайно, в результате неизвестной земной науке феномена. Сможем ли вернуться, вот в чем вопрос. Его я озвучил, обращаясь к волшебнику. Кому, как не ему, знать ответ?

– Теоретически проникновение в чужие миры возможно, – неуверенно произнес Гвард. – На порталной магии специализируются в основном демонологи и транспортники. Транспортники за деньги переносят важные грузы и персон при помощи сети порталов. Ходят слухи, некоторые архимаги способны призывать иномировых существ и путешествовать по иномирию. То лишь слухи, досужие сплетни магической братии, ничем не подкрепленные.

Попали мы с Лилькой.

– Как найти нам архимага, уважаемый Гвард? – хватаюсь за соломинку.

– Чародеи столь высокого уровня ведут отшельнический образ жизни. Отыскать их теоретически возможно. Ба! Академией волшебства Салютус заведует архимаг, единственное в своем роде исключение из правил. Он принимает посетителей и учеников. К сожалению, пробиться к нему на прием весьма трудно.

– И в чем трудность?

– Он принимает монархов. Королей, императоров. Простолюдину и дворянину нечего надеяться на его гостеприимство. Академией он управляет через посредников, своих учеников.

Веселенькое дело. Получается, легче стать самому архимагом, чем попасть к ректору магической академии. Найти остальных убер-чародеев затруднительно, исходя из сведений Гварда. Они, похоже, неуловимее снежного человека и лохнесского чудовища. Не захотят общаться, и все тут.

Гм. Намечается два варианта действий. Нет, три. Простейший заключается в обыкновенной жизни обывателя здешнего мира. Как охотник его назвал, Трехлунье? Рядовыми обитателями Лантара станем, в общем.

Второй вариант предусматривает становление волшебником. Это осуществимо в мире, где господствует магия. Третий, также невероятный вариант, в нахождении архимага и просьбе вернуть нас на родную Землю. Второй и третий варианты нереальны, но три недели назад и попадание в другой мир я воспринимал за фантастику.

– Аудиенцию у архимага я бы не назвал вашей проблемой, – следопыт закончил перевязку. – У вас могут быть заботы значительно... – волшебник замылся, подбирая выражение, – ...серьезнее.

Сказанное перед этим, значит, сущие пустяки? Зверомастер, ты меня обнадеживаешь.

– Излагайте без излишней витиеватости, Гвард. И давайте перейдем на «ты», если не против.

На секунду охотник нахмурился.

– Хорошо, – криво улыбнулся он. – Не сегодня-завтра к нам пожалуют тролли. Группа разведчиков во главе с шаманом. Башня, по их представлениям, проклята, без поддержки Говорящего с Духами они не сунутся. Древняя легенда. По их поверьям, в башне заточен старший сын царя зверобогов Иргала Зага, и его стражи убьют посмевшегося потревожить темницу. Позднее расскажу подробно.

– Ясно. Уходить нам надо.

– Чем скорее, тем лучше. Ваш плот я достроил, спустимся по реке к озеру, оттуда пешком достигнем имперской заставы. В форте относительно спокойно, там останетесь, язык выучите.

– У Марна Изверга?

Имя-то какое красноречивое. Идеальное для палача.

– У вас денег не хватит оплатить его услуги, – осклабился Гвард. – Тебе бы отлежаться денек, да времени в обрез.

Я сложил пальцы домиком, наслаждаясь последними мгновениями блаженного отдыха. Когда еще доведется поваляться! Ближайшие сутки будем улепетывать от толпы фэнтезийных дикарей. Обалдеть. Убегаем от выдуманных существ, оказавшихся реальными. И привыкли мы к башне. Будто дом родной покидаю.

– Собираемся, – не стал я оттягивать неизбежное.

– Вещи на плоту, – усмехнулся волшебник.

Гвард достроил плот, скрепив запасенные мною бревна веревками из выющихся трав и дополнительно обшив борта для устойчивости камышом, растущим в низинах, где река мелеет. Хлипкое сооружение следопыт снабдил рулевым веслом и шестами для отталкивания от берега. Из вещей взяли с собой оружие и посуду. Едой следопыт дал слово обеспечить. Центр кустарного судна занимал небольшой шалаш, рассчитанный на двух человек. От дождя моросящего и от солнца укроет.

Спущенный по бревнам плот покачивался на мелкой волне, готовый к отплытию. Волшебник привязал его веревкой к выступающей из отвесного берега коряге, заменяющей якорь. По крутому трапу меня провели на борт. Там над котелком трудилась Лилька, счищая грязь и ржавчину. Отрыла в башне – откуда ему еще взяться? Сестренке по мере сил помогала знакомая белка, поднося тряпочки и костяные скребки.

На холме у входа сторожил громадный бурый медведь. Сидел себе в тенечке, жевал зрелые на колючках зеленые ягоды. Саблезуб горделиво прохаживался по берегу, лениво зевал и поглядывал в нашу сторону. Типа начальник бодигардов.

– Пушистик с Рыжиком проводят нас по суше. Они слишком тяжелые, чтобы плыть с нами, – разъяснила ситуацию Лилька.

В лесу завопило, закудахтало, заглушив птичий гомон. Более жуткого вопля слышать мне здесь не доводилось. Гвард обеспокоенно мазнул взглядом по верхушкам дальних деревьев и начал торопливо отвязывать плот.

– Что это было? – поинтересовался я.

– Сигнал от дозорного, – помедлив, ответил зверомастер. – Тролли близко.

Течение подхватило наше освободившееся плавсредство. Маг, справившись с рулевым веслом, вывел плот на середину реки. Мы двинулись к озеру.

Бешено кричащие дозорные то тут, то там оповещали о приближающихся нелюдях. Тролли с криками и завываниями подступали к башне с обоих берегов.

– Племена выслали разведчиков, – прошептал охотник. – В округе четыре крупных племени, от каждого по отряду. Синекожие сговорились, не иначе. Бояться упустить выгоду. Надеются, в башне удастся захватить ценных пленников, за которых дадут богатый выкуп. Стальные доспехи вождям, редкие ингредиенты зелий шаманам. Золото лесным троллям даром не нужно, они презируют желтый металл. Не обнаружив никого в башне, синекожие устроят облаву. По земле я бы вас не вывел – нас догнали бы. Проклятье!

Гвард встал в центр плота и сотворил в воздухе замысловатый знак пальцами, беззвучно шевеля губами. Жилы на его лбу и шее вздулись, лицо потемнело от прилива крови. Зачерпнув из висящего на поясе мешочка щепотку серого порошка, он закинул ее в небо. Порошок вспыхнул красно-зеленым, обрисовав контуры созданного знака, и растворился в воздухе, оставив тонкий сосновый аромат.

Маг устало сел, поджав под себя ноги, враз осунулся, постарел. Морщины избороздили щеки, лоб, под глазами пролегли тени.

Я никогда не был поклонником экстрасенсорики и не верил в мистическую чушь. И вот наглядное доказательство моей неправоты.

Мурашки у меня по спине маршируют строем, распрямляются волосы на затылке. Истинное колдовство впечатляет не визуальными эффектами. Осознаешь приоткрывшуюся тебе тайну, и становится жутко от разверзшейся за замочной скважиной, куда ненароком заглянул, бездны таинственной силы.

Лилька поежилась, обняв белку и невольно прижавшись бочком к моей ноге. Ее магия поразила, видимо, не меньше меня.

Маг-следопыт тяжело дышал, словно преодолел полосу препятствий.

– Купол скрыл нас от духов-ищеек, посланных шаманами, – отдышавшись, сказал он. – И от чужих взоров.

Интересно, в бою Гвард применит заклинание или ринется колотить троллей посохом? Ни копыя, ни лука со стрелами, обязательных охотничьих атрибутов, при нем нет. Даже завалящего ножа не видно. Полагается на охрану из зверей? Кроме медведя и саблезуба, у него есть «дозорные», вопящие дурными голосами. Может, еще животное какая грозная.

Над нами по левому берегу пробежала синюшная человекоподобная фигура. Троль! Невысокий, жилистый, длинноногий и длиннорукий, в набедренной повязке, с пучком прутьев-дротиков в руке. М-да, троллей я по-другому представлял. Замухрышка, а не могучий троль. Меньше тех троих, в чью ловушку меня загнала змеюка.

Волшебник приложил палец к губам, призывая к молчанию. На правом берегу, заприметив врага, взревел медведь. Кошака не видать.

Синекожий взвыл, заулюлюкал, насмехаясь над Пушистиком. Еще бы, реку зверь не пересечет, бояться низкорослому разведчику нечего. Было бы здорово, выследи мишутка синего уroda. В десяти километрах ниже по течению береговые склоны покатые, перебраться на тот берег несложно. Вот бы троль шел за нами до того места. Мишка бы ему высказал прямо в морду лица все, что о нем думает.

Ух, какой я кровожадный, однако. Спокойнее надо быть, миролюбивее.

Синьке с нами было не по пути. Плыли мы дальше в гордом одиночестве. Пушистик брел, время от времени косясь на нас и противоположный берег. Саблезуб ушел по своим делам – то ли территорию метить, то ли за симпатичной кошкой приударить. Крики дозорных слышались все реже.

– Тролли окружили и обыскивают башню, – прекратил молчанку Гвард. – Поймут, что мы ушли по реке, и бросятся в погоню. Нам бы до озера доплыть. У меня схрон на острове.

– И как далеко озеро? – Я до него ни разу не доходил и не подозревал о его существовании.

– Дня два по реке. У нас перед троллями преимущество, пока за нами не пустятся шаманы. Их обмануть сложно. Купол невидимости им не помеха. Духи леса и зверобоги благоволят им. Теоретически мы можем уйти...

– Почему они за нами гонятся? – перебила сестренка. – Мы ничего плохого им не сделали.

– Долгая история, – проговорил маг-охотник вполголоса. – Тролли не уживаются ни с кем из разумных рас. С эльфами у них извечная вражда. Они воюют за леса и беспощадно вырезают друг друга. Вторжение империи людей повлекло кровопролитную войну, длившуюся столетиями. Ныне между троллями и людьми установилось хрупкое перемирие. Имперцы и эльфы не ладили, и старейшины племен рассудили: люди окажутся полезными союзниками в борьбе против Детей Звезд. В деревнях под человеческими пограничными крепостями нынче идет меновая торговля. Из синекожих получают неплохие наемники. В остальном тролли презирают и нас, и эльфов. Они ненавидят цивилизацию. За Огненной рекой дикие земли, принадлежащие им, и горе заплутавшему путнику, перешедшему по недоразумению границу. Поймав, за него потребуют выкуп. В худшем случае съедят.

Заложники из меня и Лильки никудышные, к тому же худые и невкусные, поэтому с синьками нам не по пути. Волшебник правильно предложил вести нас в человеческий форт. Пробудем там месяца полтора, язык подучим, обычаи узнаем и поедем покорять имперскую столицу.

– Гвард, расскажи о Лантаре. Об империи, троллях, эльфах, – попросил я.

Маг-следопыт замер, прислушиваясь, прищурился. Птицы и насекомые словно вымерли, ветер стих.

– Я расскажу вам позже, – шепотом произнес волшебник и кивнул на воду за плотом. – Тихо! Духи услышат!

По водной ряби скользили смутно различимые тени. Сначала я подумал, от облаков. Взглянул наверх – небо чистое. Пернатые, и те попрятались. В прозрачной воде, просматриваемой чуть ли не до дна, рыбы опасно жались к берегам, шарахаясь от странных теней. Тени обогнали неспешно плывущий плот и убежали вперед. Волшебник внимательно следил за ними, на его лбу выступили бисеринки пота. Магический колпак, делая невидимыми нас и наше плавсредство, звуковой изоляции не гарантировал.

Весь день мы не причаливали к берегу и соблюдали режим молчания. Теневые духи, вновь появившиеся к полудню, нашего присутствия не засекли. Мы беспрепятственно доплыли до излучины реки, где на скалистом выступе, огибаемом руслом, дожидался с ланью в зубах Махайр. Добытчик наш саблезубый. Он сбросил тушку к нам на плот и, удовлетворенно мявкнув, растворился в листве.

Гвард быстренько освеживал добычу, разрезал на порции, завернул куски в круглые листья кувшинок. Жестами он показал – мол, ночью костерок устроим, ужин забабахаем.

Солнце неторопливо катилось к горизонту. Лилька, сняв подаренную магом меховую жилетку, загорала на палубе. Я отполз в шалашик – жарко стало, не продохнуть – и подремывал. Заняться нечем, да и противопоказаны мне нагрузки. Периодически, просыпаясь, любовался проплывающими по небосводу редкими облачками. Наш персональный зверомастер рулил веслом, корректируя движение ровно по центру реки. Скукотища. Мысли дурные лезут.

Зачем нам на Землю возвращаться? Нас к возвращению забудет большинство знакомых. Друзья, конечно, вспомнят. Был парень Саша Стрельцов, была у него сестра младшая. Пропали без вести. Из универа меня отчислят за неявку, квартира достанется каким-нибудь мошенникам. И возвратимся мы никем, в неизвестность. Куда ни кинь, всюду клин, как говаривала наша бабушка.

Интерлюдия первая

Шаман Зораг-Джин из племени Черное Копье был в бешенстве. Внешне оставаясь невозмутимым, словно Красная Скала Духов, он выполнял порученную ему вождем и старейшинами работу. Помогал поймать чужаков, объявившихся в Проклятой Башне. И ему это не удавалось, как и трем верховным шаманам соседних племен.

Презренные мягкотелые сбежали. Посланная за ними свора тeneвых духов вернулась ни с чем. Чары, составленные четверьмя Говорящими с Духами, оказались бесполезны против кучки жалких человечков.

Запутывать следы, надо признать, пришельцы умели превосходно. В натоптанном под башней разнообразии отпечатков даже он, Зораг-Джин, в прошлом прославленный следопыт, затруднялся найти последнюю, основную линию. Звериные и людские ноги ходили рядом, а останков нет ни в каменном доме, ни вокруг. Молодых охотников это ставило в тупик, шамана злило. Он чуял колдовство, как гончий пес чует запах свежепролитой крови. Медведь, забредший к башне, и саблезуб. Испокон века они враги, примирить их может лишь опытный зверо-мастер. Прихватив обживавших башню людишек, колдун уплыл по реке. Шаманы поняли его замысел сразу, потому послали духов, но враг был им не по зубам.

Вдобавок Зораг-Джина раздражал младшенький сынок вождя, негласно руководивший отрядом разведчиков. Совсем юный и несмышленный, он осмеливался упрекать его, бывшего верховного шамана племени, в бессилии.

– Твоя слава ушла в туман вместе с духовной силой, – скалился неразумный отпрыск, нависая над тщедушным Говорящим с Духами.

Выше старца на три головы и шире вдвое, внешне он походил на своего старшего брата Рак-Джакала, успевшего стать знаменитым воином и охотником. Зораг-Джин хотел бы иметь сына сильного, умного, уважительно относящегося к старшим. Духи не давали шаманам детей. Велика плата за тайные знания потусторонних миров – ох, велика.

– Ты дырявый кувшин, толку от тебя никакого, вред только, – самоуверенно твердил молодой тролль. – Позор на твою лысину! Не смог выследить мягкотелых! Из-за тебя мы лишились нежного, сочного мяса и выкупа. Мои воины рвутся в погоню, ты же приказываешь ждать ответа духов? Мы сами отыщем белокожих, без твоего никчемного колдовства!

Юный сын вождя позволял себе слишком многое. Вошел без спроса в шатер среди ночи и отчитывает его, уважаемого шамана, будто нашкодившего мальчишку. Да слава о Зораг-Джине гремела в пору, когда нынешний вождь Черного Копья на свет не родился!

Он, великий чаротворец, повелитель духов, убивал и за меньшую дерзость. От его руки погибли целые кланы длинноухих уродцев-эльфов. У костров тролльих племен, враждовавших с ним, и поныне боятся вслух произносить его имя. Потомки врагов посмелее пугают им детей. А этот несчастный, обделенный разумом безымянный², не совершивший еще ни одного подвига, смеет открывать зловонную пасть в его сторону и возносить хулу! Этот не заслуживший собственного имени тугодум забыл, кто есть Зораг-Джин, ушедший из племени десятки лет назад и вернувшийся по просьбе старейшин и вождя потому, что верховный шаман племени скончался, не совладав с могучим духом реки, которого решил подчинить.

Шаман занимался своими делами, кажется, ничуть не обращая внимания на зарвавшегося юнца. Помешивая в котле густое булькающее варево, он опустил пищащего новорожденного детеныша речной выдры в бульон.

² До совершения какого-нибудь значительного поступка, свидетельствующего о храбрости, молодой тролль считается среди опытных охотников и шаманов безымянным. С рождения синекожему дается детское имя, которое потом, после важного поступка, заменяется на взрослое. Зораг-Джин преподает урок непомнящему безымянному тупице.

– Эй, ты слышишь меня? – требовательно спросил сын вождя, надвигаясь на старца.

Тот прятал лицо за цветастым замусоленным платком, доставшимся ему в бою от ведьмы железощурых много лет назад, и молчал. Истершиеся клыки чуть бугрились под тканью.

– Оглох? – недовольно повысил голос юнец.

Зораг-Джин, не глядя, стремительно ударил пальцами, собранными в щепоть, точненько в солнечное сплетение рослого тролля. Безымянный, не ожидавший атаки, согнулся пополам, враз поник и сделался ниже ростом, сравнившись со взбешенным шаманом, обратившим на него взор мутных сузившихся глаз.

Говорящий с Духами не стал тратить слов на распоясавшегося глупца, ибо считал мальчишку недостойным сей чести. Он ухватил его за глотку, сдавив до хруста. Задыхаясь, молодец вынул распухший язык и попробовал отшатнуться, оттолкнуть старика. Блеснул в свете очага темный клинок ритуального ножа, и из перекошенного рта сына вождя хлынула фонтаном кровь, орошая устилавшие земляной пол циновки и колдовскую утварь.

Деловито взвесив в ладони кровотокающий отрезанный язык, шаман удовлетворенно хмыкнул и закинул его в котел. Как ни в чем ни бывало отошел от молодого тролля и костяной ложкой помешал содержимое. Случившееся послужит уроком молодежи, забывающей о почтении к старшим. Вождь сочтет наказание правильным. Не согласится – ему же хуже. И всему племени, выступи оно против старейшего шамана лесных троллей.

Из громадной корзины, занимающей треть площади шатра, подняв крышку, показалась треугольная чешуйчатая голова белой от старости сторожевой кобры.

Покалеченный юнец попятился. Он больше не волновал Зораг-Джина. Говорящий с Духами зачерпнул из накопившейся под глупцом кровавой лужи и обвел очаг с бурлящим котлом колдовским знаком, призывающим духа из Серых Пределов, куда уходят души умерших. Влекомый ароматом жизненной влаги и знаком, отверзающим врата между мирами живых и мертвых, дух придет. Шаман запел заклинание призыва. Монотонный речитатив наполнил пространство, вознеся с дымом через круглое отверстие в потолке к черному ночному небу. Задражали в вышине звезды, точно испугавшись страшного колдовства, бывшего ровесником небес. Огонь в очаге разгорелся, жадно заключил в пламенные объятия железный котел, запекающаяся кровь почернела. По стенам из буйволовых шкур корчились в муках тени слетевшихся на подношение призраков, сражающихся за каждую каплю крови. Победить должен сильнейший, свирепейший дух.

– Приди, Неведомый! Приди, тот, у кого нет имени и формы! Приди и вкуси мое подношение! – воздел Зораг-Джин костлявые руки.

Начертанный кровью знак испарялся. С последней фразой, слетевшей с губ шамана, истончившиеся линии исчезли. Из булькающей массы в котле вынырнула голая, обтянутая пленочкой розовой студенистой кожицы головка новорожденного щенка выдры. Лапки уцепились коготками за край котла. Слепой детеныш пискнул, оглашая внутренности шатра о своем приходе, и подтянулся, вытаскивая из бульона морщинистое тельце. Кости просвечивали сквозь кожу щенка, уподобляя его старой облезлой мумии.

Говорящий с Духами, достав ритуальный нож, чиркнул по запястью. Содержащая частицу его духовной мощи, превосходящей силы некоторых из старейших лоа, кровь обильно заструилась в сложенную пригоршней ладонь. Шаман захрипел заклинание. Угощение, связывающее воедино призывателя и воплощенного духа, готово. Взятый из варева детеныш жадно припал к темно-алому дару, невольно скрепляя колдовской договор. Отныне он будет служить призвавшему его.

– Нарекаю тебя Синк-Джадом, Кровожадной Гончей, – прокаркал Зораг-Джин, поднося к носу создания обрывок испачканной ленты, впитавшей пот жившего в Проклятой Башне человека. – Найди того, кому это принадлежало, и убей его. Убей всех, кто будет с ним. Беги!

Щенок принялся к тряпице, запоминая запах жертвы, и соскочил с опущенных до пола рук, чтобы умчаться в ночную тьму за стенками шатра. Шаман знал, он не подведет. Рано или поздно одержимый зверь разыщет цель. Крошечный сначала, он вырастет, питаясь кровью и плотью животных, и станет равен по силе старшему лоа. Тогда он нападет на людишек, выследив их по запаху цепенеющих от ужаса душ.

Зораг-Джин любил творить чары над духами новорожденных. Безымянными легко управлять – достаточно дать призванному имя и заключить колдовской договор на крови. Младенцы обладают жизненной силой большей, нежели у большинства взрослых. Рано лишенные жизни, их духи жаждут ее поглощать. Упыри, получающиеся из старых колдунов, умереннее в своих аппетитах. С каждой каплей порождения черных чар становятся сильнее, быстрее и крепче. Кровь заменяет им материнское молоко, ею невозможно насытиться. Духи младенцев – сильнейшие из младших лоа. И злее. Ярость, с которой они боролись за жизнь, остается с ними после смерти. Они часто убивают призывателей, из-за чего шаманы опасаются иметь с ними дело. Своенравные лоа подчиняются тому, кто намного сильнее них. Таких Говорящих с Духами единицы. Еще меньше отважившихся осквернять трупы черным колдовством. Все лоа мстительны. Рано или поздно злым духом овладеет безумие, и он захочет поглотить призывателя.

Зораг-Джин отродясь не боялся ничего и никого. Болтали, из-за происхождения. Благодаря врожденному бесстрашию он приобрел власть над духами, коей убоялись соплеменники, попросив самого могущественного шамана за время существования племени покинуть стойбище и передать ожерелье верховного ученику.

Говорящий с Духами, сняв котел, уселся на циновку. Удовлетворенно вдохнул терпкий аромат сваренного зелья. Просьба вождя и старейшин выполнена. Людишки не пойманы, но они никому не достанутся. Соседи не приумножат богатства и мощи в обмен на именитых заложников и не вкусят нежного людского мяса, приготовленного на Алтаре Предков, не получат благословения духов, что есть благо для Черного Копья.

Глава 6

Новые знакомства

Когда-то очень-очень давно леса троллей пыталась завоевать старинная империя людей и гномов, заодно прихватизировав эльфийские рощи. Воевать на два фронта было невероятно тяжело, и блицкриг имперцев провалился. Ребята ограничились сторожевыми башнями, раскиданными по лесам. Заселять новые земли крестьяне, даже беднейшие, не торопились. Соответственно правительство использовало проверенный метод. Направило на лесоповал каторжников, обещая амнистию за мелкие правонарушения и сокращение срока отъявленным головорезам. Само собой, отбирали поселенцев за хорошее поведение, жилье давали. Потихоньку образовались деревеньки, сторожевые башни превратились в замки новых феодалов из безземельных дворян и авантюристов, попытавших счастья вдали от родных пенатов. Спустя столетие, невзирая на сопротивление партизанящих троллей, в лесах возникли баронства и графства поселенцев. Тогда-то и распространился слух о некоем графе, наткнувшемся при постройке винного погреба под замком на удивительный колодец, откуда постоянно лезла всякая нечисть. По сути, графские работники вырыли действующий портал в потусторонний мир, незнамо кем созданный. Дворянин, будучи повернутым на волшебстве магистром магических наук, изучал феномен разносторонне. Однажды взбрела в его дурную башку нелепая мысль слазить в колодец, выведать у тамошних жителей секреты волшебства. Выкарабкался он оттуда кардинально изменившимся внешне и внутренне. Поговаривали, в него вселился демон, оттого и перевернул графство вверх тормашками за каких-то пару-тройку месяцев. Жертвоприношения начал практиковать, обзавелся свитой одержимых уродцев, понаставил святилищ поганым идолам. Люди в его владениях пропадали десятками и сотнями, чудища расплодились. В общем, на творящиеся безобразия отреагировал понтифик имперской церкви, при поддержке императора приказав навести порядок дюжине паладинов. Ревнители веры прибыли в графство, объявленного еретиком графа схватили, монстров частично повылавливали и отправили к Святому Престолу на исследование, частично тупо перебили, а колодец-портал запечатали.

История, однако, на этом не закончилась. Выехавшие к столице империи паладины, везущие на повозке клетку с любителем магических экспериментов, то бишь с графом, загадочным образом исчезли, а через неполные два года графские земли обезлюдели от набегов троллей. Взволнованный понтифик слал отряд за отрядом. Экзорцисты, паладины, волшебники разных мастей. Напрасно. Посланцы его святейшества гибли в лесах, засушенные людские головы украшали хижины вождей, шаманов и знаменитых воинов синек. Император направил регулярные полки для усмирения мятежного графства. Ну, как сказать мятежного. К тому времени людей там не осталось почти, одни синеккожие. Тут-то и выяснилось, кто бучу затеял. Великим супер-шаманом троллей, поведшим их на войну, был тот самый граф. А в свите у него состояла дюжина одержимых демонами рыцарей. Кстати, отсюда ноги растут у слухов про демонопоклонничество синеккожих. Народу порезано с обеих сторон – не счесть. Хронисты по сию пору подсчитывают убитых и раненых. Соединенными усилиями людей, гномов и эльфов, принявших участие в потехе, ради чего заключили перемирие с имперцами, войско троллей разгромили. Базу шаманистого графа, запершегося в главной башне с дружиной для проведения страшного колдунства, вынесли. Его сиятельную персону, обряженную в меха и варварские костяные побрякушки, умертвили. Умирать клиент заплечных дел мастеров категорически отказывался, что ему ни делали. В воде не тонул, в огне не горел, разрубленные фрагменты дворянина имели склонность к противоестественно стремительной регенерации. Отсеченная голова, к примеру, материла мучителей на чем свет стоит, и отсутствие легких вкупе с поврежденными голосовыми связками ее абсолютно не смущало. Стоило туловищу коснуться ее, она мгновенно прирастала. Порядком намучившиеся вершители справедливости уже подумы-

вали заказать ванночку с кислотой у столичной гильдии алхимиков. Не судьба. Главный эльф, пренебрегая ненавистью к имперцам, подсказал старинный способ упокоения неубиваемых товарищей, практикующийся издревле на родине длинноухих. Колодец-портал заново запечатали с применением соборной магии гномов, людей и эльфов, поместив в печать бессмертного графа. Сторожить его поставили дюжину одержимых паладинов, к тому моменту стопроцентных покойников. Души бедняг возвратили из мира мертвых и заключили в волшебное оружие, находящееся при них. У кого копье, у кого топор.

– И вечно они будут нести стражу в подземном зале с запечатанным порталом-колодцем, дабы не выпустить закованного в зачарованные цепи графа-колдуна, – пафосно закончил рассказывать легенду Гвард, сидя в шалаше над бросающим отсветы на его жесткое лицо костерком на глиняной треноге.

Бр-р, аж мороз спину продрал. Ему бы профессиональным рассказчиком страшных историй в пионерлагерях работать – цены бы не было его таланту. Мы с Лилькой, бледные, заворуженно смотрели на него.

– Поныне раздаются долгими зимними ночами ужасные завывания бессмертного демонапоклонника, а тролли обходят стороной полуразрушенную сторожевую башню, оставшуюся от графского замка, где таится зло. Потому ее называют Проклятой.

Маг-следопыт на второй день нашего путешествия по реке прекратил режим тишины. Теперь он всю просвещал нас относительно географии и истории здешних лесов и империи, начинающейся приблизительно в полусотне километров к северу от Зеркального озера.

На восток в двух седмицах пешего пути леса синек граничат с владениями высокородных эльфов, то есть королевством Эладарн. Большое государство, в последние столетия утрачивающее влияние на международной арене. Длинноухие долгожители, по мнению имперских ученых мужей, вымирают. Древнейшая в Трехлунье цивилизация угасает. Войны с троллями на юго-западе и орками на востоке обескровливают расу ушастиков. Плодятся высокородные плохо. Плюс козни братьев по крови, темных и сумеречных эльфов, наносят вред королевству.

Южнее простираются земли синекожих, занимающие больше половины площади Ксаргского полуострова. Совсем на юг живут племена лесных гоблинов, центр облюбовали огры. К вспыльчивым громадинам тролли, несмотря на свою безбашенность, стараются не соваться. Великаны народ мстительный и могучий, нарушителей собственного спокойствия привыкли изничтожать под корень, с семьями и домашними животными. Частенько синьки договариваются с ограми и организуют совместные военные походы на соседей.

Кроме людей, эльфов и троллей, в Лантаре обитает великое множество рас разумных существ. Богатейшие, пожалуй, гномы. Ближайшее государство коротышек – к северу от Эладарна, в Седых горах. Самые агрессивные после троллей – орки. Орки живут восточнее эльфов, в бескрайних степях Ирозанского континента, и терроризируют постоянными набегами ушастиков с имперцами.

В общем, Трехлунье – мир множества народов. Тролли из всех рас самые отчаянные. Они лучшие на полуострове охотники, потому правила маскировки мы соблюдали неукоснительно. Готовили еду на костерке в шалаше, тихо разговаривали, на берег сходили редко.

Саблезуб таскал нам кроликов, бобров, как-то притаранил поросенка. Крупную добычу вроде косули пожирал сам, демонстративно, на бережку. Завидуйте, мол, двуногие. Довольствуйтесь подачками. Мишутка ловил рыбу и начисто обглаживал ягодные кусты, на обеды Рыжика не зарился. От реки не отлучался, круглые сутки сопровождая плот. Откуда у него столько выносливости? Бывало, отставал, увлекшись рыбалкой, но догонял и шел вровень с нашим плавсредством.

Я полностью поправился. Нашей травматологии до здешней – как желудю до столетнего дуба, расти и расти. Гвард снятые бинты сжег. Объяснил, чтобы чары по ним на меня не навели.

– Никто не пробовал распечатать портал? – поинтересовался я, думая об оружии из подземелья.

Волшебник о нем спрашивал у сестренки и у меня. Мы синхронно отвечали – нашли, дескать, в башне. О погребальном зале молчок.

– Пробовали. Согласно записям хроникеров, в тайной комнате собраны богатства графской сокровищницы. Они веками манят искателей сокровищ. Колдуны, маги, наемники, рыцари, короли. Единицы из них доходили до башни. Сам посуди, места дикие, с троллями не всякий договорится, да и не могли найти комнату с порталом.

Эва оно как. Ну, насчет сокровищ летописцы преувеличили. Из легендарного богатства в подземелье декоративно украшенные доспехи и самоцвет, не считая оружия. Кстати, о смертоубийственных орудиях.

– Гвард, расскажи, пожалуйста, об оружии паладинов, сторожащих башню. Какие у него особенности?

– Оно... как тебе сказать-то... кроме телесного, наносит вред духовным сущностям: в клинках ведь души павших воинов. В остальном обыкновенные мечи, выкованные из лунного серебра. Немножко острее и прочнее стальных.

М-да, козырные у меня топорик и копьецо. Ох, неужели наш маг-лесовик не догадывается о них? По-любому, подозревает. Я бы ни в жисть не узнал в зеленушном металле серебро, пусть и лунное. Волшебник – дело другое. Ауру там просканирует, потоки эфирные. Хотя, учитывая басни о сокровищах, не факт, что оружие волшебное.

Плот наш неспешно плыл по течению. Лилка заснула в обнимку с белкой, Гвард дежурил у рулевого весла, я растянулся на постеленном поперек бревен для мягкости сене и любовался лунами. Берега высятся стенами тьмы, по воде пролегают целых три лунных дорожки, похожие на разноцветных водяных змеев. Красный Воитель в зените, голубая Целительница восходит, их белая Мать закатывается за горизонт. Религиозные подданные империи верят, это ангелы охраняют небо от демонов, норовящих на него вскарабкаться и погасить светила, устроив вечную ночь. Наш маг-следопыт так и сказал, дословная цитата. Он для нас кладезь знаний, гид по миру Трехлуны. Ангелы Лантара, кстати, делятся по половому признаку, как нормальные люди.

– Интересно мне, Гвард, что ты в лесах делаешь? Ты же маг, разве не положено тебе при дворе какого-нибудь властителя обретаться? А тут тролли, дикие звери, опасностей уйма.

Волшебник долго не отвечал. Может, задремал, в наших обстоятельствах неудивительно.

– Зверомастеру – в лесной чащобе, на болоте, в пустыне и жить, – наконец промолвил он. – Там, где людей поменьше, а животных побольше. Не люблю прислуживать и выполнять приказы. В лесу я вольная птица, летаю где хочу, занимаюсь чем хочу. Свобода. Синекожие и жители форта уважают, не раз им помогал. То лекарственных трав добуду, то зверя отважу, то заблудившего найду.

– И много тут заблудившихся?

– Бывают. В прошлое полнолуние Воителя бродячий проповедник из империи заблудился. Хотел нести свет веры троллям. Когда нашел его, он вождю Длинных Клыков сказки рассказывал, олух святой, а для него уже водичку кипятили и ножи острили, шаман на алтаре ветки третьеглаза³ жег, созывал духов предков на трапезу.

³ Особое растение у троллей, гоблинов и орков. Согласно верованиям синекожих и записям в лекарственных и магических книгах людских волшебников, оно помогает расширить границы сознания и быстрее и легче войти в транс, что весьма полезно для медитации. Также пользуется спросом у людей в качестве галлюциногена и обезболивающего. Среди побочных эффектов зачастую наблюдаются провалы в памяти и неожиданные провалы пользователя в астрал, трактуемые противниками практик, основанных на курении третьеглаза, как обыкновенное безумие, характеризующееся также пониженной возбудимостью, граничащей с ее полным отсутствием, после медитации и пустыми видениями. С другой стороны, поклонники растения считают те же видения ниспосылаемыми высшими духовными сущностями, а некую заторможенность объясняют необычайно полезным спокойствием духа.

Маг замолчал.

– И дальше что было? – поторопил я.

Гвард предостерегающе поднял руку. Опять теньевые духи-ищейки? Мы же оторвались. Я завертел головой, ловя каждый звук, высматривая малейшие изменения на воде, насколько позволяло зрение. Оркестр насекомых непрерывно поет, соревнуясь с пернатыми ночными солистами, шумит река. В воздухе благоухают распустившиеся на листьях-тарелках лунные цветы. Над водной рябью выступает камень непривычной формы, имеющий сходство с рыбьей головешкой. Выпуклые буркалы-глаза, круглые жаберные крышки. Приглядевшись, ощущаю холодок по спине. Жабры чуть-чуть шевелятся!

Маг изображал статую. Неподвижный, напряженный, стискивает рулевое весло. Правильно, оно тяжелое, стукнешь – мало не покажется. Копье и топор в шалаше, до них не дотянешься. Под рукой острога, ею Гвард рыбу ловит. Он пока никаких действий не предпринимает, последую его примеру. Ему лучше знать, как вести себя с плавающими рыбьими головами размером с человеческую.

Плот неумолимо несло течением к рыбьей башке. Поравнявшись с нами, она прилепилась к борту, зацепилась за бревна перепончатыми лапами-руками и булькнула. К моему удивлению, волшебник ответил аналогичным бульканьем. Ничего себе! Наш зверомастер и с рыбами общается. Между рыбьей головешкой и Гвардом завязалась оживленная беседа. Они увлеченно перебулькивались, точно старые знакомые, и маг ослабил хватку рулевого весла.

– Эй, я вам не мешаю? – встрял я в разговор, подобрав отвисшую челюсть.

– Нисколько, – оскалился своей фирменной ухмылкой следопыт. – Это Сларк, рыбоголовый. Себя они называют морлоками, люди дали им название «ихтианы». Мирный народ, обитавший раньше, до троллей, в крупных реках, озерах, болотах. Сларк приветствует нас и спрашивает разрешения залезть на плот. Плыть рядом неудобно, легко налететь на корягу, торчащую из дна. Он говорит, если погибнет, нас обвинят в его смерти и объявят врагами племени.

– И чем нам грозит статус врагов племени?

– Рыбоголовые миролюбивые существа. Глубинный Жрец пожалуется богу Дагону, дальше – на божеское усмотрение. К рекам и воде тогда советую не приближаться. Всякое бывает. Дагон, в отличие от морлоков, злобный и мстительный божок, насильственную смерть верующих воспринимает как личную обиду.

Рыбья башка утвердительно булькнула. Выглядела она не очень-то страшно в полумраке. Ну, раз ей Гвард доверяет, позволю посетить наш плавучий приют. С местными контакты устанавливать надо, проблемы никому не нужны.

– Пусть залазит, – великодушно разрешил я, на всякий случай подвинувшись к остроге.

Маг дал рыбоиду добро. Тот обрадованно заурчал, уперся руками о борт и вытащил из воды туловище. По сравнению с головой оно было непропорционально маленьким и тощим, напоминало лягушачье. Эдакий бесхвостый головастик. По влажной коже извивались темные узоры. Одеждой пресноводному ихтиандру служила набедренная повязка из мягкой кожи, держащаяся на пояске из водорослей, к ней крепилась связка рыбы. На шнурке, обвивающем коротенькую толстую шею, болтался костяной ножик, в правой верхней лапе морлок держал привязанную к запястью копию гвардовской остроги. Усевшись на манер лягушки на борту нашего речного «лайнера», рыбоголовый пристроил нехитрое орудие промысла на коленях и чинно поклонился, приложив свободную руку-лапу к груди.

– Сларк сердечно приветствует хозяина плавучего дома, – пояснил действия морлока волшебник. – В знак добрых намерений он предлагает нам пойманную им рыбу и надеется, мы станем помогать друг другу в будущем. Я же говорю, мирный народец.

Отстегнув от пояса крупную рыбину, ихтиан преподнес ее мне на вытянутых руках, словно драгоценное наградное оружие. Еще и головешку склонил.

– Передай, я надеюсь на то же, – принял я подношение.

На минуту возникла пауза. Рыбоголовый сидел, потупившись, Гвард ухмылялся. Меня его ухмылка начинала раздражать. Чего смешного?

– Теперь твоя очередь, – прервал тишину маг. – Подари ему что-нибудь съестное. Другое он сочтет бесполезным и обидится. Сларк обидчивый малый. Морлоки весьма ранимые, он в особенности.

Подарить, подарить... Из пищи с ужина недоеденная кучка ягод и кусочек вяленого мяса остались. Не давать же объедки. Белку Лилькину сбавить? Шучу, сестренка ее любит. Потом со свету сживет – месь Дагона по сравнению со злостью Лильки покажется мелким пакостничеством.

– Гвард, у нас пожевать есть?

Зверомастер пожал плечами.

– Сам знаешь, не густо. Но можно подарить услугу. Пообещаешь помочь ему в трудный час. Морлокам нравится иметь должников.

Последняя фраза прозвучала зловеще двойственной. Маг намекнул, или знание русского хромает? Незатейливый маговский юморок, ага.

– Ненавижу быть должным. Передай мои извинения и скажи, мы не можем принять подарка.

– Сандэр, это нарушение обычая, – ухмылка сползла с небритой физиономии следопыта. Он впервые назвал меня по имени, пускай и не совсем настоящему. – Сларк оскорбится, а оскорбленный рыбоголовый перестает быть миролюбивым. Ты уже взял дар, возвращать нельзя. Вот, – оставив весло, волшебник вынул из своей сумки, привязанной веревкой к стойке шалаша, увесистый кус мяса. Вяленого, само собой. – Дай ему.

Я торжественно подал морлоку припасенное Гвардом на крайний случай мясо. Сларк не менее торжественно взял кусок и прикрепил к связке рыбы, многозначительно булькая.

– Он рад встретить человека гордого и уважающего чужие обычаи, – перевел маг.

– Кто это???

Из шатра высунулась сонная сестренка, разбуженная, очевидно, нашим общением с представителем коренного населения троллх лесов, точнее, водоемов. По ней скакал, недовольно вереща, меховой клубок.

– А-а-а, ясно, – загадочно протянула Лилька более спокойным тоном. – А меня Лилиана зовут. Вы откуда? – Молчание несколько секунд, потом следующая реплика: – У нас здания висо-окие, большие. Ух ты! Вы двоякодышащие! Хорошо, наверное, жить под водой и на воздухе.

– Лиль, ты с кем разговариваешь? – осторожно спросил я.

Сестренка вела себя удивительно спокойно. Изумление от визуального знакомства с морлоком сменилось заинтересованностью. Она будто говорила с рыбоговым, он словно бы тоже, но его речи я не слышал. Телепатия? На фоне способностей зверомастера и троллей передача мыслей кажется в порядке вещей.

– Со Сларком Глубинной Улиткой. Ты разве его не слышишь?

Точно телепатия. Все нормально, ничего необычного.

– Ихтианы обладают естественным свойством мысленного общения, – подтвердил догадку Гвард. – Редкий дар. Морлоки, по сути, природные маги разума. Ирония в том, что они, бедняги, не могут объяснить механизма своих способностей. Маги людей, бившиеся над проблемой естественного колдовства, продвинулись в изучении их феномена на мышинный хвостик. Натеоретизировали массу трактатов, эксперименты ставили, а понять не могут, почему народец, в волшебстве мало смыслящий, превосходно манипулирует мнемоническо-астральными потоками. Рыбоголовые не учатся манипуляции, она для них естественна, словно дыхание. Сами они считают ее божественным даром, как небо, землю, дождь, воду. Благодаря своим

способностям из морлоков получились бы отличные ассасины и шпионы, однако они чересчур честные и мирные.

– Почему он тогда разыграл спектакль с подарками?

Действительно, зачем местному ихтиандру понадобилось строить из себя незнающего чужого языка туземца? Он мог нормально обходиться без переводчика в лице зверомастера.

– Побаивался твоей реакции, – Гвард уселся по-турецки, окончательно расслабившись. – Помнишь свое возмущение, когда узнал о моем методе обучения вашему языку? Ты не единственный, кто не хочет, чтоб рылись в его разуме. У большинства разумных есть секреты, подчас стоящие жизни. Меня от магии ихтианов ограждают специальные амулеты. Кстати, к твоей милой сестрице Сларк был вынужден применить манипуляцию. Морлоки любят спокойствие и не любят испуганных девочек. Кроме того, с детьми рыбоголовые хорошо ладят.

От близости к рыбоиду мне стало неудобно. Несложно вообразить умения, на которые гипотетически способен неплохой телепат. Чтение чужих мыслей – самое малое из его обширного арсенала. Внушение – вот главный козырь ихтиана. Он внушил Лильке чувство безопасности, и она перестала расценивать его в качестве угрозы. В ее сознании он превратился из жабоподобного монстра в располагающего к себе персонажа.

Страшная сила. Зверомастер прав, шпионами и убийцами морлоки были бы первоклассными. Возможно, под маской безобидного рыбоголового прячется задушивающее мозги чудовище.

– Сларк не один, – поделилась сведениями сестренка. – Он дозорный, стережет озеро от проникающих по реке врагов и сообщил о нас в деревню. К нам вышлют провожатого.

– Провожатого? Зачем? – не надо нам помощи от рыбоголовых, нам Гварда достаточно.

«Провести в деревню, – вдруг четко всплыла фраза в сознании. – Вождь Водяных Крыс полторы седмицы вас ожидает».

– Ты сказал? – обратился я к ихтиану.

«Это сказал Сларк Глубинная Улитка, – согласился некто в моем сознании. Непривычное ощущение, будто в моей голове поселился чужой и я чувствую его мысли. – Я есть Сларк».

Привет, шиза!

«Сларк не шиза, – в мыслях задрожали обиженные нотки. – Шиза не Сларк!»

Угу. Мы не рабы, рабы не мы. Буду называть тебя шизой. Всегда о себе в третьем лице говоришь?

«Не всегда. И шизой не обзывайся».

Стоп-стоп, что ты там о вожде сказал? Полторы недели ждет? Откуда ему известно о нас?

«Долгая история. Расскажу после вашего знакомства с вождем. Или Гин-Джин расскажет, он больше моего знает. Он принес в племя известие от людей о потерявшихся иномирных. Спроси у него».

Сларк отвернулся, не желая продолжать разговор.

Изгиб реки внезапно закончился широким устьем. Перед нами разлилось озеро. Висевший над водой сизый предрассветный туман мешал разглядеть дальний берег, ближний щетинился зарослями камыша. Рыбоголовый сверлил буркалами плотную завесу и параллельно мысленно беседовал с Лилькой о быте озерных морлоков, судя по Лилькиным восклицаниям.

Зверомастер с хитрящей рожей ухмылялся в клочковатую бородавку. Темнит он, сто процентно темнит.

– Гвард, ничего не хочешь мне сказать?

– Неподалеку живет смешанное племя, Водяные Крысы, – маг выруливал из устья, держа курс подальше от берега. – Тролли, ихтианы, даже человек затесался. Занимают островки на середине озера, обороняются от синекотих, торгуют с людьми из форта. Пожалуй, они самые терпимые к имперцам и людям вообще. Тролльим племенам островитяне не по зубам из-за морлоков с их озерной магией, не дающей врагам доплыть до островной деревни. У ихтианов

в защитниках гигантская рыба, по поверьям, сын Дагона. Она опрокидывает вражеские лодки и пожирает упавших в воду. Мы погостим у Водяных Крыс пару седмиц, вождь мой давний знакомый. Синекотие рыскают по лесу, ищут вас. Дождемся конца охоты и пойдем. К тому же отдых вам не мешает.

– Ты говорил, тролли ни с кем не уживаются. И кто такой Гин-Джин?

Зверомастер подозрительно сощурился.

– Сларк наплел? Это верховный шаман Водяных Крыс. Насчет неуживчивости – Водяные Крысы исключение. Синекотие на озере изгой из старых племен, объединенные железной волей вождя Ран-Джакала. Он поддерживает порядок и не дает троллям притеснять рыболовов.

Вопросов к магу накопилась масса, и я не прочь был ему их задать прямо сейчас. Однако расспросы пришлось отложить. Из тумана бесшумно, точно привидения, выплывали лодки. Одна, три, пять. Нехилая делегация нас встречает. Весла гребцов размеренно опускались и поднимались, толкая продолговатые долбленки к плоту. На носу передней возвышался тролль вдвое выше и шире виденного нами на берегу разведчика. Он проорал что-то, Гвард выкрикнул в ответ ряд гортанных звуков. О чем они толкуют?

– Нас встречает вождь Водяных Крыс, – взялся за обязанности переводчика морлок. – Ран-Джакал говорит: «Добро пожаловать домой, Гин-Джин. Вернулся ли ты с добычей?»

Глава 7

Верховный шаман Гин-Джин

Никогда зверомастеру не доверял. Физиономия у него нерасполагающая. У Сларка тоже, но рыбоид прирожденный маг разума, ему простительно. Сопоставив одно с другим, приходишь к неутешительному выводу. Гвард нас подставил. Или уместнее звать его Гин-Джином, верховным шаманом племени Водяных Крыс, отправившимся в лес за иномирянами? Самое плохое, бежать некуда. На берегу медведь, в лесу саблезуб, на воде узкие лодки троллей – и все они быстрее неуклюжего плота. Драться бессмысленно, синекожих добрая дюжина. Не поспешили на встречающую делегацию – вон каких бугаев выделили, не чета разведчикам у башни. И морлоков со счетов сбрасывать нельзя. В одиночку я бы попробовал прорваться, однако с Лилькой шансов нуль целых нуль десятых. Эй, Сларк, чего ты церемонии разводил, раз мы с тобой потенциальные враги?

«Сларк не хотел бы становиться вам врагом, – прошелестел рыбоголовый. – Враг тот, кто хочет причинить тебе, твоей семье вред. Тот, кому хочешь навредить. Тот, кого ненавидишь. У Водяных Крыс нет к вам ненависти и желания навредить. Вы – полезны».

А подробнее? Чем мы вам полезны?

«Племя усилится благодаря вам».

Каким, интересно, образом?

«Сларк довольно много сказал, чтобы замолчать. Спроси у Гин-Джина, он ответит».

Угу, ответит. Прямо сейчас.

Спокойно, Саш, спокойно. Нельзя нервничать, воспримут неправильно. Эх, дать бы ему под дых, потом по морде пару раз, чтобы в водичку опрокинулся. А еще лучше оглушить, приставить к шее нож и, пригрозив смертью, заставить отвести к людям. Да кому мы там нужны? Вряд ли доберемся даже до границы с империей. У зверомастера найдется способ освободиться. Что тогда будет со мной? Скрутят и в жертву туземным божкам принесут. С Лилькой поступить могут и похуже.

Не нужно дергаться раньше времени. Сбежать сейчас шансы мизерные. Позднее, убедив зверомастера и троллей в нашей покладаистости, выжду удобного случая и... нет, об этом рано задумываться, пока морлоки рядом.

У правого борта плота из воды показались две морлочки головы. Подкрепление к Сларку пожаловало.

Никто не планирует никакого побега, хотя справедливости ради и собственного морального удовлетворения врезал бы Гварду по ухмыляющейся роже. Какое, блин, небо голубое, и птички как поют...

Стоящий на долбленке вождь напрягся, рыча команды гребцам на гортанном наречии. Половина привстала на лодках, наверное, готовясь к abordажу. Повернувшись к ним лицом, поднимаю руки. Видите, безоружный, не сопротивляюсь.

– И что дальше, Гин-Джин? – буркнул я.

– У Сларка слишком длинный язык, – рассмеялся волшебник. – Проболтался, да? У морлоков есть существенный недостаток, мешающий им нормально жить. Они в определенном смысле доверчивы и наивны, противореча своим отношением к иным разумным сложившемуся мнению о магах разума. Раз ты узнал правду, позволишь мне объясниться? Рыбоголовый знает не все. И прошу, не делай глупостей. Они чреватые в твоём положении нежелательными и для вас, и для меня последствиями.

Пододошедшая Лилька больно пихнула меня локтем в бок.

– Почему ты на него зверем смотришь?

– Ничего особенного, милая Лилиана, мелкие разногласия, причиной коим непонимание. Разъясню вкратце ситуацию. Да, я Гин-Джин, верховный шаман смешанного племени троллей и морлоков. Согласен с твоими претензиями, Сандэр. Верно, старый Гвард выглядит предателем перед тобой. Ты ведь догадывался, не все столь просто, правда? Человек в троллём лесу редкость. Лучшие охотники форта осмеливаются ходить лишь по окрестностям, не углубляясь в чащобы. Синекожие гораздо приспособленнее к лесной жизни, с ними не сравнится никто из людей. Для меня же расстояние от пограничной имперской крепости ничего не значит. Я живу в лесу уже лет двадцать, с тех пор как стал верховным шаманом. Почему не все рассказал? Ты бы не пошел со мной, знай действительно все. Силком вас тащить мне дороже. Шаманы – они, знаешь ли, прекрасные следопыты помимо прочего. Закричи вы – и купол безмолвия не сработал бы. Теневые духи раскрыли бы нас, и за нами увязалась свора из полусотни озлобленных троллей. Поймали бы, поняли, что за вас выкупа не дадут, и выпотрошили бы на алтарях. Я вас спас. С какой целью? Не бойся, приносить в жертву и есть людей Водяные Крысы не намерены. Вы нужны нам живыми и относительно здоровыми. От вашего поведения зависит, насколько здоровыми. Вы можете быть пленниками Водяных Крыс или почетными гостями – выбирать вам. В форт я вас проведу, обещал же.

Чем дальше, тем страннее и страннее.

– Зачем мы вам понадобились?

– Всему свое время. Итак, пленники или гости?

У гостей больше шансов выжить и сбежать. Только вот куда?

– Гости, – кивнул я.

Гвард махнул рукой вождю.

– Прошу вас пройти на лодки моих друзей. Водяные Крысы окажут нам радушный прием, ручаюсь. Мы погостим у них и отправимся дальше. О вещах не волнуйтесь, о них позаботятся.

Тролли вплотную подплыли к плоту и выгрузили на него по большущему булыжнику, привязанному веревками к бортам лодок. Прикрепились, чтобы не отнесло течением.

Вождь Ран-Джакал ступил на нашу качающуюся кустарную посудину, явив себя во всей красе. Впервые вижу синьку вблизи. Да, ошибся немного у башни, приняв троллей за карликов. Предводитель племени мощного телосложения, двух с лишним метров роста, в светло-голубых узорах татуировок на мускулистых трехпалых руках. А стопы-то у него двупалые.

На толстой шее болталось устрашающее ожерелье из звериных и не только зубов. Морда из-под гребенчатой шевелюры наподобие «ирокеза» имела отдаленное сходство с человеческим лицом. Бросались в глаза длиннющие, загнутые кверху клыки, торчащие из-под кривого носа, перебитого в четырех местах. Вождь пророкотал, обращаясь к нам и указывая на долбленки посвободнее.

– Просьба пассажирам занять свои места и пристегнуться, – смекнул я, беря Лильку за руку. – Идем.

Мы расположились в середине лодки Ран-Джакала, между сидящими спереди и сзади синьками. Гвард, собрав пожитки, закинул их в другую лодку, себе за пояс заткнул топор из подземелья, копьё уложил вдоль днища и присоединился к нам. Морлок с парочкой троллей взяли на себя управление плотом, погнало его за нами. В хозяйстве пригодится. Грузоподъемность побольше лодочной. Снабдят веслами, борта нарастят и используют в качестве грузовика.

– Милая Лилиана, не смотрите на меня столь укоризненно, я все же спас вам жизнь, – повернулся к нам зверомастер.

Стоящий за ним вождь, вооруженный подобием тяжелого гарпуна, следил за озером и отдавал команды гребцам.

– Ты – предатель! – выплюнула обвинение сестренка. – Чего ты хочешь от нас?

– От вас – неукоснительного следования моим рекомендациям. И не спешите с выводами, маленькая госпожа. Разве я обманул вас? Сделал вам плохое?

– Собираешься, – процедила Лилька, окатывая мага ледяной волной презрения.

– Ничего подобного! – возразил волшебник. – Поверьте, мне самому было ужасно противно скрывать от вас, кто я на самом деле. Уверяю, делалось это ради вашего блага. Неужели вы согласились бы уйти со мной, узнав правду? Сочли бы, Гвард Зверолов ничем не лучше шаманов из отправленных за вами отрядов. Промедлили бы и попались в лапы троллям.

– Мы и попались, – констатировал я.

Гвард говорил складно. Если посмотреть с его позиции, мы на самом деле ему обязаны жизнями. К тому же, какие бы ни были у него планы относительно нас, он до сих пор проявлял своеобразную любезность. Нас не схватили, не связали, обращаются хорошо, что подчеркивает нашу ценность для синек и Зверолова.

– Сандэр, не преувеличивай. Из лап тех синекожих, – зверомастер выделил «тех», – вы бы не вырвались, и вас бы не вызволил даже ваш покорный слуга. У Водяных Крыс вам ничто не грозит, кроме вашей глупости.

– Зачем же мы тебе понадобились, а? – допытываюсь.

– Мне заказали найти иномирян, заброшенных Бурей Тысячелетия в тролльи леса, – признался маг. – Месяц назад, в полнолуние Воителя, в форт приехал человек, ищущий Гварда Зверолова. Слава обо мне, не считите за хвастовство, разнеслась по всему западному Пограничью, и в том нет ничего удивительного. Ко мне частенько обращаются за помощью родственники и друзья потерявшихся в лесах людей, и за умеренную плату я могу найти кого угодно. Тот человек заплатил задаток и обещал выплатить остальное, когда ему предъявят иномирян. Солидная сумма. За нее Ран-Джакал вооружит всех воинов племени стальным оружием. Заказчик не представился. Могу лишь сказать, у него вид верзилы из подворотен Саурума, Города Воров. Думаю, он выполняет волю господина.

– Кому мы вообще можем понадобиться? – Воспользуюсь словоохотливостью зверомастера и вытяну из него максимум информации.

Врать ему смысла нет, мы полностью в его власти.

Гвард пожал плечами.

– Магам, колдунам. Вы – источник ценных сведений о вашем мире, о его магии, устройстве. Мир налагает на обитателей след, невидимый с первого взгляда, но стоит копнуть глубже, снять пелену – и откроется слепок магических и физических процессов, протекающих в вашей вселенной.

Мрачная перспектива. На опыты нас пустят. Вспомнился старый фильм, показывающий якобы вскрытие пришельцев, которым не посчастливилось потерпеть кораблекрушение на нашей родной планете. С нами поступят примерно аналогичным образом. Раскрутят по винтику, исследователи хреновы. Что там, что здесь – без разницы. Маньяки от науки и магии одинаковы.

Из деревни дернуть не получится. Острова, озеро. На подходе к форту неплохой вариант при условии нейтрализации Гварда со зверюшками. Выйдем к крепости, типа заблудившиеся иностранцы, попытаемся раздобыть одежду и денег. Под жителей Пограничья закосить не получится – языка не знаем. Думай, голова, думай! Избавившись от мага, в форте столкнемся с верзилой-заказчиком. Догадается о нас? На ответственное задание тупиц не отправляют. Нет – отлично, да – справлюсь как-нибудь. Надеюсь, он обыкновенный человек, а не подготовленный маг-спецназовец. Эх, способ нейтрализации зверомастера продумывать еще.

– Хотите совет? – неожиданно решил проявить альтруизм волшебник. – Заказчик отнюдь не похож на посланца магического общества. Услугами подобных ему дуболомов, промышляющих незаконными и полузаконными делами, охотно пользуются колдуны и желающие остаться инкогнито особы. Архимаги, например. Поэтому, вздумаете от него бежать – обратитесь к

любому воину гарнизона форта со словами... – Гвард произнес заковыристую фразу на непонятном языке и заставил меня повторить ее. – В переводе с общеимперского: «Позовите капитана Гарена. Нас похитили». Капитан Гарен – мой хороший знакомый и командующий гарнизоном. Только скажите это после того, как я вас передам заказчику.

– С чего нам тебе верить? – не удержалась Лилька.

– Хотя бы с того, что за наше непродолжительное знакомство я ни разу не солгал. По-моему, люди не заслуживают участи подопытных диких. Распоряжаться советом вам. Забудьте его, коли желаете.

Насчет рекомендации будем посмотреть. Непонятно, почему ты нам помогаешь. Людям, поведения которых не понимаю, я доверять не склонен.

Плыли мы долго. Солнце успело встать, рассеяв лучами туманную мглу над озером. Остров, находящийся в центре синей озерной чаши, был скоплением скал, облепленных хижинами и бревенчатыми причалами, у которых стояли десятки лодок разной величины. На оконечностях вдающихся на десятки метров в озеро пирсов громоздились деревянные сооружения, напоминающие грузовые краны. У лодчонок суетились синьки. Заметив нашу с Лилькой заинтересованность, Гвард принял на себя обязанности гида.

– Мы подплываем к рыбацкой стороне деревни, где живут преимущественно тролли. Рыбаки, охотники, вождь. Сюда привозят из прибрежного леса добычу, древесину. Здесь вы проживете ближайшую седмицу.

Подходящее местечко для отдыха. Тихое, живописное. Деревьев нет, на склонах колыхутся кустарник и трава.

Лодка Ран-Джакала причалила к пирсу, вождь соскочил на бревенчатый настил. За ним шустро выбрался зверомастер, закрепил долбленку веревкой к специальному столбику. Я подсадил сестренку и вылез сам, подгоняемый двумя синьками-гребцами, сидевшими позади.

– Следуйте за нами, – пригласил жестом маг. – Сандэр, ты удостоился великой чести ночевать в хижине вождя. – Ну, естественно. Надеяться на отдельный номер-люкс глупо. – Милая Лилиана сочтена достойной спать на женской половине, с женами и дочерьми Ран-Джакала.

– Я буду рядом с братом! – отрезала сестренка, остановившись. – Никуда не пойду!

– У троллей строгие обычаи, – волшебник-шаман притормозил. Недовольный заминкой вождь зыркнул на нас. – Мужчины и женщины спят и работают в разных местах. Муж волен позвать жену в свою спальную хижину по двум причинам – для исполнения супружеского долга и серьезного разговора. Понимаете, дорогая Лилиана? Нарушите малейший запрет племени – и к вам отнесутся по-иному. К гостям, не уважающим порядки хозяев, соответственное отношение. Спать вам доведется на улице, в дорожной пыли, еду придется добывать самим. Дичи на острове нет, остается ловля рыбы голыми руками, ибо снастей вам не одолжат, а ваших не дадут. Можете собирать моллюсков со дна, выпрашивать объедки. Хотите этого? Нет? Начнете воровать еду у рыбаков – вас запрут в подводной пещере и продержат до отбытия в форт.

Гневно сопящая Лилька, вообразив описанные Гвардом неприятности, неохотно согласилась спать на женской половине, предупредив, что дневное время будет проводить со мной. Зверомастер не возражал: чужакам некоторые смягчения в правилах общежития допускались.

Нас провели по пирсу, затем по присыпанной галькой дорожке вдоль берега к стоящей на вершине скального выступа хижине. Местное «Ласточкино гнездо» принадлежало главе Водяных Крыс и по меркам троллей являлось шикарным дворцом. Стены из вертикально стоящих бревен, обмазанных смесью из глины и ила, поддерживали высокую соломенную крышу конической формы, кишащую крохотными серыми ящерками, малозаметными в старой соломе. Окна отсутствовали, двери нет и в помине. Вход занавешен шкурами, разрисованными замысловатыми разноцветными узорами. Над входом прибит рогатый череп гигантской рептилии – полудемона-полуварана, зашибленного Ран-Джакалом в пору бурной юности, если верить магу.

Внутренности хижины освещались размещенными в стенных нишах золотыми светильниками, горящими круглосуточно, и огнем костра в середине комнаты. Магия, словом. Светильники на волшебном масле, привезенном из империи и заговоренном шаманами, стоят баснословных денег. Гвард специально ездил за ними в Гарид, ближайший имперский город.

– Мы в приемной зале вождя, – поведал Гвард. – В ней принимают гостей. Спать, Сандэр, тебя уложат в соседней комнате.

Блин, это не приемный зал, а массовое захоронение животных и... не животных. Подозреваю, троллей и представителей большинства рас, населяющих Лантар. Спать тут все равно что на кладбище. На стенах, прибитые деревянными колышками, красуются зубастые черепа зверей, перемежаемые связками копий, топоров, дротиков. С двух подпирающих крышу столбов свисают на волосяных веревочках засушенные головы, как подсказал маг, врагов Ран-Джакала, вождей враждовавших с Водяными Крысами племен и выдающихся воинов, по каким-либо причинам угодивших в его «черный список». Судя по количеству сморщенных головешек, недостатка в недоброжелателях хозяин хижины не испытывал.

Основания столбов утопали в горах каменного, медного и бронзового оружия. Трофейного, ясное дело. Между столбами располагался трон вождя. Стул из покрытого лаком дерева, с низкой спинкой, увешанный разноцветными дикарскими бусами и ожерельями из золота и серебра, из нанизанных на цепочки колец с самоцветами, отражающими пламя костра за треном. На подлокотниках поблескивали браслеты из тех же драгметаллов.

Ран-Джакал плюхнулся на сиденье, жалобно скрипнувшее под его весом, и произнес коротенькую речь. Слепящее пламя за креслом придавало ему сверхъестественный вид, гул костра искажал голос, добавляя образу таинственности.

Выслушивая предводителя племени, маг понятиливо кивал ему, вставляя иногда реплики. Затем выпроводил нас из хижины.

– Неутешительные новости, – маг вел меня с сестренкой по выющейся серпантинной тропинке в глубь острова.

Скалы соединялись множеством подвесных мостов. Мы прошли по одному из них к комплексу хижин поменьше дома главы Водяных Крыс.

– Мне необходимо отлучиться на несколько дней. Племя Огненного Жала, живущее на берегу озера, переплыло Громовую реку, разделяющую имперские и тролльи земли, и сожгло крестьянскую деревушку. Разбой у синеккожих в крови, но Огненное Жало подчиняется Ран-Джакалу, договорившемуся о мире с людьми. Он обязался не допускать набегов со стороны своего племени и племен-данников.

Ясенько. Вождь Водяных Крыс подмял под себя приозерных троллей, торговлю с имперцами наладил, и тут его подставляют. Под угрозой авторитет, наибольшая ценность главы племени. И Гвард, то есть Гин-Джин, верховный шаман и полномочный посол Ран-Джакала, должен разрулить ситуацию, встретившись с фортовскими и устроив строгий выговор вождю Огненного Жала.

– Перед нами женская половина, – маг подозвал вышедшего из хижины синеккожего.

Блин! Женщина-троль! Высокая, метр девяносто примерно, статная, с собранными в хвост на макушке смоляными волосами, одетая в кожаную юбку до колен с прорезями по бокам. Верхний элемент одежды заменяли слившиеся в сплошную массу цветные бусы, прикрывающие немаленькую грудь. Судя по стройной фигуре, троллиха молода, клыки у нее едва показались над нижней губой.

Нас с Лилькой она разглядывала с не меньшим изумлением, чем мы ее. Волшебник распорядился на наш счет, активно жестикулируя, и она заспешила в хижину.

– Здесь будет спать милая Лилиана. Зерана все покажет и проследит за вашими нуждами. Заставить ее доставить вас на большую землю и отвести в форт у вас не выйдет. Зерана постирает вам одежду, принесет поесть, попить, не более того. Теперь пройдемте ко мне домой,

переоденетесь. Тебе, Сандэр, я подберу что-нибудь из своего. Вам, дорогая Лилиана... Хм, придумаем. У троллей, знаете ли, скудный гардероб. Детвора бегают голышом, но человеческой девочке не пристало обходиться без платья, тем паче в обществе синекожих. Примут за угул-джас.

– Что за «угул-джас»? – потребовала разъяснений сестренка.

– «Жертвенное мясо» в переводе. Пленники, предназначенные в жертву духам лоа. Их разрешается бить, унижать. О вашем истинном статусе известно лишь вождю и его приближенным, остальные тролли Водяных Крыс считают вас потерявшимися детьми странствующего торговца, коих я должен доставить в форт. Иноплеменники о вас не знают.

– Вы и людей в жертву приносите, – одарила сестренка Гварда презрительным взглядом.

– Мы – нет. Поэтому не попадайтесь в лапы другим племенам синекожих.

Дом Гварда стоял на вершине скалы и отличался от хижин синек массивностью. Сложенная частично из необожженного кирпича, частично из бревен двухэтажная резиденция верховного шамана служила обсерваторией, алхимической лабораторией и магическим кабинетом. Входя, маг распахнул настоящую деревянную дверь, неприсущую троллям жилищам. На ней предостерегающе светился алым колдовской знак.

Мы вошли в комнату, заполненную тусклым багряным светом обыкновенных с виду ламп. Обстановка поражала простотой. Комната, занимавшая чуть ли не весь первый этаж, чисто прибрана. Из мебели стол, заставленный ретортами и прочим инструментарием, тройка табуреток, шкаф с книгами и сиротливо уютящаяся в углу жаровня со щипцами. Под потолком гирлянды сушеных трав и грибов, источающие пряный аромат. Ни черепушек, ни костей. Эдакое жилище знахаря-интеллектуала. Приглядевшись, замечаешь на свободном от циновки участке пола очертания сложных фигур и знаков, выжженные на досках.

Хлопнув в ладони, зверомастер жестом пригласил сестру и занял табурет у стола. На условный звук из-за тканевой перегородки вышел, потягиваясь, волк размером с буйвола, побрел к магу и улегся у его ног. За ним семенил коротышка в коричневом кафтане, несущий сверток. Гном? Не похож. Тонкокостный, худой. Гоблин, скорее. Он развернул на полу возле меня ношу, оказавшуюся льняной рубахой с кожаными штанами, и умчался за перегородку выполнять следующее поручение волшебника.

– Не представляете, насколько сильно мне хочется остаться с вами и поговорить о вашем мире, – маг откинулся, прислонившись спиной к обмазанной глиной стене. – В покое, без гонящихся за нами духов и синекожих, общаться куда приятнее, не правда ли? Милая Лилиана, прошу, перестаньте хмуриться, я перед вами ни в чем не виноват. Кстати, не желаете позавтракать со мной? Кюзак прекрасно готовит. Ваш брат, смею надеяться, не откажет отведать медового вина с Янтарных островов.

С чего расщедрился, интересно знать? Гварду, по идее, наплевать, хотим мы есть или нет, его только наши жизни интересовать должны, а не здоровье и комфорт. Вновь что-то недоговаривает, Джеймс Бонд лесного разлива. Ладно, эмоции подвинем в сторонку и раскинем мозгами. Если он обходителен с нами, то мы нужны ему не просто живые и здоровые, но и относительно довольные жизнью. Играет с нами? На кой ему нужно играть? Сумасшедший человек не станет верховным шаманом племени троллей и морлоков. А нормальный станет? Ну, были, значит, причины в лесу спрятаться, подальше от цивилизации. На сумасшедшего зверомастера не смахивает.

Перебираем варианты дальше. Психическая травма, комплекс детский? Туда же, к версии номер один. Фтопку. Заказчик приказал – мол, ни волоска чтобы не упало с наших светлых голов? Заказчику, по идее, неизвестно, люди мы вообще либо монстры какие, и обращение с нами его волновать не должно. Остается последнее. Магу требуется от нас определенная услуга.

– А давайте позавтракаем!

Мое внезапное согласие немного смутило Гварда, по физиономии видно. Совсем чуточку смутило, на секунду, потом волшебник взял верх над эмоциями и счастливо улыбнулся.

– Очень рад. Кюзак, накрывай на стол!

Лилька пребольно пихнула меня под ребра локтем.

– Он же нас отравит! Ты собираешься есть в доме предателя? – негодуя запротестовала сестренка. – Я не буду!

– Как хочешь. Я проголодался, травить ему нас невыгодно. Правильно, Гвард? Или твое настоящее имя Гин-Джин?

– Гин-Джином меня зовут тролли, имя Гвард дано мне от рождения. Дорогая Лилиана, неужели вы не голодны? Тогда, быть может, желаете искупаться? В доме замечательная ванна. Не чета столичным купальням, но довольно большая, с мылом, мочалкой и чистым полотенцем в придачу. И вода уже нагрета.

– Ни за что!

– Лиль, иди искупайся, пожалуйста. Когда еще возможность представится! А я тут пообщаюсь с Гвардом.

– Саша, ты серьезно? Он же...

– Лиль, иди.

Фыркая, сестренка подчинилась и прошла за коричневым человечком. Коротышка чуть позднее притащил столик и поднос, заставленный мисками с едой. Поставив низенький стол передо мной, он сноровисто разложил столовые приборы и налил в бокалы желтую жидкость из хрустального графина. При мимолетном взгляде на корзинку с сочными фруктами, парующую похлебку и свежеприготовленный омлет мой желудок предательски заурчал.

– Итак, – я героически сдерживал порывы накинуться на благоухающий суп, – ты разыграл нас «втемную». Нехорошо с твоей стороны, но судить тебя я не собираюсь. Мне интересно знать твои дальнейшие планы касательно меня и сестры. Они не ограничиваются сдачей посланцу колдунов с последующим освобождением, верно?

Зверомастер не торопился отвечать. Пригубил вина из бокала, полюбовался искрами на хрустальных гранях.

– В бескорыстное желание помочь хорошим людям ты, наверное, не согласишься. Скажи, ты бы согласился, предложи я тебе работу? Щедро оплачиваемое задание. Плата на твое усмотрение. Золотом, камнями, сведениями.

Нет, ну ничего себе! Какое задание способен выполнить абсолютно не знакомый с этим миром парень? Не въехав в ситуацию, работать отказываюсь!

– Зависит от того, какая работа.

– Опасная. Я планировал предложить вам ее гораздо позже.

– Снова хотел разыграть «втемную», хочешь сказать.

– Не совсем. Я предлагаю вместе поохотиться на того, кто заказал найти и привести вас. Того, кто послал за вами человека в форт.

Глава 8

Глубинный Жрец

Из рассказанного Гвардом дальше стало понятно – зверомастер мужик рисковый. В здравом уме мало кто согласился бы на задуманную им авантюру, да у меня выбор был небольшой и сводился к тому, буду я помогать магу по своей воле за определенные плюшки с его стороны – либо мою тушку тупо используют, заперев в клетку и продав с потрохами, аки скотину бессловесную.

В случае добровольного сотрудничества шаман Водяных Крыс клялся помочь нам с Лилькой акклиматизироваться в Лантаре. Деньгами, знаниями, знакомствами обещал расплатиться. Надо понимать, в будущем он хотел использовать, по крайней мере меня, на всю катушку, потому опасался портить с нами отношения раньше времени – вдруг понадобится.

В плане Гварда моей персоне отводилась скромная роль наживки. Роль эпизодическая, однако важная. Других претендентов на нее, к величайшему сожалению зверомастера, нет. Кастинг строгий, не пройдут. Один я подхожу, с аурой, содержащей остатки пребывания в чужом мире. Они рассосутся за месяцок, а пока заметны и невооруженному магическому глазу. Спустя месяц в астрале меня не отличишь от нормального жителя империи, и это радует. Духовное тело подстроится под окружающую реальность Трехлунья. Таков закон магии призыва. Охотников за буйной головушкой Сандэра значительно поубавится, ибо распознать меня сможет лишь опытный маг разума, покопавшись в воспоминаниях. И начнется свободная жизнь, омрачаемая только шаманом Гин-Джином, жаждущим завлечь меня в очередную авантюру. Ну, не верю, что он от нас отстанет.

Гвард планировал через исполнителя, давшего ему заказ, выйти на заварившего кашу нанимателя из высших кругов магического общества. Ну, коли не высших, то выше среднего точно. Вычислив главного заказчика, зверомастер мечтал срубить с него кучу золота, пригрозив рассекретить его антигуманную деятельность. Церковники и Союз магических гильдий империи рьяно соблюдают запрет на проведение исследований и опытов над свободными разумными.

К моменту серьезного разговора с заказчиком планировалось закрепить за мной статус имперского подданного, не оставив любителю экспериментов ни единого шанса избежать наказания. Опыты над разумными разрешались исключительно с их, разумных, согласия, и то лишь над приговоренными к смертной казни. Семье погибшего за магию преступника денежное вознаграждение выплачивают.

Существовали, конечно, в плане Гварда прорехи. Окажись наниматель не по зубам зверомастеру – шаманюга наш попадет в неприятности по уши и нас за собой потянет. Правда, худший сценарий развития событий, согласно которому нас убивают противоестественным образом, волшебник отвергал. По его мнению, в лесах нас не разыщут, будь наниматель хоть архимагом и главой Императорского магического общества. Мое возражение против перспективы прожить остаток жизни среди синек и морлоков он мягко проигнорировал, заверяя в успехе предприятия. Лильку Гвард обещал не впутывать, и я согласился.

Сестренка появилась к концу завтрака. Приятно пахнущая, чистая, в льняной рубаше до колен, подпоясанная синей лентой-пояском. На волшебника она смотрела уже показательно-равнодушно. Подкупил-таки ванной, хитрюга. Вернувшийся с Лилькой карлик подобрал сверток с одеждой и потянул меня за штанину. Зверомастер растолковал – мол, Кюзак воды нагрел и приглашает искупаться и переодеться. Я обеими руками «за».

Ванной служила большая винная бочка с бронзовым краником для удобного слива грязной воды в канаву. Под ней горел в обмазанной глиной яме костер, подогревающий воду. В купель карлик накидал листьев и душистой травы, подал окунувшемуся мне губку и мочалку

из грубоотканой материи. Сюрпризом было настоящее мыло. Мылило оно здорово, пахло зато не очень. Тошнотворный запах перебивали терпкие запахи трав. Помывшись, я переоделся в льняную рубаху-безрукавку, кожаные штаны, подпоясался ремешком и возвратился в кабинет Гварда. Давно не чувствовал себя так хорошо.

Табуретка за столом пустовала. Лилька, умявшая добрую треть принесенного карликом завтрака – довело ее урчание в животе, – активно переговаривалась с сидящим, по-турецки скрестив лягушачьи ноги на циновке, морлоком.

– Гвард ушел, – сестренка запихала в рот дольку местного аналога апельсина, прожевала. – Приказал Сларку за нами приглядывать.

Ну, ясно. Кроме морлока никто не сможет нас понять. Магу разума не требуется морочиться с изучением языка, чтобы свободно общаться с иноземцами, то бишь иномирными. Хм, есть идеяка.

– Сларк, ты вправду маг разума? – подсаживаюсь возле него на табуретку.

«Гин-Джин так меня называет. Мне неизвестно, верно ли это».

– Мысли ты читать умеешь, значит, телепат. А телепатия к магии разума относится, насколько я понимаю. Скажи, можешь ты внедрить в чью-то память, мою, к примеру, некую информацию? – Если Сларк нас обучит языку, буду ему обязан.

«Могу. Любой может. Разумные обычно запоминают происходящие с ними события».

– Ты не понял. Внедрить сведения, допустим, когда я сплю, о языке, местности, обычаях.

«Тебе станет плохо. Голова заболит. Легче познавать своими глазами, ушами, умом. Я постараюсь ответить на твои вопросы. Что тебе хочется знать?»

– Язык, желательно общеимперский. От тролльего не откажусь.

«Общеимперского не знаю, троллий немножко. Могу научить морлокскому, а пройдешь посвящение богу Дагону – обучу водным таинствам».

Водным таинствам? Постой-ка, ты научишь меня телепатии? Вау! Тогда знание языков отпадает за ненужностью. Я стану магом разума!

«Не радуйся, – спустил меня с небес на землю морлок. – У тебя нет способностей к передаче и чтению мыслей. Водные таинства дают мистическую силу над водой, дарованную богом Дагоном за совершенные тобой благодеяния».

Вот, значит, как. Мне дарованная сила не подходит. Язык надо выучить, притом срочно. Может, скопируешь чью-нибудь долговременную память и вставишь в мое хранилище воспоминаний? Тролля какого-то.

«Копировать? – Сларк задумался, ничем иным его телепатическое молчание не объясню. – Мы этого никогда не делали. Спрошу у Глубинного Жреца».

Рыбоид погрузился в себя. Круглые глаза подернулись полупрозрачной пленкой, он застыл с приоткрытым ртом. Жаберные крышки слегка шевелились, опровергая мысль о его скоропостижной кончине. Я начал опасаться, не впал ли наш чешуйчатый надсмотрщик в кому. Кто их, рыбоголовых, знает! Перенапрягся, и сосуд в мозгу лопнул. М-дя, любопытная сцена откроется вошедшим в дом посетителям шамана. Чужестранцы-человеки и их типа гид в бессознательном состоянии. Растормошить его?

«Не надо... тормошить, – очнулся морлок. – Никто не войдет, поблизости от обители Гин-Джина никого».

– Сларк, ты чего? – тронула его за руку Лилька. – С тобой все нормально? Вид у тебя странный.

Рыбоголовый крикнул, затрясся весь, будто в лихорадке, и испустил протяжный квакающий звук. Не хватало, чтобы сие чудо плавники отбросило у нас на руках, в особенности у сестренки. У нее нервы крепкие, но умирающий рыбалягук – испытание не из легких.

«Дедушка Тланс о подобном не слышал, – окончательно пришел в норму Сларк. – Наше племя никогда не копировало чужую память полностью. Разум взрослого не в силах ее удержать. Много знаний».

– Я не о всей памяти, – поправляюсь. – О части долговременной, содержащей сведения о языке. Вы способны выделить из чужой памяти языковую информацию и вставить ее в мою, например?

«Вам лучше спросить у Глубинного Жреца. Я отведу к нему. Не возражаете?»

– Нисколечко, – ответила за нас обеих Лилька, слышавшая наш наполовину мысленный разговор. – Сларк, веди. Саша, рассказывай.

– Чего рассказывать-то? – сделал я недоумевающую морду лица.

Стоит ли говорить при ихтиане? Сболтну еще лишнего.

– О чем вы там с Гвардом лясы точили? – пристала сестренка. – Давай-давай, не то хуже будет!

Все равно для морлоков мы как открытые книги. Хотел бы зверомастер сохранить разговор между нами – предупредил бы и амулет дал, ограждающий от магии разума.

– Ладно, – сдался я.

По дороге на ту сторону острова, где отдельно от троллей обосновались рыбоиды, мы с Лилькой обсуждали план волшебника и мое в нем участие. Сестренка беспощадно критиковала задумку Гварда, однако выхода из ситуации не находила, и это ее бесило. Сларк прикинулся передвижной мебелью, идя перед нами на приличной дистанции. Типа не подслушивает. Угу, так ему и поверили.

Морлоки живут на той стороне острова, отдельно от троллей. У синек вспыльчивый, задиристый нрав, ихтианы же любят спокойствие и тишину. На скалистом берегу торчали крытые зонтообразными листьями лачуги. Столбики, увенчанные пышной лиственной крышей, никаких стен. Да и самих рыбоидов раз-два и обчелся. Возятся в водичке, водоросли и ракушки собирают. Где детвора? Видать, тяжело рыбоголовым с потомством. Исчезающий вид.

«Мы живем под водой, в пещерах, – раздается в черепной коробке. – На поверхности вялим рыбу, обрабатываем кости, камень, дерево. Нас больше, чем ты полагаешь».

– А-а, ясненько, – протянула вместо меня Лилька. – Сларк, Глубинный Жрец тебе дедушкой приходится?

«И да, и нет. Все мы, племя озерных морлоков, его потомки. Он очень стар. Даже старейшие не помнят, сколько зим минуло со дня, когда он вылупился из икринки. Дедушкой Тлансом он позволяет себя называть соплеменникам. В нем мудрость племени, передающаяся от жреца к жрецу с нашего сотворения, и мудрость Дагона. Бог шлет пророческие видения Глубинным Жрецам и направляет через них своих детей, морских тритонов и пресноводных морлоков».

О, в Трехлунье и тритоны водятся. Кажется, привыкаю к здешним реалиям и перестаю удивляться по мелочам. Подумаешь, расой больше, расой меньше. Эй, рыбоид, нам нырять придется? Ваш дед под водой, в пещере обитает?

«Не переживайте, нырять не нужно. В пещеру ведет ход».

Ненавижу подземелья и подземные ходы. Лилька тоже не в восторге.

«Вы не доплывете, подводный тоннель длинный, воздуха не хватит», – развеял наши сомнения Сларк.

Ну, ничего не поделаешь.

В скалах обнаружился проход. Черная щель, незаметная с озера и берега, замаскированная колючим кустарником. Морлок и сестренка с легкостью прошли в нее, мне довелось протискиваться. Существо покрупнее обязательно застрянет. Оборонять ход наверняка удобно низкорослым щуплым ихтианам. Вооружатся копьями и утыкают незваных гостей, как природа

дикобраза иголками. Увернуться-то некуда. В темноте мы продвигались на ощупь, ориентируясь на хруст под ступнями впереди идущего рыбоида.

«Дальше посветлеет, – подбадривал рыбоголовый. – Светящиеся слизи облюбовали пещеру Глубинного Жреца, там светло, точно на поверхности лунной ночью. Они – излюбленное лакомство дедушки Тланса».

– И давно он здесь... живет? – полюбопытствовала Лилька.

Мне было не до расспросов. Согнувшись в три погибели, я еле двигался по узкому и низкому ходу, приспособленному не для нормальных людей, а для карликов наподобие гвардовского слуги Кюзака.

«С рождения. Между прочим, Кюзак не слуга, – поправил Сларк. – Домовой дух, воплощенный Гин-Джином в мертвого гоблина».

Офигеть! Гвард, в дополнение к зверомастеру, еще и некромант. Мертвый гоблин, ничего себе!

«Гин-Джин верховный шаман. Он говорит с духами и подчиняет их, умеет многое. Уже два десятка зим владеет ожерельем верховного. Дедушка Тланс не доверил бы слабому власть над морлоками. Осторожно, ступеньки».

Тоннель круто уходил вниз. Там, внизу, виднелось зеленое пятнышко. По лестнице с истертыми ступенями мы спустились в обиталище Глубинного Жреца.

«Мы в святилище водяного бога Дагона, создателя сущего!» – торжественно провозгласил Сларк.

– Фу, вонища, – зажала пальцами носик сестренка, пошатнувшись.

Ну и местечко. Амбре в пещере стояло сногсшибательное, больше подходящее для переполненной отходами помойки. Воняло тухлятиной и чем-то, отчего во рту образовывался кислый привкус. Принюхавшись, я сообразил, что смрад источают гниющие водоросли, груды которых вперемешку с рыбьими костями покрывают пол священной обители.

– Я туда не пойду, – отступила на лестницу Лилька. – Не спрашивайте.

Упрашивать никто и не собирался.

– Хочешь – возвращайся. – Я ступил в гниющую жижу, хлюпнувшую под подошвой многострадальной кроссовки. – Подождешь меня у расщелины.

– Я тебя де остафлю, – прогундосила сестренка. – Ты без беда пропадешь.

– Чего-чего? Извини, не расслышал.

Лилька решительно зашлепала за мной, не произнося ни слова.

М-да, специфические вкусы у морлоков. В смысле эстетические. Должно быть, смрад заменяет им благовония. Интересно, водоросли и рыбы останки относятся к убранству святилища? По стенам важно ползают здоровенные, величиной с кулак, ярко-зеленые слизняки, оставляя дорожки из светящейся слизи. В глубине пещеры темнеет исполинское бесформенное нечто. Глубинный Жрец? Фигура шевельнулась и внезапно пропала. Исчезновение сопровождалось громким бултыханием, словно в воду булыжник упал.

«Сын Дагона часто посещает дедушку Тланса, святилище – их общий дом. Сюда мы ежедневно приносим подношения. В основном пищу».

Понятно, откуда рыбы кости и водоросли. Излишки, не съеденные священными особами.

«Здесь мы хороним умерших. Сын Дагона и дедушка Тланс поедают их, упокаявая навечно...»

Сларк, хорош жуть рассказывать. Лилька вот-вот убежит, да и я на взводе. Мы случайно не к завтраку пришли?

«Священная трапеза происходит ночью, в час наибольшей силы Дагона».

Под сводами пещеры загромыхал раскатистый смех, отраженный эхом от стен. На секунду показалось, будто потолок обрушится. Мы остановились, переглядываясь.

– Не бойтесь, смертные! Добро пожаловать в мой дом! – раздалось гулкое приветствие. – Подойдите ближе!

Вонь сменилась запахом грозы, а кучи мусора мгновенно впитались в каменный пол. Что за... магия? Ноги сами, без участия моей воли, зашагали вперед, подчиняясь команде неведомого существа. Стоять! Ногам фиолетово. Идут себе и идут. Сестренка закричала, приказывая остановиться, эффект тот же. Блин, мы попали! Мысленно обзывая себя последними словами, я продолжал идти, точно марионетка на веревочках, меж образовывавших фантастическую колоннаду сросшихся сталактитов и сталагмитов. В конце необычайно длинного святилища показалось ложе из исполинских ракушек, застеленное живыми водорослями. На нем возлежал бледно-зеленый морлок размером с быка. Одеждой ему служили песчинки и ракушки, вросшие в кожу.

Мы разом встали перед ложем, едва не бухнувшись на колени. Круглое брюхо жреца затряслось от гомерического хохота. Отсмеявшись, он приподнялся на локте, уставившись на нас водянистыми бесцветными глазами.

– Иномиряне, а с первого взгляда типичные люди Лантара. На тебе, – ихтиан ткнул в меня мясистым пальцем без ногтей, – чувствую кровь. Смерть идет по твоим следам. Ха! Ты мне нравишься! Из тебя выйдет неплохой рубака. Готовься, скоро костлявая придет, и ты победишь ей навстречу. А ты другая, девочка, – перевел взгляд на Лильку бывший морлоцкий владыка. – Можешь стать великой ведьмой или колдуньей, но берегись человека рядом с тобой. Тебе грозит предназначенная ему гибель. Выживешь – хорошо, не выживешь... пеняй на себя.

Он оракул местного разлива? Раздает пророчества направо и налево, Глоба недоделанный, причем на чистейшем русском. Гвард за два дня великий и могучий выучил, у этого моментальное обучение. Илона Давыдова со своим методом нервно курит в сторонке.

– Богомол дерзит крабу, ха! – вновь рассмеялся жрец. – Ты уверен, что слышишь меня ушами, а не разумом, человек? Знаю я, зачем вы здесь. Ты подкинул неплохую идею, смертный по имени Сандэр, и я попробую испытать ее на тебе. Побудешь подопытным кроликом? Ха, конечно, побудешь! Жаждешь знаний? Дам тебе!

Дедушка Тланс напоминал истерично хохочущего маньяка, и инстинкт самосохранения верещал, требуя немедленно сваливать из пещеры, прихватив сестренку. Да кто же мне даст свалить-то! Ноги ватные, удивляюсь, как стоять могу, в голове гудит от жреческого смеха, будто череп превратился в колокол. Если гудит и грохочет лишь в нашем сознании, то телепатическая мощь жреца колоссальна. Фокусы Сларка рядом не валялись. Вот оно, различие в уровне.

Мановением пухлой руки, облепленной браслетами из разноцветных ракушек, жрец подозвал нашего провожатого. Сгорбленный, словно под непомерной тяжестью, морлок выступил из-за наших спин и прошаркал к ложу.

– Начнем! – провозгласил дедушка Тланс. – Вы сейчас уснете, смертные. Раскрепостите ваш разум, откройте врата памяти.

По-другому я представлял общение с Глубинным Жрецом. Хотя все правильно. Он абсолютный телепат, на порядок выше по способностям рядовых морлоков. Задавать вопросы нам ему даром не надо, он нас знает лучше, чем мы себя. Спрашивать ни о чем не хочется. Жрец ментально оглушил нас, параллельно показывая приемлемые нашим рассудком иллюзии. Стоп, откуда я знаю про иллюзии? Умозаключение или телепатическая связь? Проверим. Почему Глубинный Жрец с рождения не покидал пещеру?

Ответ всплыл в сознании, словно был известен изначально, до прихода к дедушке Тлансу. Морлоки рождаются во влажных, прохладных пещерах под водой. Из икринок вылупляются мальки, постепенно приобретающие форму взрослых ихтианов. Будущие жрецы малоподвижны и слабы, не способны самостоятельно добывать пропитание. Малышей кормит племя до пятилетнего возраста. В пять лет морлок считается взрослым. Исключение – жрецы. Они растут гораздо медленнее, физически отстают от братьев, зато телепатические способности у

них развиваются быстрее. Они не могут плавать, передвигаются с трудом и не способны покинуть пещеру, где родились, подвержены болезням. От обычных рыбоголовых жрецы отличаются светлым окрасом. Их рождение – редкость. На веку Тланса появилось четверо жрецов, примерно по одному в столетие, из них никто не пережил детского периода.

Жизнь морлоков пронеслась передо мной панорамой. Рождение, существование, гибель. За несколько секунд я узнал о них больше, чем мог усвоить из бесед и чтения за несколько суток. Яркие образы вспыхивали, блекли и пропадали, растворяясь в сумраке мечущихся теней. Я сплю? Усилием разлепляю тяжеленные веки и ощущаю изумление. Чужое изумление поселившегося в моем мозгу чужого сознания. Вижу черные магнетические буркалы Глубинного Жреца, взмах толстой лапы-руки перед моим лицом – и проваливаюсь в темноту.

Я чувствовал ветер, поднимающий меня над бездонной пропастью, и холод звезд, меж которых летал. Ощущал направленные на меня плотоядные взоры чудовищ, таящихся в запредельной тьме. Путешествие по черной вселенной, лишенной света и тепла, длилось вечность. До чего же я устал подниматься по звездной лестнице, ища выход...

Мир перевернулся в мгновение. Пульсирующая головная боль, зеленые стены пещеры, природные колонны и ложе с морлоком, внимательно следящим за мной.

– Хорош ты спать, – проквашал он. – Твоя сестра уже полдня как очнулась. Сларк увел ее на женскую половину деревни Ран-Джакала. Уж прости, пришлось внушить ей необходимость вернуться туда. Вечереет, вас могут хватиться, а тролли нам не очень доверяют. Гин-Джин далеко, не остудит их пыл.

Можешь быть нормальным, когда хочешь. Без маньяческого хохота и оглушительного баса.

– Ты забавный человек, а я люблю посмеяться, – булькнул жрец. – Ничего новенького не замечаешь?

До меня дошло. Морлок говорит на булькающем наречии рыбоголовых, и я его понимаю. Сработало!

– Скажи что-нибудь по-морлоки, – запросил дедушка Тланс.

Попытка поблагодарить патриарха ихтианов провалилась. Бессвязное бульканье, вырвавшееся из моего горла, речью не было. Слова коверкались до неузнаваемости из-за устройства речевого аппарата, не приспособленного к языку рыбоголовых.

– Не могу, – признал я.

– Упражняйся на досуге. Гин-Джин освоил морлокский, и ты справишься. Язык простой, предки составили его специально для смертных, невосприимчивых к магии разума. Морлокам достаточно телепатической связи, слышимая ушами речь им ни к чему.

– Спасибо вам, – по-русски поблагодарил я, приложив руку к груди. Жест позаимствовал у Сларка, аналог словесного «от чистого сердца».

– Пустое, – отмахнулся жрец, не оценив моей признательности. – До тебя морлоки не обменивались памятью и не имели понятия о возможностях подобного дара. Мы умеем отгонять врагов, насылая иллюзии, нужные нам чувства, читать мысли и эмоции. Управлению памятью раньше не придавали особого значения. Зря. Отныне дети смогут перенимать опыт родителей и учиться на их ошибках, избегая своих. Подсказанный тобою способ очень ценен. Шансы на выживание молодежи повысятся. Мы должны благодарить, человек по имени Сандэр. Ты оказал нам услугу. Понадобится помощь – обращайся. Мы с радостью поможем.

– Все гениальное просто.

Вот это да! Морлоки – мои должники, получается. Целое племя.

– Теперь ступай к сестре. Поторопись. Запах беды витает над озером.

– Вы о чем? Лилька в опасности?

Стало жарко и душно. Что творится в деревне? Тролли предали? Зверомастер?

– Иди и узнаешь, – отрезал жрец, перевернувшись на бок.

Глава 9

Скорбные дары Рак-Джакала

Пещера внезапно утонула в темноте, и я оказался на берегу, не успев и слова сказать. Дедушка Тланс выдворил меня.

Мало ли какая напасть могла свалиться на нас! Гвард намудрил, синьки решили позаваться с человеческой девчонкой, соседнее племя напало. Не исключая и катаклизмов вроде сошествия с небес дракона, любящего полакомиться жестким мясом синекожих.

На иссиня-черном небе вспарывал облака серп красного полумесяца. Иду, спотыкаюсь о камни, перебираю в уме варианты угрожающего бедствия. Куда подевался Сларк? Закон подлости в действии. Рыбоид позарез нужен. К женской общаге троллей по кратчайшему пути меня кто проведет? Последние новости мне кто расскажет? Правильно, наш дорогой надсмотрщик и гид по озерным достопримечательностям. Эх, фонарик бы, света от звезд и луны кот наплакал. Жалко, с вещами остался. Наверное, в сокровищнице вождя валяется с копьем и топором из подземелья Проклятой Башни. Синьки фонариком, верно, орехи колоть надумают.

Сларк не спеша брел по соединяющему скалы подвесному мосту в мою сторону. Издали я ему крикнул, что стряслось и где Лилика, он непонимающе на меня глянул.

«Все в порядке в островной деревне Водяных Крыс. Лилиана спит на женской половине, рыбаки вернулись с уловом, вождь поживает во дворце, тебе приготовлено спальное место. Никаких происшествий. Почему ты переполошился? У дедушки Тланса было видение?»

Угу. Над озером витает запах беды. Неточная цитата. И сказал поторапливаться, к сестре бежать. Точно все нормально? Давно ты Лилику видел?

«Иду с женской половины. Солнце закатилось за лес, когда я оставил Лилиану с Зера-ной. О девочке позаботятся, не волнуйся. Она была здоровой, ничто не предвещало несчастья. Хочешь, пойдем, убедишься в моей правоте? Я бы почувствовал, если бы произошло горе».

Хочу. Погнали!

По темноте на раскачивающемся подвесном мосту не разбежишься, по петляющей меж скал тропинке тоже. Морлок, переваливаясь, шел впереди, путь показывал. Ночью ориентироваться на острове сложно, низины затапливает кромешная тьма, без проводника, указывающего направление, нельзя. Ихтиан телепатически внушал направление и предостерегал от валунов на дороге и провалов. Рыбоиды прекрасно видят в темноте, ночное зрение у них почти как у кошек плюс врожденная способность к ощущению окружающего пространства, необходимая для плавания в мутной воде. На чем она основывается, неизвестно. Рыбоголовые считают ее даром Дагона. Откуда я о ней знаю? Хм, и правда. Очевидно, Глубинный Жрец не мелочился, вычленив память о лингвистических познаниях потомка, и скопировал частично долговременную память Сларка, к языкам не относящуюся. Либо побочный эффект копирования. Хороший эффект, полезный.

Женская общага троллей светилась во тьме десятками огоньков от светильников и костров. Синьки поужинали и отходили ко сну. Они трапезничают на закате, отдельно от мужчин. Так уж заведено обычаем. Мужчины тащат рыбу и дичь, женщины собирают водоросли и травы для приправ, озерных моллюсков, готовят и запасают впрок еду. Опять-таки: быта синекожих не знаю, но сознание твердит обратное, будто с ними бок о бок полжизни прожил. Поблагодарить Глубинного Жреца еще раз, уже за побочный эффект? Совсем по-другому воспринимаешь троллей и морлоков, чем раньше. Словно знакомых, с которыми провел немеряно времени, которых знаешь, точно облупленных. Неприятия к ним не испытываешь, скорее, симпатизируешь немножко.

Женская общага синек похожа на отдельное селение. Тут царят свои законы. Всем заправляет старшая жена вождя. Три десятка разновеликих хижин, прилепленных друг к другу в целях экономии площади, на свободных местах костры и груды пустой посуды.

Бодрствующие троллихи с подозрением косились на меня. Не каждый день встретишь в деревне человека. Наевшаяся от пуза детвора, живущая на женской половине, дрыхла с матерями и тетками, некоторые зыркали из укрытий на чудо-юдо ходячее светлокжее, то есть меня. Голый карапуз с пучком волос на макушке, вылезший из хижины, шел за мной на безопасном расстоянии, забегая то сбоку, то сзади.

– Ты из железощурых, да? – окликнул он меня.

Тролли окрестили людей с незапамятных времен из-за железных доспехов железощурами. Копирование памяти работает на двести процентов, троллье дитяню понимаю отлично. Прибеднялся Сларк, говоря, что плохо троллье наречие знает.

– Пришел к Лило, да?

Лило? Белочка? Не Лильку, случаем, так прозвали из-за прирученного зверька? Угум-с, морлок со мной солидарен. Кроме нее, ни у кого похожего имени он не слышал.

– Да, к Лило, – ух, до чего трудно произносить троллье гортанные словечки! Акцент ужасный. – Проведешь к ней?

– Лило спит в хижине дочерей вождя, – отвечает карапуз. – К ней не пропустят, поздно. Утром приходи.

Какое утром? Мне с ней сейчас увидеться нужно. Заодно удостоверюсь, насколько хорошо охраняют дорогу гостью.

Хижина дочерей вождя примыкала к хижине жен Ран-Джакала и была втрое меньше его «дворца». Дочерей ему дали предки аж полторы дюжины, а вот сына одного, рожденного три седмицы назад, накануне Бури. Стерегли наследника озерного владыки как зеницу ока. У входов в хижины жен и дочерей дежурили по две дюжие троллихи с копьями и палицами. Ран-Джакал приставил бы лучших воинов, ведь желающих прервать его род вагон и маленькая тележка, однако ночью на женской половине племени находиться мужчинам возбраняется обычаями. Потому пришлось довольствоваться женщинами. Рослыми, сильными, ловкими, ходившими в военные походы воительницами. Жены троллей зачастую дерутся плечо к плечу с мужьями, предпочитая сопровождать их на войне.

При моем появлении охранницы напрялись. Стальные наконечники копий чуть-чуть опустились. Мол, не подходи, не надо. Попробуешь пройти – совсем мертвый будешь. Полегче, девчонки, я не конфликтовать. Жаль, поблизости ларька нет, купил бы вам по шоколадке для сговорчивости.

Приближаясь, развожу руки в стороны. Безоружный, ясно?

– Доброй ночи очаровательным охранительницам покоя семьи владыки Ран-Джакала, – поздоровался я. – Буду премного благодарен, если позовете человечью девочку, прибывшую сегодня с Гин-Джином.

– Разве «мягкотелый» не должен нынче спать в доме вождя? Шляться по ночам на женскую половину никому не позволено, – презрительно фыркнула старшая в карауле, обозвав меня уничижительным прозвищем.

Сларк молча встал между нами. Судя по неуверенным гримасам, изменяющим физиономии воительниц, он им разъяснял ситуацию. Зная методы рыбоида, представляю его доводы. «Уважаемый гость вождя и верховного шамана пришел пожелать сестре спокойной ночи, а вы тут бучу устраиваете. Хотите обидеть вождя отказом? Подчеркиваю, это очень дорогой гость. Или, может, хотите обидеть меня? Знаете Дагона, нет? Скоро познакомитесь. У него сын единокровный поблизости живет. Он вас к батюшке и проводит в случае отказа от сотрудничества с нами». Смятение переросло в тень страха на клыкастых мордашках, и младшая по караулу скрылась за тканью входной занавески. Спустя минуту показалась сонная Лилька.

– Сашка, – зевнула она. – Извини, я не дождалась, пока ты проснешься. Спать захотелось, вечерело, надо было идти сюда, чтобы не хватились. Как самочувствие?

– Нормально. Голова болит?

– Не-а. Спать хочется, засыпаю. Давай утром, а?

Сларк, ты на нее сон навел?

«Твоя сестра без меня устала. Я ей сонливости не внушал».

Причины выспаться у нее есть. Копирование она перенесла легче меня, но я-то день провалялся в отключке, и голова раскалывается. Сестренка не спала, переживала. Элементарная усталость. Эмоциональная в первую очередь.

– Ладно, спи. Спокойной ночи, – приобнял я Лильку.

Сларк, будь другом, сообщи, когда узнаешь о малейшей угрозе Лильке.

«Хорошо, сообщу. Тебя разыскивать вот-вот начнут по приказу вождя. Поздно, тебя нет».

И то верно. Веди, впотьмах мне самому до «дворца» не дойти.

Хижину Ран-Джакала охранял десяток крепких троллей с тяжелыми копьями, явно позаимствованными у людей. На треть длины зубчатый наконечник из добротной стали, древко обито металлом. Перерубить его трудновато. Раны наконечник оставляет рваные и кровоточащие. К тому же тролли по привычке смазывают оружие ядовитой дрянью, парализующей в считанные минуты. Смерть от ранения гарантирована, не окажись поблизости опытного лекаря с набором противоядий. За столетия войн с синьками люди научились изготавливать противоядия к растительным ядам синекожих шаманов, впрочем, далеко не ко всем отравам животного происхождения. Тролли изобретают новые на основе ядовитых выделений пурпурных жаб и змеиного яда. Вечная гонка вооружений, не прекращающаяся в мирное время. Да и нет у троллей постоянного мира. Племена воюют друг с другом за территории, из-за застарелых обид, от желания пограбить слабого. Гвард считает, виной склочный характер синекожих. Они от природы агрессивны и уважают силу и закон предков, потому что от духов зависит благополучие конкретных троллей и племени в целом.

Бодигарды вождя несли стражу также на соседних скалах. Башенки с метателями дротиков охраняли воздушное пространство, заявись супостат на летающих тварях. Появление пернатых маловероятно, конечно. Авиация, равно и кавалерия, у синек редкость. Это у людей и эльфов чего только не увидишь. И драконы, и грифоны, и магические крылатые конструкторы. Шаманы противопоставляют им кровожадных лоя и созданных черной магией существ, бороздящих воздух не хуже наших самолетов. Ну и, естественно, заговоренные дротики, гарантирующие девяностопроцентное попадание с летальным исходом. Почему девяностопроцентное? У имперцев с ушастиками свои методы активной магической защиты имеются.

У входа начальник службы безопасности Ран-Джакала, завидев меня, радостно осклабился. Наверное, зачислил в без вести пропавшие.

– «Мягкотелому» не нравится ночевать под звездами? Ему по душе спать под крышей? – пророкотал он.

– Угу, под крышей уютнее, – буркнул я. – Запомни, Крайп, у меня имя есть. Сандэр. Уразумел?

Троль удивился, мягко говоря. Подобрал челюсть, он спросил у Сларка, действительно я по-трольски изъясняюсь или ему послышалось.

– Угу, послышалось. И мы тебе на самом деле мерещимся. Вместо нас здесь маленькие зеленые человечки, наводящие морок на уважаемого Крайп-Зула почем зря.

Троль хитро сощурился, потом засмеялся.

– У Сандэра острый язык. Следи за ним, и его не отрежут за дерзкие речи, – произнес он, отсмеявшись. – Сларк, проводи его в спальня дом. Вождь распорядился.

Спальный дом, пристройка к хижине Ран-Джакала, вмещал до десятка спящих гостей Водяных Крыс. Своего рода гостевой домик, обставленный простенько и со вкусом. Варварским тролльим вкусом. Стены в гирляндах трав, отпугивающих нечисть и злых духов, которые не прочь прокрасться в сон разумного и терзать его до утра. В углах амулеты из засушенных голов зверей, насаженных на колышки. Для крепости сна, объяснил морлок. Да жуткие головешки кого хочешь отпугнут. О сне в их обществе забываешь сразу.

«Нужен факел?» – поинтересовался ихтиан, втыкая в землю одолженный у охранников предмет дикарского освещения.

– Гаси, – я улегся на меха, устилавшие присыпанный соломой земляной пол.

«Тогда верну факел, – справедливо рассудил Сларк. – Охранителю он нужнее. Спокойных сновидений, Сандэр».

Тебе того же.

«Мне нынешней ночью не до сна. На большой земле, в нашей деревушке на берегу озера, произошло что-то... нехорошее. Я перестал ощущать морлока, сообщающего оттуда известия о проникновении чужаков».

Я насторожился. Потеря связи может быть связана с предупреждением Глубинного Жреца? Дедушка Тланс мог ошибиться?

«Он зрит видения будущего, дарованные богом. Бог не ошибается. Иногда видения туманны, истолковать их непросто. Предостережение дедушки Тланса обязательно сбудется, однако лишь богу ведом час, когда ты и твоя сестра столкнетесь с опасностью. Возможно, это случится сегодня, может быть, завтра».

Типичный предсказатель. Не поймешь, о чем вещает. Ясно только: не время расслабляться.

«Я с товарищами отправляюсь на берег узнать причину случившегося. Даст бог, увидимся утром».

Ладно. Удачи, Сларк. И будь осторожен.

«Постараюсь. Добрых снов, Сандэр».

Ихтиан ушел, унеся с собой факел. Сгустившаяся тьма погрузила меня в раздумья. Я вспоминал события прошедшего дня, анализировал, строил планы на следующий день. Заснул за полночь и спал плохо. Снились рыбы косяки, водоросли, скользкие по воде тени и сестренка, зовущая на помощь.

Утро разбудило галдежом тролльих голосов, доносящихся снаружи. Синекотье бурно обсуждали новости с большой земли. Из нестройного хора удалось разобрать «лодки», «вырезали», «на берегу». Встав, я выглянул из хижины.

Синьки, восклицая проклятия, указывали на подплывающую к острову цепь долбленок. В каждой работали веслами по шесть гребцов, на носах выставляли себя на обозрение капитаны челнов, держащие черные копия с привязанными к наконечникам оленьими шкурами, знаком мирных переговоров. Переговорщики из племени Черного Копья. Многовато для посольства. Лодки нагружены выше бортов, еле движутся по озеру. По бокам от пирога плыли небольшие каное Водяных Крыс, едва не черпающие воду из-за перегрузки. В них сидело по двое гребцов, морлоку и троллю.

Первым на пирс соскочил высокий широкоплечий синекотий с прерывистым черным орнаментом-татуировкой на лбу, обозначающим статус наследного сына вождя. Ого, он еще и великий воин. Обнаженную грудную клетку охватывал орнамент из черточек. Насколько знал Сларк, черточка в узоре накалывается в память о поверженном враге. Немало разумных отправил на тот свет наследник вождя, ой, немало.

Квадратный подбородок и скуластая физиономия намекали на долю орочьей крови, текущую в его жилах. Кровосмесительство у синек обычно не допускается, но бывает. Привозит воин из долгого военного похода домой сыночка от симпатичной наложницы, захваченной в

бою, и растит, родного, несмотря на запреты предков и истерики законных жен. Наложница, как правило, гибнет в походе, и чадо отец представляет чистокровным троллем, а кто старое помянет, тому глаз вон. Вместе с дурной башкой. В прямом смысле слова.

Вон, Ран-Джакал тоже плод межрасовой «любви» тролля и человеческой женщины. Заслужил уважение военными и охотничьими подвигами, племя создал, сделав головокружительную, по меркам синекожих, карьеру. Помыкаться пришлось по свету, родичи-то его изгнали. Наемником служил в людских странах, пиратством, разбоем на пару с Гвардом промышляли. Вернувшись с ватагой друзей-наемников, отомстил родственникам, тролли такое уважают, и родное племя на колени поставил, объявив себя единовластным вождем и присоединив к имени титул Джакал – Владыка.

За прыгнувшим на пристань синькой выстроилась дюжина ребят из лодок. Все молодые, крепкие. Свита и охрана сына вождя.

По правую руку высокий, всего на полголовы ниже вожденья, синекожий, от бритой макушки до голых пяток покрытый татуировками, потрясает жезлом с парой тролльих черепов на концах. Черные орнаменты из перекрещенных черточек, символизирующих копья, белые узоры и красные, сплетающиеся в сложный лабиринт знаки, но нет главного признака шамана – отметины на манер запятой на лбу. Она появляется при инициации на Красной Скале Духов. Это будто бы касание благословляющих на шаманство духов. На простого ученика не похож, слишком круто выглядит. Скорее всего, старший ученик верховного шамана.

По левую руку от сына вождя свирепая харя командира охранной дюжины, коренастого тролля в черепашках, клыках и когтях. Через грудь тянется орнамент из черных черточек, теряющийся подмышками. Великий воин.

Дедушка Тланс поработал на славу. Вчера я понятия не имел ни о значении татуировок, ни о знаках отличия шаманов, а сегодня знания словно всегда были в моей памяти. Теперь я знаю значение мельчайших деталей одежды, внешности, обычаи троллей, будто вырос среди них. И главное, не очень удивляюсь знаниям. В толпе островитян мне знакомы почти все синьки. Ну, морлоки, ну, маги разума!

Население деревни, включая женщин и детей, высыпало на пристань. Ихтианов не заметно. Они в воде, сканируют пришельцев, не удумали бы чего плохого. Сын вождя от магии разума огражден шаманскими татуировками на лбу и талисманами, ученик шамана аналогично. Остальные в группе от телепатов защищены кое-как.

Я с несколькими любопытными троллями сошел вниз, к пристани, вылавливая в общем гомоне обрывки фраз, касающихся новостей с большой земли. Спрашивал идущих со мной синек. От услышанного меня покорило.

У Водяных Крыс кроме островной деревни есть ряд маленьких деревушек на берегу большой земли. Охотники сносят туда добычу, там готовятся юные синьки стать охотниками. Деревеньки вроде перевалочных пунктов и пионерлагерей в одном флаконе.

Ночью на одну из них напали и вырезали всех, находившихся в ней и ее окрестностях. Ветеранов-учителей, кучу подростков, охотников и дозорных морлоков, бывших недалеко от устья речушки, по которой мы приплыли к озеру. Посланный разведать ситуацию отряд ихтианов и троллей нашел деревушку пустой. Сларк, командовавший разведывательной группой, успел передать на остров телепатическое послание соплеменникам. Он сообщал о загрызенных неизвестным зверем погибших, затем связь с ним прервалась.

Вторая команда, многочисленнее первой четверо, состоящая из тяжеловооруженных воинов и разведчиков-связистов морлоков, достигла большой земли с рассветом. В деревне нашли трупы троллей и тяжелораненого бредящего Сларка, единственного выжившего в ночной бойне. Следопыты выяснили: первую группу и обитателей деревушки действительно истребила неведомая тварь, поутру растворившаяся в неизвестности. Ходил слух, убийца –

одержимое злым духом существо, порожденное черной магией. Не мог же самый лютый зверь расправиться с морлоками, способными контролировать практически любое животное.

Бедняга Сларк. Хоть бы он выжил. За прошедшие сутки мы к нему привязались, тем более получили часть его памяти. Без него оборвется ниточка, соединяющая нас с Водяными Крысами. Классно он вчера уломал охранниц на разрешение встретиться с Лилькой.

Надо к ней, кстати, сходить на женскую половину, узнать, как дела, и предупредить, чтобы вела себя осторожнее. Выясню, кто к нам на остров пожаловал, и пойду к ней. Вполне возможно, тварь, перебившая базу племени, охотилась за нами. Паранойя? Пусть. Глубинный Жрец говорил – смерть следует за мной, – и ночное происшествие подтверждает сказанное им. Эх, плохо, Гвард уехал. С ним, что бы он ни замыслил, спокойнее. Маг, как-никак. По духам спец.

Размышляя, я доплелся до пристани и смешался с толпой. Посольство Черного Копья встречал начальник бодигардов Ран-Джакала Крайп. Курткой с нашитыми толстыми кожаными лоскутами и подобного типа штанами, заменяющими троллям кожаные доспехи, он не побрезговал. Имперская выучка. Крайп – старый, медлительный, широченный и сильный, из наемного отряда, возглавлявшегося в прошлом лидером Водяных Крыс. Привык полагаться на защитный костюм, мощь необъятных ручищ и громадный каменный топор. Ударом кулака он без труда ломает хребет буйволу, чему Сларк неоднократно был свидетелем. За Крайпом Каменным Топором отряд из двадцати синекожих во всеоружии, готовых к неожиданностям.

– Старший сын владыки Черного Копья Рак-Джакал приветствует племя Водяных Крыс и сожалеет о несчастье, постигшем наших союзников, – обвел собравшихся тяжелым взглядом сын вождя, приложив кулак к груди. – Я хотел преподнести Озерному Владыке богатые дары и заключить союз, однако прибыл вестником беды. Сердце мое переполняет скорбь по ушедшим в Серые Пределы молодым охотникам. Печальны мои дары, присыпаны пеплом погребальных костров. Бобровые и нетопырьи шкуры покрывают мертвых.

Рак-Джакал подал знак гребцам, и те откинули покрывала, укрывавшие сложенные в каное трупы троллей и морлоков.

Истошно завопила, бросившись к телам сына и мужа, женщина. Лица множества мужчин сделались каменными, крепче сжались на копьях палыцы охотников. Пережить ребенка – горе для нормального разумного, кем бы он ни являлся: эльфом, человеком или троллем.

Синекожие сгрузили мертвецов на носилки и унесли. Женщины омоют тела, натрут благовониями и обернут листьями беспамятной травы, надев на шеи умершим обереги, предохраняющие духов усопших от чудовищ Серых Пределов. На закате погибших сожгут, отправив в последний путь по озеру на погребальных лодках. Спустя сорок дней духи предков воссоединятся с духами потомков, приняв их в Леса Вечной Охоты, троллий аналог рая.

Трупы морлоков и синекожих разделили. У них разные обряды погребения. Ихтианов положено сносить в пещеру, святилище Дагона, где живет Глубинный Жрец. Он позаботится о телах сородичей. Одного рыбоголового отставили и позже забрали синьки. С чего бы? Чем он особенный? Это же наверняка Сларк. Ему с мертвыми пока не по пути. Пробившись сквозь толпу, я догнал троллий, уносящих телепата на носилках. Поблизости крутилась Зерана. Всхлипывающая Лилька была тут же, и я, подойдя, приобнял ее за плечи, заслонил от горы сгружаемых с лодок трупов. Чует мое сердце, в будущем она насмотрится на смерть и мучения. Леса троллей изобилуют ими. От всего зла на свете не оградаишь, да и сама не захочет безучастно стоять, когда рядом кто-то попал в беду.

– Дедушка Тланс запретил нести Сларка в пещеру, – сказала сестренка, утирая катящиеся градом слезы. Молодец, владеет собой, не разревелась. – Говорит, Сларка не спасти. Его отнесут к Гураме Ведьме.

– Гураме Ведьме? – начинаю догадываться, почему Водяные Крысы подмяли приозерные племена. Личностей с экстрасенсорными и магическими способностями у островитян до фи́га.

- Угу. Она лечила троллей до прихода в племя Гварда.
- Я думал, она чистая шаманиха, похоронами там, духами заведует.
- Лекарством она тоже занимается. Пока нет Гварда, Гурама вместо него.

Сларка накрыли тканью, спрятав от посторонних взглядов. От него пахло разложением. Следы от укусов и когтей неестественно быстро загнивали и у мертвецов, и у раненых. Колдовство, не иначе.

Почему так, а? Вчера только познакомились, нормально общались на протяжении дня, и вдруг ихтиан на грани смерти.

Морлок хрипел, харкал кровью и бессвязно бормотал. Бредит. Схватив меня за рукав, он неожиданно осознанно заглянул мне в лицо и на удивление четко произнес «Бегите!», после чего взор заволокла пелена беспамятства, и на его губах запузырилась кровавая пена.

- Зерана, мы ему можем помочь? – спросил я, шагая возле носилок.
- Духи предков и Гурама Ведьма могут помочь, не вы, – мотнула головой троллиха.
- Мы его проводим, – не терпящим возражений тоном произнесла Лилька, – и спросим у старухи.

Зерана махнула рукой. Провожайте, мол.

Глава 10

Прощание с погибшими

Гурама, завывая, волчком вертелась вокруг закопанного по шею в сырую землю ихтиана. Звенели медные бубенчики на бубне, щиколотках и запястьях ведьмы, отбивая безумную мелодию танца вызова духов. От колдовского действия, разворачивающегося на Могильной Скале, мне не по себе. Оно впечатляет поболее магии зверомастера. Никаких визуальных эффектов, а пробирает здорово. Пронзительный вой, рваные, словно конвульсии, движения раздувают в душе крошечную искорку первобытного страха перед сверхъестественным. Казалось бы, ничего особенного. Мы привыкли к шикарным спецэффектам, сопутствующим волшебству в кино, видели ритуалы киношных шаманов, но они и близко не стоят с настоящим колдовством по воздействию на зрителя. Бутафорская магия напугает разве что ребенка. От настоящего страшно.

Лилька старается не смотреть, спрятавшись за мной. Зачем оно нам надо тут быть, спрашивается? Шаманиха сказала, шансы у Сларка почти нулевые. Спасать его принялась чисто из профессионального интереса. Говорит, его плоть и душу пожирает могущественный злой дух из Серых Пределов. Гурама хочет изгнать духа, призвав на помощь духовную силу предков-шаманов. Днем злые духи спят, времени у нее до вечера. Не успеет, и Сларк умрет. Без вариантов. Тогда ведьма хотя бы запечатает убийцу в теле морлока ненадолго, покуда не изгонит из мира живых насовсем.

Паршиво осознавать свою беспомощность. Помочь ихтиану мы не в силах. Ведьма – другое дело. Под действием чар раны Сларка ненадолго очищались и затягивались, потом опять загнивали. Слишком сильный злой дух попался, чтоб его.

– Лиль, идем отсюда, – отвернулся я от зрелища колдующей шаманихи. – Вон белка твоя – и та смылась. Трясется в кустах.

– Я хочу остаться, – упрямо твердила сестренка. – Давай подождем, а? Может, ему лучше станет, и мы понадобится.

– Для чего?

– Ну, не знаю. Воды принести, еще чего-нибудь.

– Не выдумывай. Тут без нас есть помощники. Зерана здесь до окончания ритуалов пробудет. Идем, побродим по острову. К морлокам зайдем. Я с дедушкой Тлансом хочу переговорить.

– Злишься на него, да?

Лилька понятливая. Злюсь на него, очень злюсь. Сларк его потомок, Глубинный Жрец обязан о нем заботиться, а не отказываться от него. Бойтся злого духа? Гурама Ведьма смелее, получается, могучего телепата? Не верю. Да и обсудить надо смысл вчерашнего предупреждения. Не люблю загадок и недомолвок. От кого нам грозит опасность, дедушка Тланс сказать не удосужился. Путей спасения от нее не подсказал. Дельфийский оракул выискался.

– Угу, капельку. Посоветуюсь, как со Сларком поступить.

– Ты иди, я тут постою.

– Нет уж. Оставлять тебя одну я не намерен. Мы шаманихе этой нужны – что собаке пятая нога. Не веришь? Давай спросим у Зераны.

Молодая троллиха с одноплеменницами обмывала в долбленном корыте изуродованный труп синекожего. Работы у женского населения острова сегодня полно, к телам погибших не допускают только детей. Жены и дочери вождя, кроме кормящей матери сына Ран-Джакала, трудятся наравне со всеми. Обрабатывают тела, готовят поест, убирают похоронные челны дорогими шкурами и тканями.

– Эй, Зерана, вам наша помощь требуется?

Женщина замешкалась с ответом. Гвард же приставил ее к нам, а выходит, наоборот, мы за ней хвостиком всюду ходим.

– Нет, – мотнула она головой.

– Отлично. Лиль, пошли, – потянул я сестренку за собой.

Лилька не упиралась.

Дорогу на сторону острова рыбоголовых я помнил прекрасно, как и все закоулки скалистого клочка суши, гроты и подводные пещеры, где селятся морлоки. Память Сларка, однако.

Мы с сестренкой уверенно прошли к подземному лазу и озадаченно переглянулись. Ни намека на щель в камнях. Тенистое углубление, колючий кустарник, знакомые с прошлого раза, и монолитная скала. Облазили местность поблизости, я простукивал камни. Глухо. Глубинный Жрец ненавязчиво давал понять: посетителей впускать в свое обиталище не желает. Блин, табличку бы повесил: «Закррито». На мысленный зов дедушка Тланс не отвечал. Типа, никого нет дома?

Попытки заговорить с морлоками, обрабатывающими кости и вялящими рыбу на берегу, успехом не увенчались. Ихтианы нас сторонились, словно мы чумные. Самые необщительные ныряли в озеро и не всплывали. Бросив надежду встретиться с Глубинным Жрецом, мы ушли. Я мысленно материл древнего рыбоголового, отрекшегося от потомка. Небось, почувствует мою к нему злость.

На берегу нас окликнул низкорослый синька-подросток. Кстати, разведчик, виденный у Проклятой Башни, был именно подростком. Тролли обыкновенно вымахивают под два метра и выше. Паренек передал приглашение от вождя на тризну и умотал, не дождавшись ответа. Естественно, воле Ран-Джакала повинуются все, находящиеся на острове, и гости в том числе. Не исполнить приказания, в какой бы оно форме ни было, просьбы, пожелания и тому подобного – означает оскорбить владыку. Нанести оскорбление вождю – значит нанести обиду всему племени. Кто в здравом уме хочет ссориться с Водяными Крысами? Правильно, никто. И мы не захотели, потому потопали по направлению к пристани. Там поминали погибших вождь с присными и посольством Черного Копья, совместив поминки с деловой встречей.

На пристани громыхали барабаны. Мертвых, нарядив в лучшую одежду, уложили в челны с каменным оружием, накинули сверху дорогие шкуры. У изголовья клали завернутую в листья гигантского лопуха еду, жареное мясо и лепешку, и кувшинчики с троллим пивом и керацем, троллей самогонкой. За неполных полдня приготовления к поминкам закончили, и на причале собралось большинство Водяных Крыс. На земле расстелили шкуры, на которых расставили местные изысканные и не очень блюда, напитки.

Вождь с матерью своего сына, четвертой женой по счету, сидел в окружении телохранителей. Напротив расположилось порядком уменьшившееся в численности посольство. Справа и слева от младшего владыки Черного Копья ученик верховного шамана и тот щерящийся верзила в костяшках, командир личной дюжины Рак-Джакала. Поминающие ели, пили, вспоминали погибших. Обслуживали элиту племен подростки и женщины. Молодежь поодаль соревновалась в метании топоров, дротиков и рукопашной. Тролли верят: чем пышнее похороны, тем благосклонней к живым духи покойников. Я отметил про себя, на тризне недостает многих охотников, считающихся искуснейшими среди Водяных Крыс. Скорее всего, отслеживают зверя-убийцу. Синьки народ мстительный и кровожадный, полная противоположность фаталистам-морлокам.

– О, вот и те самые человеки, – икнул командир дюжины Рак-Джакала. – Сказал бы кто, что племя Водяных Крыс привечает людишек, – не поверил бы, глотку разорвал. А оно, оказывается, правда. Сколько удивительного на свете!

Подняв здоровенную глиняную кружку, синекожий пролил немного на землю, отдав дань уважения мертвым, и проглотил содержимое одним глотком. Крайп жестом указал подле себя на наши с Лилькой места.

– Мы о вас слышали от Водяных Крыс, встретивших нас на большой земле, – негромко сказал ученик шамана, перебирая костяные четки. Зловещий жезл покоился у него на коленях. – Жаг-Даз недоверчив, он действительно едва не пришиб рассказавшего о вас воина. Еще не бывало, чтобы люди добровольно гостили у троллей. В племени уважаемого Ран-Джакала, гляжу, есть чем удивить.

Жаг-Даз. Красноречивое имя. На тролльем языке означает «летающие топоры».

– А я о чем! – громыхнул дюжинник сына вождя Черного Копья. – Где видано – тролли объединились с рыбьими потрохами! Уж молчу о верховном шамане вашего племени.

– А что с ним не то? – перебил Крайп. – Приозерные шаманы ему в пояс смотрят. Ваш хваленый Нир-Джин позапрошлой зимой от него улепetyивал, когда мы с вашими парнями за Камень Духов схлестнулись. Неверно говорю?

– Приозерники бойцы никудышные, а шаманы их кому в пояс, кому в ноги смотрят, – Жаг-Даз заел самогон окороком антилопы. – Их сила в числе. Кабы не они, вы бы не победили тогда. Эх, славная была битва! Сколько полегло приозерников от моего топора, не сосчитать! Лар-Джур добыл пять костяшек на свои четки и черепок приозерного шамана на жезл. А Нир-Джину не повезло. В ночь перед боем все проклятия от наших воинов отвел, подосланных к нему в шатер медведя и волка убил. На бой обессилевшим вышел. Сойдись он с Гин-Джином в честной схватке – побежал бы ваш человеческий колдун, как пить дать.

– Довольно былое вспоминать, – урезонил Жаг-Даза ученик шамана. Эта тема была ему неприятна, ясно почему. Кому понравится слушать о поражении учителя? – Не забывай, мы в гостях, не на лесной тропе.

– А я что? – развел ручищи телохранитель младшего владыки Черного Копья. – Не то сказал? Эй, кто так топоры бросает? – мгновенно сменил тему синекожий, переключившись на метавших воинов. – Моя бабка кидает точнее!

– Неудивительно, – ученик шамана поднял бровь, – кому, как не престарелой бабке знаменитого меткостью Жаг-Даза затыкать за пояс молодых воинов?

Грянул оглушительный хохот. Синькам на похоронах смеяться не запрещается, наоборот. Покойным нравится громкий смех, отпугивающий злых духов, слетающих за умершими.

– Топор мне! А лучше – два топора! – взревел телохранитель, вставая.

Взяв по оружию в руку, он прицелился, замахнулся и метнул. Топоры синхронно поразили установленные на причале щиты в пятидесяти шагах от Жаг-Даза, расколов их пополам и вызвав неподдельное изумление у молодежи.

– Вот как бросают метатели из Черного Копья, – тролль уселся на прежнее место, скрепив ноги.

– Неплохо, – пробурчал Крайп, – неплохо. С железощурами сражался?

– Много раз, – хвастливо заявил командир охранной дюжины Рак-Джакала. – Обо мне поют песни синекожие женщины Пограничья, а матери в людских крепостях пугают моим именем детей. Такова слава Летающего Топора! Нет в племенах троллей более меткого бойца!

– Кого же ты сразил из железощуров? – Крайп хлебнул из кувшина, утерев рот кожаной перчаткой с нашитыми металлическими чешуйками, вещью невероятно ценной в среде троллей. – Из настоящих воинов, а не визжащих мягкотелых?

– Я не спрашиваю имен у павших от моей руки. По мне, все людишки одинаковы.

– Не скажи. Вождь людей пограничной крепости Гарен силен. Заварушку у Змеиногo Ручья помнишь? Он в одиночку выстоял против охранной дюжины старшего владыки племени Звездной Рыси. Семеро воинов погибли под его мечом. Клянусь честью предков, этот железощурый достоин смерти от руки синекожего. Давший ему смерть прославит себя по обе стороны Вала.

– Когда-нибудь, быть может, скорее, чем ты думаешь, уважаемый Крайп-Зул, настанет и его черед, – загадочно произнес ученик шамана.

Тролли чередовали разговор с поеданием озерных деликатесов. Беседу поддерживали в основном телохранители VIP-персон и Лар-Джур, ученик верховного шамана Черного Копья. Тоже звучное имя – Собиратель Костей. По отношению к нему в самую точку. Выяснилось, четки у него из косточек фаланг пальцев убитых врагов. Черепа на жезле принадлежали колдунам, поверженным Лар-Джуром.

Метатель топоров Жаг-Даз на счету имел на порядок больше трупов. Он их не считал, но ему верили на слово. Предводитель Водяных Крыс и Рак-Джакал изредка позволяли себе короткие реплики. Младший владыка Черного Копья походил на вырезанную из камня статую с живыми темными глазами. Степенно подносил еду ко рту, степенно жевал. Вождь нашептывал на ушко жене, любовался посапывающим на ее руках сыном. Мы с Лилькой слушали байки Крайпа, смотрели на соревнующихся в силе и ловкости синек, ели жареное мясо и рыбу.

Пробовать троллье пиво я не рисковал. Пахло оно тошнотворно, выглядело еще хуже. Оранжевая жидкость с плавающими жирными белесыми червями. Местный самогон пах дубовой корой и кислятиной. От одного глотка голова закружилась, по жилам будто потек расплавленный металл. Как они его пьют? Оно же крепче спирта! Заедал я начавшийся внутри пожар кабаньими ребрышками, запивал водой, зарекшись употреблять керац и пиво синек. Морлоки, исходя из заложенного в память опыта Сларка, троллье питье игнорируют, даже на совместных праздниках, случающихся несколько раз за год, и правильно делают. От него крышу сносит капитально. Может, специальный рецепт? Мухоморы, зелья подмешивают для эффекта?

Сларк, Сларк. Зерана не принесла плохих вестей, и ведьмы на причале нет. Живой ты там?

Солнце клонилось к горизонту. Похоронный обряд заканчивался. Суется у челнов с покойниками женщины попрощались с мужьями, братьями и сыновьями, оплакали погибших, оросив слезами покрывала из шкур и тканей, политых маслом и жиром. Ритуальные состязания молодежи завершались, победители пили за упокой на общей трапезе. Тогда Жаг-Даз поднялся и, неустойчиво стоя на ногах, выкрикнул вызов Крайпу:

– Старик Крайп! Не хочешь побороться, потешить духов?

– Куда тебе со мной, – отмахнулся командир охраны вождя. – Ты нынче и зеленушку-гоблина не осилишь. С человеком поборись, и то свалишься. Захранишь в разгар схватки!

Шутка всколыхнула волну хохота подвыпившего троллье общества. Летящий Топор замахал пальцем перед носом телохранителя Ран-Джакала.

– Боишься, да? Я моложе, ловчее. И брошу на лопатки здесь любого. – Заметив устремленные на него тяжелые взоры вождя и младшего владыки, он поправился: – Почти любого.

– Садись, Жаг-Даз, – промолвил предводитель Водяных Крыс. – Ешь, пей, поминай мертвых. Будет время еще побороться.

Троль стоял, сутулясь и раскачиваясь.

– Сяду, вождь, выпью и поем. Ночь-то длинная, успеется. Повалю кого из твоих – и сяду. С человеком, Крайп, говоришь, схватиться? Эй, мягкотелый, осмелишься выйти против меня? Свалишь – получишь мой нож.

Плавным движением синька всадил в землю кинжал. Мой кинжал из подземелья Проклятой Башни! То-то я его не видел у Гварда после ранения у родника. Неужели я потерял нож? Жаг-Даз его нашел. Он был в группе разведчиков, отправленных за нами, стопроцентно. Или нет? Блин, керац действует на мозги не лучшим образом. Думай, голова, думай!

По всему выходит, послы не засвидетельствовать почтение вождю Водяных Крыс прибыли, а разузнать, тут ли мы находимся. Что с того? Напасть не нападут, остров похлеще крепости людей охраняется. Сын Дагона не дремлет, морлоки просигналили о приближении чужаков. Угу, просигналили. Прошлой ночью. Никакая телепатия не помогла. Хм... чудо-зверь – случайно не тварь верховного шамана Черного Копья? Успокоиться и сконцентрироваться на

проблеме. Ну, попали в очередную передрыгу, нам не привыкать. Посланцы нам ничего не сделают на острове. Убедятся в догадках насчет нас и зверомастера да домой поплывут. Зато потом... потом суп с котом. Поживем – увидим. На провокации вестись не следует.

– Жаг-Даз, правила озерной борьбы знаешь? На лопатки у нас кинуть недостаточно, – просветил Крайп. – Борешься на плоту: кто кого в воду толкнет – тот и победитель. Не боишься? Устоять на плоту ой, как трудно тебе будет. Кераца в твоём животе больше, чем воды в озере.

– Обо мне не волнуйся, – одарил телохранителя свирепым оскалом метатель.

– Что скажешь, человек? – спокойствию шамана впору завидовать белой завистью. Наверное, процесс перебирания четок на него успокаивающе действует. – Почтишь духов погибших боем с Жаг-Дазом? Бороться будете без оружия, кусаться и когтями драться запрещено, бой во славу духов священен.

Соглашаться? Троль здоровее меня, тяжелее и выше, сильнее, но в скорости проигрывает. Может быть. Напился он хорошенько, плот раскачается. Координация у него нарушена. Гадство. И Лар-Джур, скотина, правильно вопрос поставил. «Почтишь духов». Согласие аукнется плачевными для моего физического тела последствиями. Откажусь... ага, откажусь.

– Принимаю. Вон тот плот подходит? – указываю на свое творение, стоящее у пирса.

Апгрейдить его синьки не удосужились за последние два дня. Понимаю, сегодня им не до того. Или собираются оставить его без изменений? М-да, я был о вас, товарищи тролли, лучшего мнения.

– Подходит. А ты храбрец, – хлопнул меня по спине Крайп.

Угу. Сестренка аналогично думает, ассоциируя храбрость с помешательством. Самогон в голову ударил. «Безумству храбрых поем мы песню!» Нет, шансы толкнуть Жаг-Даза в воду имеются, и немаленькие. Причем на своём плоту драться легче, я же его качку примерно знаю, двое суток почти с него не сходил.

– Разрешено все, что не запрещено, а запрещено кусаться и царапаться? – уточняю у Крайпа, взявшего на себя обязанности распорядителя боя.

– Верно. Можешь использовать плот. Хоть щепы от него зубами отдирай и пускай в ход.

Замечательно. Шалашик-то наш уцелел, из составляющих его стройматериалов оружие соорудить раз плюнуть. Надеюсь, троль до того же не додумается в хмельном угаре.

– Братик, ты рехнулся? Я с тобой! – вцепилась в мой рукав сестренка.

Порой она способна на совершенно безбашенные поступки.

– Не бойсь, Лиль, я его толкну. Детям туда нельзя, – отцепил я ручки Лильки.

– Было бы интересно, – высказал мнение метатель. – Вдвоем дольше продержитесь. Может быть. А может, и нет.

Заткни пасть, синька лесного производства! Тебя забыли спросить.

Преодолев сопротивление сестренки, я встал из-за «стола» и прогулочным шагом направился на пирс. Жаг-Даз поплелся следом, избивая себя по морде ладонями. Протрезветь пытается. Ню-ню. Лилька увязалась за нами вместе с толпой зевак. Естесно. Только сегодня, только сейчас, только здесь вы увидите жестокий бой человека и лесного чудовища! Не пропустите! Надо почаще устраивать подобное и плату за просмотр брать. По беличьей шкурке с носа, и будем с сестренкой в меховых шубах шеголять.

На плот я ступил первым. Прошелся, проверяя устойчивость. Неплохой плотик построил, качка минимальная. Крайп отвязал нашу посудину и подал знак к началу, хлопнув в ладоши и выкрикнув что-то, подсказывала имплантированная память, нецензурное. С его голосом технические средства лишние. Он заглушил гул толпы на берегу.

Плот покачнулся, резко накренившись вправо. Я расслышал в общем шуме испуганно взвизгнувшую Лильку и увидел заслонившую озеро высоченную фигуру противника.

Ну, с богом. Жаг-Даз растопырил когтистые пальцы, разведя мускулистые руки в стороны, и заорал, раскрыв огромную пасть. Рев отразился от воды, больно ударил по барабанным перепонкам.

Ну зачем кричать, а? всю рыбу морлокам распугаешь. Тролль, наверное, криком ошеломял противников перед расправой. На меня он произвел впечатление, правда, реакция моя была для него неожиданной. Вместо ступора я двинул плечом ему под дых со всей силы, вложив в удар свой вес. Так, бывало, сшибал с ног парней больше и тяжелее меня в той, прошлой жизни. Синекотий значительно крупнее любого из моих прежних соперников, да сил у меня тоже прилично. Он отшатнулся, устояв, и обхватил мой корпус, приподнял над поверхностью раскачивающегося плота. От железных объятий сперло дыхание, к горлу подкатили внутренности, готовые вот-вот выпрыгнуть наружу. Позвоночник издал противный хруст.

Ох, сознание потерять недолго. С трудом размахнувшись, я врезал троллю ладонями по ушам. На клыкастой морде запечатлелось болезненно-удивленное выражение, но хватки он не ослабил. Пришлось съездить лбом по без того переломанному в двух местах носу Жаг-Даза, комбинируя с «хлопушкой» по удлинненным ушам.

Подействовало! Вражина отступил на шаг, швыряясь трехэтажными троллями матерными конструкциями, и на миг разжал лапищи. Хорошо, кусаться запрещено. Иначе перекусил бы шею – с его-то пастью и зубищами не проблема. Зато мне его жалеть ни к чему. Извернувшись, бью ему ребром ладони в нервный узел у основания шеи. У нас, человек, там нервный узел, а у синекотего товарища непонятно.

Не сработало. Ударяю в кадык пальцами.

Удар прошел идеально. Синька закашлялся и выпустил меня, защищая горло рукой от повторной атаки.

Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет! Нырять под размахнувшуюся левую ручищу тролля, пытаюсь пнуть его в колено. Удастся – и он скатится в воду. Крен в его сторону, вот-вот – и бултыхнется.

Блин! Боковым зрением параллельно замечаю запрыгнувшую на краешек плота Лилёку. Э, да она в воду свалится! Сестренке купание в озере противопоказано, особенно в данный момент, когда я туда тролля хочу спихнуть, живого или не совсем.

Нельзя отвлекаться во время боя, нельзя. Мой синюшный противник переставил ногу, ловко уклонившись от моей попытки разбить ему коленную чашечку. Не беда. Рискую нарваться на встречный удар ножицей, кидаюсь вперед, продолжая движение, и врезаю кулаком в пах. Ненавижу грязные приемы, честно. Однако сейчас все средства хороши.

Синька взревел. Синька взвыл. Синька разозлился. Приложи он меня хоть разочек – прощай здоровье и здравствуй инвалидность. В лучшем случае инвалидность. А плотик-то раскачивается сильнее, устоять на нем сложнее и сложнее. Тролль выбросил ко мне обе руки, переходя в активное наступление. Я, уклоняясь, вновь взмахнул стопой, метя в колено. Он инстинктивно отдернул ногу и, потеряв равновесие из-за качнувшейся самодельной посуды, рухнул подрубленным кедром на шалаш. Сумел извернуться, гаденыш. Трезвый он. То ли в бою хмель выветриться успел, то ли притворялся пьяным.

Строение, с виду довольно крепкое, буквально смялось. Самое плохое, синька, падая, достал меня. Ну разве можно, а? Рубашку новую порвал. В результате его противоправных по отношению ко мне действий моя драгоценная тушка оказалась сверху. Встать, срочно встать, подобрать палку потолще и настучать великану по репе и иным жизненно важным органам.

Невезуха. Угроздило же его грохнуться на шалаш. Жаг-Даз, родной, прыгай в воду, и все закончится! У тебя нос сломан, тебе в медпункт Гурамы Ведьмы пора, а ты мучаешься. Вскидываю – в партере с громадным троллем возиться суицидально для человека, – подхватываю поломанную жердь, остальные обломки того меньше, и стараюсь вогнать вражине под ребра.

Извини, ничего личного. Рефери в лице Крайпа не против. О, да мой визави изворотливей ужа. Успевает избежать укола, и жердь ломается, застряв меж бревен. Твою дивизию! На живот точно кипятком плеснули. Синий гад, брыкнувшись, задел меня, распороол кожу когтями двупалой лапы. Э, низзя царапаться, не по правилам! Ухватив его за ногу, лишаю синьку возможности лицеизреть недолгий полет с последующим омовением в моем исполнении.

Вместо встряхивания своей стопы он подтянул ее к животу, попробовав захватить меня за плечи. Хитрый, троллюга. Ногу его я отпустил, подавшись вбок. Троль перекатился на корточки и рванулся ко мне распрямляющейся пружиной, и тут сработала Лилька.

Подгадавшая момент сестренка огрела синьку сзади рулевым веслом, сломавшимся пополам о гребнистую башку. Откуда столько сил в тринадцатилетней девчонке? Весло ведь тяжелое. Гигант присел, ословелым взором обводя вокруг в поисках причины нехстати случившегося недомогания, всхрипнул и, получив от меня толчок плечом в грудь, рухнул в воду.

– Что бы ты без сестры делал, – самодовольно ухмылялась сестренка.

– Управлялся бы с ним голыми руками. Лиль, я же сказал на берегу оставаться, зачем ты влезла? – я ей, конечно, благодарен и должен признать, из нас вышла неплохая команда, но взбучку Лильке необходимо устроить. За излишнюю инициативность и непослушание. – Он тебя прибить мог! Чем ты думала?

– О тебе я думала, – надулась сестренка. – Спасибо сказал бы.

– Без тебя справился бы. Представляешь, в какой опасности ты очутилась? Вдруг бы он тебя ударил?

– Не ударил же. Перестань меня ругать! Сам на бой согласился, выпендрежник.

– Потом поговорим.

Тем временем Жаг-Даз, мокрый и злой, выбрался на пирс под улюлюканье синек. Позор проиграть мягкотелому. Тролли откровенно насмеялись над ним, он рычал и отплеывался.

– Ха! Летящего Топора побила мягкотелая девчонка! – потешался над идущим к посольству Черного Копья метателем Крайп.

Мы занимали свои места за «столом» под шутивно-хвалебные возгласы Водяных Крыс. Угрюмый телохранитель Рак-Джакала подбросил ко мне проигранный нож.

– Твой, – кивнул он на кинжал. – Поноси пока. Скоро верну обратно.

Нажил врага на всю оставшуюся жизнь. Зато нож опять мой. На тризне оружие не отберут – ночью заныкаю куда-то.

Окончание фразы потонуло в нарастающем барабанном бое. Солнечный диск отдавал последние лучи земле, падая за горизонт и заливая остров и озеро алым светом. Прощание завершено, пора мертвым покинуть мир живых. Охотники длинными шестами отпихнули похоронные лодки от пристани, вождь взялся за подожженный с наконечника дротик. Малыш на руках его жены плакал и ворочался, словно хотел выскочить из пеленок.

Ведьмы-то не видать. Она, по обычаю, возносит молитвы на Могильной Скале духам предков, умоляя принять погибших потомков в их обитель.

Челны отплыли, и Ран-Джакал метнул дротик, вонзившийся в промасленный борт. Пирога занялась пламенем, затрещала под огненным натиском. Погребальным костром вспыхнули вещи покойника. Воины одну за другой поджигали похоронные лодки, отдаляющиеся от берега.

Барабаны стихли с первой утонувшей пирогой. Вечерний сумрак обернулся ночной тьмой, разгоняемой десятками костров. Мало кто обратил внимание на ковыляющего по причалу морлока, облепленного коркой земли и запекшейся крови.

Глава 11

Истребитель троллей и морлоков

Сларк? Гурама Ведьма вылечила его или я чего-то не понимаю? Вылечила, да не совсем. Сутулый от природы, ихтиан казался неестественно сторбленным. Он шатался, его буквально вело из стороны в сторону, словно он шел по палубе корабля в шторм. Покачнувшись, рыболовный впечатался в близстоящего тролля. Синька, развернувшись, оттолкнул его и выругался.

Эй, чего творишь, синий? Толчок повалил морлока, и он распростерся на бревенчатом настиле пристани. Я заспешил к нему, но доброхоты нашлись и среди синекожих. Другой тролль, обругав толкнувшего, принялся помогать Сларку подняться и неожиданно отпрянул, едва прикоснувшись. Его ладони обволокла густая тягучая слизь, которую охотник безуспешно пытался сначала стряхнуть, затем вытереть об одежду. Наверное, лечебная мазь шаманихи либо нечто в этом роде. Ихтиан затрясся, его скрутила судорога, изо рта с пеной вырывался булькающий хрип. Наконец-то заметившие соплеменника тролли шарахнулись от него. В чем дело? Он же помрет. Как его отпустила старуха-лекарка, диву даюсь.

И тут морлок завопил. Голос не походил на сларковский, что в его положении неудивительно. Захлебывающийся, прерывающийся, наполненный дикой болью и ужасом вопль, заставляющий волосы на затылке шевелиться.

Из его тела вставал размытый, дрожащий, будто марево в жару, силуэт. Он приобретал форму, наливаясь темнотой и заслоняя пламя костров. Зыбкая тень, ожившая и отделяющаяся от хозяина. Фигура ее менялась, из ихтиановской превращаясь в нечто абсолютно противоестественное. Четвероногая тварь с продолговатым туловищем и приплюснутой головой, на которой обозначилась пара алых глаз. Она приковала внимание находящихся на причале синекожих, парализуя их. Распластавшийся под ней Сларк прекратил кричать и трястись, он неподвижно лежал, и непонятно, жив он или мертв.

Существо напоминало разросшуюся до размеров доброго сенбернара выдру, и не просто выдру, а разложившуюся до отвратительного состояния. Из киселеподобной плоти проглядывают белесые кости, пасть усеяна иглами-зубами. Окончательно покинув тело морлока, тварь приподнялась на задние лапы и обозрела причал. Безразлично скользнув по толпе троллей, ее взгляд заинтересованно остановился на мне и сестренке. Разглядывая нас, она втянула воздух костлявым носом, принюхиваясь. В красных провалах глаз возникло торжество. Так смотрит на редчайшую марку после многих лет поисков заядлый филателист. Или охотник, осознающий, что добыча попала в ловушку и уже никуда не денется.

И тут до меня дошло. Эта сволочь пришла за нами. Она перебила Водяных Крыс в лагере на большой земле, на день впала в спячку, затаившись в Сларке. Спящего духа почти невозможно обнаружить, и ведьма не смогла его вычислить. Существо не было живым, потому его не берет магия разума ихтианов. Абсолютный иммунитет. Не из-за него ли Глубинный Жрец побоялся лечить раненого потомка, подозревая в нем потенциальный сосуд для злого духа? Нет, тварь не злой дух, духи бесплотны. Она – существо, неведомым образом воплотившийся дух.

Пора сваливать, если мы не хотим стать ему ужином.

Первым из ступора вышел, как ни странно, Крайп. Хотя ничего странного. Лидер телохранителей вождя, как-никак. Реакция у него прямо молниеносная. Тролль удивительно легко для своих возраста и комплекции прыгнул к бестии, заноса каменный топор для смертельного удара, пожалуй, даже для болотного дракона. Однако тварь оказалась шустрее, и кремневое лезвие по обух погрузилось в бревно, расщепляя древесину. Выдернуть оружие и вновь ударить охранник не успевал. Он прекрасно понимал ситуацию и не стал тратить драгоценные мгновения на возню с топором, могущую стоить ему жизни. Существо слитным движением

увернулось от удара и ринулось на врага. Зубы, когти и скорость, делающая его силуэт расплывчатым пятном. Выхватывать нож из-за пояса нет времени.

Крайп поймал зверя в воздухе, когда тот прыгнул, целя синекожему в горло. Тварь затрепыхалась, схваченная за шею. Зубами она не доставала, зато когти передних лап пробороzdили на руке тролля глубокие раны. Задние драли в клочья кожаную куртку и полосовали живот и грудь телохранителя.

Командир охранной дюжины, взревев от боли и ярости, приложил извивающегося противника о бревенчатый настил. Раздался хлюпающий звук, смешанный с треском то ли костей, то ли древесины. Маневр не оглушил существо – на то оно и мертвое. Скользкая распадаящаяся плоть выскользнула из пальцев, и освободившаяся тварь напала опять. Удар кулака в бронированной перчатке отшвырнул ее на несколько метров. Пользуясь мигом передышки, Крайп выхватил нож, похожий скорее на короткий меч. Ну да, человеку как раз в качестве меча подойдет, а громадному троллю хороший кинжал.

Синьки наконец-то проявили признаки жизни. Вождь, препоручив жену с ребенком заботам двух охранников, с копьем наперевес двинулся на чудовище. Очнувшиеся ученицы Гурамы Ведьмы чертили в воздухе пальцами колдовские знаки и нараспев читали заклятья, Зерана в придачу рассыпала по пристани светящийся малиновый порошок. Воины, оцетинившись копьями и дротиками, подступали к месту схватки. На секунду появилась надежда, что Водяные Крысы расправятся с врагом и обойдется без жертв. Сжимающееся кольцо из троллей скрыло от меня окровавленного Крайпа и монстра.

Лиль, ты где? Сестренка оцепенела, немигающе глядя в гущу синекожих. Еще бы. Ночь оживших кошмаров. Меня самого трясет из-за переизбытка адреналина.

– Лиль, пошли отсюда быстрее, – беру Лильку за руку и тяну за собой.

К дому шамана идем. Там есть шанс укрыться. Авось, защитные чары не позволят твари войти. Не может быть, чтобы свой дом Гвард не защитил магическим куполом наподобие примененного на плоту у Проклятой Башни. И у домового, хочется надеяться, найдется чем встретить скользкую неживую тварь.

Сестренка не реагирует. Встряхиваю ее за плечи, на лице появляется осознанное выражение. Страшно ей. И мне страшно. Всем страшно.

– Там, – показывает она пальцем в толпу синек, собирающихся прикончить гостя из потусторонних миров. – Там...

– Угу, чудовище, – подсказываю я и, взяв Лильку в охапку, бегу в глубь острова.

В темноте с девчонкой на руках и грохнуться недолго. Осмотревшись, разжился горячей палкой из ближайшего костра. Не факел, но на крайний случай сойдет.

– Пусти, я сама пойду.

Отлично. Сестренку беру за руку – и быстрым шагом уходим с пристани. Позади ревет медведем раненый начальник безопасности вождя, шумят синьки. Все нормально, я просто перестраховываюсь. На всякий пожарный.

Размышлял в верном направлении не один я. К дому зверомастера торопилась жена вождя с ребенком, тыл ей прикрывал охранник, второй шел впереди с копьем наготове. Правильной дорогой идете, товарищи! Костры пристани исчезли за скалами. Багряное свечение обрисовывало контуры каменных громад. К реву добавились крики и женские вопли, не предвещающие ничего хорошего.

– Бежим! – скомандовал я и погнал к подвесному мосту, ведущему к резиденции Гварда.

Сестренка не поспевала. Я, сбавив темп, пропустил ее вперед. Перед нами маячили синекожие спины жены и охранников Ран-Джакала. Двигались синьки быстрее нас. А ну как запрутся в доме, обожгла мысль. Мы им никто – оставят существу, и ничего не попишешь. Подхватив Лильку, я помчался догонять троллей. Бежать по качающемуся мосту с грузом жутко неудобно. Сестренка, смирившись с положением ноши, обхватила меня руками и ногами, дав

относительную свободу моим конечностям. Горяя палка нам необходима для освещения пути, к тому же для обороны. Сверхъестественные твари огонь недолюбливают, и та сволота на причале, надеюсь, тоже. Если не отмахнусь, то хотя бы задержу, дав Лильке пару секунд на побег.

Мост кончился, вот мы на серпантине тропинки. За поворотом выросли дом Гварда и подбегающие к двери, освещенной факелом, синьки. Вперед!

Сзади загудел мост, послышались частый топот и стук бьющих по деревяшкам когтей. Не оборачиваясь, отдираю от себя Лильку и на ходу хриплю:

– Спрячься в доме! Я ее отвлеку. Беги!

Сестренка у меня умница. Не спорит, бежит, а я поворачиваюсь к твари, выставив перед собой горящую головню. Не пройдешь! Точнее, пройдешь через мой труп, гадина поганая. Стоять!

Существо не прыгнуло на меня. Оно вскочило на скалу и понеслось по отвесной каменной стене, являя чудеса прыткости. По вертикали оно передвигалось медленнее, однако сумело вскарабкаться на недостижимую для моего огненного оружия высоту и продолжить погоню за Лилькой и синекожими. Брошенная вслед палка стукнулась о камень в полуметре от тонкого хвоста.

Подобрав валяющийся на тропе булыжник, их там много, бегу за проклятым зверем. Догнать его не проблема, пока он, высекая борозды в камне, несется по скале.

Тролли до сих пор не отворили дверь дома. Сестренка возле них, вместе они сгрудились у особнячка шамана. Охранники держат оборону. Вряд ли выстоят. Чудовищу бодигарды не противники, доказано опытным путем. Я тем более. Жена вождя колотит в дверь кулаком и пинает ногой, от грохота мертвец встанет. Треклятый домовый! Открывай, зеленка прелая! Не откроешь – убью. Не шучу. Тебе по фиг, ты ведь мертвый, а мне приятно. С того света достану.

И почему существо за Лилькой ломанулось? Сочло меня чересчур мелкой добычей? Либо огонь подействовал. Факел у входа в дом тогда, по идее, должен его отпугивать.

Соскочив со скалы, тварь за считанные секунды оказалась около охранников, бросившихся к ней. Самонадеянные тупицы. Она же вас порвет, как Тузик грелку. Лучше бы дверь выбили. Тогда домовый точно бы себя показал, и вы бы в дом попали.

Телохранитель ткнул копьем, промахнувшись, и извернувшееся существо вгрызлось ему в предплечье, почти перекусив руку. Мгновенный укус, рука мотнулась на лоскуте кожи и мышц, из которых торчат обломки костей. Троль отшатнулся с перекошенным лицом. Бестия полоснула когтями по его обнаженному животу и молнией метнулась ко второму, примеряющемуся ударить по ней. Удар копья зацепил бок твари, не остановив ее ни на миг, она же, перекусив древко, крутанулась вокруг копья и кинулась в ноги синьке.

Ну и скорость. В мозгу бьется мысль: не перебило ли существо пытавшихся его остановить троллей на пристани? Нет, невозможно. Несколько десятков вооруженных мужиков и столько же женщин за две-три минуты не истребишь. Вероятнее всего, чудовище убежало от них, предпочтя нас с Лилькой. Оно за нами явилось, в конце концов.

Разделавшись с телохранителями, тварь рванула к жене вождя, отчаянно стучащей в дверь, и к сестренке, взявшей факел. Успеть бы...

Лилька умница, размахивает факелом, и это действует. Неживой зверь притормозил, присел на задние лапы, повел башкой туда-сюда. Побаивается, сволочь. Не сильно, но побаивается.

Размахиваюсь, с разбегу бросаю булыжник, метя в уродливую слюнявую морду, и ору, чтобы переключить внимание существа на меня. Цели своей я добился. Головешка дернулась от прямого попадания, наверно, вмятина порядочная образуется, и тут же повернулась ко мне. Мясо на щеке и скуле буквально снесло, а в целом полный порядок. Двигается, зараза, не медленнее прежнего. Причем от сестренки отдаляется. Отлично! Плохо, ко мне приближается. Твою дивизию! По серпантину тропинки не убегу, из оружия ножик. Эх, была не была...

Дом Гварда стоит на торчащей из черной воды озера скале. Не «Ласточкино гнездо» вождя, конечно, однако тоже впечатляет. Отдельный островок, соединенный подвесными мостами с «дворцом» Ран-Джакала и женской частью. Склоны скалы крутые, прыгать с них в озеро удобно. Есть опасность расшибиться, высота немаленькая, да и неглубоко. Но выбирать не приходится.

Разбежавшись, сигаю вниз. Свист ветра в ушах, полет и жесткое, оглушающее приводнение. В воздухе я смог сгруппироваться и правильно войти в воду, и все равно чуть не поломал ноги о каменистое дно. Воды по грудь. Похоже, мне еще повезло. А теперь быстренько гребь, Сандэр, гребь отсюда. Домовой, я на тебя рассчитываю, понял? Щас выплыву на берег и вернусь проверить, впустил ты Лильку с троллихой или нет. Большого для них уже не сделаю.

У скалы колышется лодка, в ней морлок с веслом. Глубинный Жрец подкрепление выслал. Ихтианы сами по себе на лодках ну очень редко плавают, обычно по старинке, ластами пользуются. Долбленки у них для перевозки в сохранности большого улова предназначены, а то увяжется юркий хищник, покоцает рыбку в воде.

«Сюда», – телепатирует рыбоид. Где же вы были, когда из Сларка та сволота вылуплялась?

Подгребая к пироге, забираюсь в нее.

– Плыви к берегу.

На мои слова морлоку, видимо, начхать. Сидит неподвижно, в руках острога. Выжидает. Чего, спрашивается? Мне бы на причал поскорее, узнать о случившемся с синьками.

Вода от упавшего в воду существа вздыбилась волной, всколыхнувшей утлый челнок рыбоголового. И не предполагал, что оно бросится за мной со скалы. Радует, сестренка в относительной безопасности. Мне финита ля комедия, умею тварь плавать. А она, гадина, умеет. Взошедшая белая луна серебрит водную рябь, на которой четко выделяется движущаяся к лодке безобразная тень.

«Не беспокойся. В челне безопасно», – по мыслесвязи сообщает ихтиан.

Не беспокойся? Ты не видел, какие трюки она выделяет. Борта лодки для нее точно картонные. Порвет – и не покривится. Чего застыл? Гребь давай, вражина близко.

Водная поверхность взбугрилась, будто покрытая прочной пленкой, не дающей твари всплыть. Чудо божества морлоков, не иначе. Сларк о подобном и не слыхал. Работа Глубинного Жреца. Водяной бугор опал, поверхность выровнялась, и внезапно лодку подбросило, едва не перевернув. О последствиях переворота и думать не хочется. Эй, рыбоголовый мальчик с острогой, барьер двусторонний или... По выпученным буркалам ясно: односторонний. Молись тогда богу своему, рыбоид. Он, говорят, мстительный. Буду признателен, если отомстит раньше, чем та зараза на сушу вылезет.

Пирога подскочила опять, чудом не опрокинувшись. Сильное существо. Его бы энергию в мирное русло – цены бы скотинке не было. А что это там за треугольничек к нам подплывает? На акулий плавник смахивает. На Земле акулы в озерах не водятся, здесь – кто их знает. Э, нет, кажется, плавничок мне знаком по памяти Сларка. И раз он чернеется, дела наши идут в гору.

У правого борта вода поднялась метра на полтора, обрисовав силуэт выдроподобного тела. Тварь бесилась, тщетно пробовала разгрызть барьер зубами и разорвать когтями. Ты попала, малышка. Дагон отомстит за невинно убиенных деток, и мстя его будет страшна. Я бы на твоём месте сваливал со скоростью света. Неужели не чувствуешь, кто тобой заинтересовался? Ладно, просвещу. Встречай сильномогучего сына Дагона, божества пресноводных морлоков и морских тритонов!

Существо утихомирилось. Забоялось? То-то же. Сбежать от полубога в его стихии практически нереально. Вон, несется, точно торпеда. Скоростной катер обгонит.

Выросший водяной холм взорвался фонтаном брызг. Невероятно. Тварь пробила барьер, взвившись в воздух над долбленкой. Мгновение – и она рухнет в лодку, прямо на меня. За

ней вынырнула темная туша полубожества ихтианов, поймавшего существо в полете и резким движением челюстей разделившего его пополам.

Верхняя часть неживого зверя плюхнулась в воду, зацепившись когтями за борт пироги, и резво подтянулась, порываясь достать меня зубами. Я дернулся от нее, врезав ногой по морде, рыбоголовый вогнал острогу твари в плечо. Ох, и живучая. Половину оттапали, проткнули, а ей хоть бы хны. Вонзая десятисантиметровые когти в податливую древесину, она рывками продвигалась ко мне и не реагировала на морлока, методично дырявящего ее острой.

Сын Дагона обрушился на лодку неожиданно, разом потопив челн и оторвав существо от пироги. Лапы, срезанные зубами, словно бритвой, остались пришипленными когтями к бортам, мы с ихтианом благополучно погрузились под воду. Еще чуть-чуть – и отпрыск водного божества, эдакая помесь акулы и морлока, с перепончатыми когтистыми руками и рыбьим хвостом, задавил бы нас обоих. Вода хлынула в легкие, я задыхался. Не хватало утонуть, спасшись от потустороннего чудовища. Ног, ушибленную при падении со скалы, свело судорогой. Куда плыть? Везде бурлящий поток, созданный сыном Дагона, пузыри воздуха и пена. На пределе сил я вынырнул.

Ловкие руки рыбоголовых затащили меня, кашляющего, в лодку. Полку морлоков прибыло. Рыбоидов двое передо мной, плюс третий сзади, усиленно гребет веслом к кострам пристани. Другая пирога. В ней нет ихтиана, помогавшего отбиваться от неживой твари.

– Спасибо, – избавившись от налившейся в легкие воды, спустя несколько минут поблагодарил я.

«За что? – удивился старший из морлоков. – Мы делаем общее дело. Ты заманил одержимого зверя в воду, мы подстроили ему западню. Наши усилия в равной степени результативны».

Лодка причалила к пирсу, и я наконец-то увидел устроенное существом побоище на пристани. На берегу лежали окровавленные тролли. Над живыми хлопотали, перевязывая раны, женщины и подростки, мертвых легкораненые и уцелевшие мужчины стаскивали на кучу. У рыболовных снастей, прислонившись спиной к вытасченному на берег каноэ, полулежал Крайп. Защитная кожаная куртка валялась возле него, изодранная в клочья. Ее владелец выглядел немногим лучше. Перевязки из тряпья напитались кровью, изувеченная рука безвольно висела вдоль туловища. Зато ладонь здоровой покоилась на рукояти любимого каменного топора, будто командир охраны вождя готов ринуться в бой. Тяжело дыша, тролль наблюдал за творящимся вокруг. Ран-Джакал обходил раненых, прикрикивал на плачущих женщин и приободрял тяжелораненых.

Как тварь смогла покалечить больше десятка воинов и убить еще полдюжины, не считая погибших у дома Гварда охранников, за столь малый промежуток времени? Гадство, меня затрясло от переизбытка адреналина. Она прикончила бы большую часть племени, не сожри ее полубог рыбоидов.

– Дуракам, детям и людишкам везет, – послышался насмешливый голос метателя топоров из племени Черного Копья. – Столько воинов пало, а на человечешке ни царапины. Куда же ты, дорогой гость, пропал с самого веселья? С рыбьими потрохами гулял, смотрю.

Жаг-Даз в своем стиле. Интересно, куда подевались его дружки? На пристани из посольства он одишечек целый и невредимый. Стоит себе, блестит желтоватыми клыками.

– Экий ты зоркий, Летающий Топор. Видел, как я в разгар потехи ушел. Кто за мной последовал, не припомнишь? А вообще не до тебя, Жаг-Даз, – прихрамывая, я поплелся к скале зверомастера.

Ударит в спину, нет? От него дождешься. На всякий случай обогну его по дуге, не теряя из поля зрения. Дернется – замечу.

Метатель убивать меня на виду у Водяных Крыс не собирался: нарушение этикета. Вождь и племя обидятся. Пришел в гости и давай ценные кувшины бить – нехорошо. Неуважительно

и хозяину накладно. Этого в приличном троллшем обществе не прощают, могут по черепашке настучать и выкуп запросить у родичей возмутителя спокойствия. Не заплатишь – и у шамана прибавится дел. Головушку хулиганскую засушить, отверстия естественные зашить, жертвоприношение справить предкам и черепок на алтарь духов поместить для собственного успокоения и в назидание потенциальным преступникам.

Всхлипывания морлоков прервали мои сладкие мысли о наказании Жаг-Даза. Что за?.. Рыбоиды корчились на берегу, булькая про обезумевшего от боли сына Дагона. При Сларке с полубогом подобного не происходило. Телепатически чувствительные ихтианы ощущали болезненные импульсы, исходящие от потомка божества и выжаривающие рыбололовым мозги.

С озера донесся протяжный, неприятный звук, будто рвали лист железа. Поздравляю, впервые на острове слышат крик рехнувшегося полубога. Выходит, на большую землю не попасть, пока акулоида не возьмет под контроль дедушка Тланс или возвратившийся Гвард.

«Хуже! – вторглись в сознание мысли старшего в команде морлока. – Если бы мог, Глубинный Жрец уже утихомирил бы сына Дагона».

Весело. Дальше, чую, станет еще веселее. К пристани, вспенивая воду черным спинным плавником, на всех парах мчался сумасшедший полубог. На полном ходу он врезался в бревенчатый пирс, с грохотом раскидав стоявшие у него лодки и обрушив десяток метров деревянной конструкции. Полоскавшие у береговой кромки окровавленную одежду женщины разбежались, мужчин поведение защитника острова ввело в кратковременный ступор. Огласив ночь скрежещущим ревом, туша отплыла и вновь атаковала причал.

Ночь воплотившихся в реальность кошмаров. И как бороться с помешательством полубожества прикажете? Воины задаются тем же вопросом. Сын Дагона запрет нас на острове. Без рыбалки, собирания водорослей, поставок еды с большой земли Водяным Крысам каюк. И не только им. Убивать защитника племени чревато нападением соседей – вот и думай, как тут правильное поступить. Я бы подождал Гварда и с ним посоветовался. На остров он попадет – на то он маг. Полубог пристань разнесет, однако за синьками не погонится. Наверное. Если не захочет. Лапы-то у него есть, на манер моржа по суше передвигается.

Разгромивший пирс сыночек водяного бога принялся за свободно плавающие лодки. Опрокидывать пироги ему быстро наскучило, и он выбросился на берег. Громадная рыбина, не уступающая габаритами касатке, бешено колотя по воде хвостом, проползла на лапах и повалилась на береговую гальку. Напоследок сын Дагона хрипло взревел и, выгибаясь, точно в конвульсиях, завалился набок. Утыканные в четыре ряда зубами челюсти лязгали все тише и тише, из пасти и жаберных щелей хлынул черный кровавый поток. Внутри гигантской туши затрепало, из блестящего бока плеснула кровь, за ней из прогрызенной в чешуе дыры выбралось существо. Опираясь о целые передние лапы, оно окончательно вылезло из тела умирающего полубога и вильнуло хвостом, обзревая синекожих.

Глава 12

Огненный Ловец Духов

Невероятно! Его же рыбина на куски перекусила, оно должно перевариваться в желудке, разорванное пополам. Твою дивизию. Оно в животе полубожества подросло, питаюсь его внутренностями. И ведь не отвяжется, пока не сдохнет. Убегать от тебя бесполезно, нежить проклятая.

– Оно огня боится! – крикнул я, отступая к костру. – Огнем его!

Тварь дернулась на мой голос и, соскочив с подрагивающей туши, направилась ко мне. Сделав несколько шажков, останавливалась, принималась. Я вытащил из пламени пару горящих палок, по головне в руку, и стал отходить дальше по пристани, к дому вождя. Одержимый зверь не спеша подступал, припадая к земле брюхом, словно не мог решиться прыгнуть. Не беги, сволочь, не беги. Шустрая ты чересчур, медленно подходи, никуда не сворачивай.

Дротик, пущенный кем-то из охотников, насквозь пробил грудь чудовища. Оно крутанулось, зубами вырывая обузу, и потеряло меня. На пути его встал Ран-Джакал с факелом в одной руке и алебардой в другой. Верещагин, уходи с баркаса! Существо мое, не мешай выяснять нам отношения. Вождю по фиг мои предостерегающие выкрики, он твердо вознамерился защитить племя. Обычного зверя отравленный дротик сваливает за минуту, но одержимому вряд ли повредит. Яд не притупит реакцию неживому созданию, Ран-Джакал обязан понимать. Он бывалый воин, всякого повидал со зверомастером. Наверное, и с нежитью сталкивался.

Выплюнув дротик, монстр напрягся. Еще бы не напрячься. Кругом помехи, ему цель не видна. Взявших его в живое кольцо телохранителей и самого вождя он будто не замечал. И правда. Подумаешь, крысы окружили волкодава, невелика беда.

Заставил его обратить внимание на синеккожих Ран-Джакал, с невероятной скоростью взмахнувший алебардой. Ух, опасный момент! Я не подозревал, что тролли могут быть настолько быстрыми. Заслуга магии? Эликсир колдовской выпил перед боем, например. Сверкающий алым сгустком пламени клинок, прочертив огненную дугу, разрубил плоть твари, словно раскаленный нож масло. Избитое сравнение, но лучше не скажешь. Легко, аж не верится, перерубил правое плечо и верх грудины.

Нормальный зверь сразу скончался бы. Да то нормальный, а это мутант неубиваемый. Припадая на правую переднюю лапу и истекая бурой слизью, существо моментально развернулось к противнику и прыгнуло, целясь в живот. Скорость у него снизилась, и вождь, оправдывая имя «Ран», означающее на языке синек Молниеносный, проворно отскочил в сторону, стремительно опустив алебарду на толстую шею замедлившегося чудовища.

Силен, ох, силен. Массивная башка мотнулась влево, пачкая камни бурой жижей, извергающейся потоком из рубаной раны, едва не отделяющей голову от туловища. Пасть бешено, точно автомат, клацала зубами. Я на секунду подумал – вождь справился, и монстр вот-вот испустит дух.

Вместо того чтобы мирно скончаться от полученных повреждений, тварь въехала боком в отскочившего Ран-Джакала, повалив его, и рванулась из окружения. Машина смерти в действии. Двоих охранников, попавшихся ей на пути, она подбросила – точь-в-точь шар кегли в кегельбана. Тролли корчились на гальке, истекая кровью, а она неслась ко мне.

Учуяла-таки, гадина, и кричать не пришлось. Брошенные вслед копья и дротики поразили пустоту на том месте, где только что, извиваясь по-змеиному, пробежала коротколапая тварь.

Время уносить ноги, осуществляя план по спасению собственной жизни и попутно племени Водяных Крыс. Опоздаю – второго шанса судьба не предоставит. Крохотного шансика на удачный исход дела. Вперед, к хижине, то есть «дворцу» Ран-Джакала. Ненавижу крутые

подъемы и тропки-серпантины, выющиеся вокруг скал. По ним бегать трудно, и при плохом освещении есть риск сорваться в пропасть. Не, с пропастью я загнул, у скалы Озерного Владыки она не очень-то глубокая, до воды метров тридцать в самой высокой точке. Бегу, не оглядываюсь. Чего я не видал? Перекошенной морды с торчащими из нее костями? Мне хватает топота за спиной, ясно дающего понять: чудище близко. Беги, Сандэр, беги!

Вот, блин! Прямо на дорожке к дому вождя столпилась детвора с мамашами. Наверное, подумали, дворец послужит надежной защитой. Шли бы на женскую половину острова, там безопаснее. Ну, чего стоите?

– Прочь отсюда! Бегом! – кричу на ходу.

Меня услышали, потом увидели вместе с приближающейся тварью. Она, судя по звукам за моей спиной, восстановилась и перешла на прыжки. Мне бы ее регенерацию. Ушибленная нога разрывается от боли.

Взрослые синьки правильно оценили ситуацию и, похватав ребятню, рванули с дорожки. Переключится на них сволота? Замедляюсь, дав возможность тварюге сократить расстояние между нами, оборачиваюсь и ору ей непечатное русское выражение. Не отвлекаться, выдра облезлая! Тут я, тут, лапу только протяни. Человек вкуснее троллей, за ним гоняться интереснее. Вон сколько уже приключений на твою голову свалилось по моей вине. Будет что вспомнить на том свете. Движешься за мной? Хорошо. Дальше побежали.

Дом вождя нынче охраняют плохо. Точнее, вовсе не охраняют. Вся служба безопасности под руководством Крайпа дружно останавливала потустороннее существо, напрочь забыв о неприкосновенности жилища Ран-Джакала. Ай-яй-яй. А ну как воры заберутся в дом и обворуют сокровищницу, расположенную возле приемного зала? И прощай мечты о всеобщем перевооружении племени. Даже на вышках никого. Так нельзя, ребята. Вдруг к нам нагрянет авиация противника? Одно слово: синекожие. Никакой дисциплины. Либо специально начальник приказал бросить все силы на уничтожение гостя из Серых Пределов. Я не жалуясь, мне на руку отсутствие охраны у «дворца». Глядишь, не пропустили бы, а мне внутрь надо, в приемный зал.

Благо у троллей двери ставить не принято. Срываю завесу – обзор не мешает – и вбегаю в дом. Пляшет пламя светильников на стенах. Срываю ближайший и оборачиваюсь к монстру. Лампу в моей руке он игнорирует, несется бронепоездом к заветной цели. Ну да, ну да. Светильник по сравнению с горящей головней из костра жалкий огонек. Вреда не причинит, не ослепит.

Запущенный светильник угодил в лоб твари, расплескав по башке и шее горючее масло, вспыхнувшее синим пламенем. Неприятно, да? Ослепшее чудовище, двигаясь по инерции, на полном ходу въехало в столб с засушенными вражьиными головами. Столб, кроме устрашающей функции служащий опорой потолку, сдвинулся, но устоял. Второго прямого попадания снарядами типа «пришелец из Серых Пределов» не выдержит. Висящие на столбе сушеные головы всмятку, волосяные веревочки занялись огнем, как и звериные шкуры, устилавшие пол. На них капало, стекая с уродливой башки, горящее масло. Уф-ф, еле успел увернуться – участь столба ведь мне предназначалась.

Существо заскулило. Впервые слышу от него какие-то звуки, и они мне нравятся. Скулит – значит, больно.

Ослепленная тварь заметалась по залу, попеременно врезаясь то в столбы, то в трон. Я же закидывал ее светильниками. От удачных бросков на морщинистой коже появлялись новые очаги синего пламени, скулеж сменился тихим воем. Огонь распространялся по залу, запылали шкуры под лапами монстра, опорные столбы и стены, увешанные боевыми и охотничьими трофеями. Подхватив копьё с металлическим наконечником, их в зале великое множество, я выскочил из зала и дома Ран-Джакала. Хочется верить, он на меня не обидится, увидев учи-

ненный пожар. Его же племя спасаю. Из дыры в крыше валил дым, затмевая звезды. Занавешивавшая вход шкура трещала от поселившихся на ней огненных языков. Конец дому.

Из пламени доносился жуткий вой. Тварь в зубах полубога молчала, а тут проняло. Несгораемое масло будет жарить ее, пока не сожжет до пепла. Светильники, заправленные им, горят долгие годы, пока не ослабнет колдовство. Искренне желаю существу поскорее отойти в мир иной, чтобы не мучиться. Хотя за Сларка и убитых синек пускай пострадает подольше. Бр-р, какой я кровожадный, однако. И справедливый.

Вой прекратился с обрушением жилища вождя, случившегося спустя несколько минут. К тому времени на скалу подошел десяток синек во главе с Ран-Джакалом, опирающимся при ходьбе на алебарду. Выглядит напряженно, при виде развалин ноздри у него начинают раздуваться. Нервничает. Не огрести бы за благое намерение избавить мир живых от пакостной нежити.

Озерный Владыка посмотрел на меня, потом перевел взгляд на руины, и лицо его окаменело. Обломки закрипели, обгоревший столб загрохотал, скатываясь вниз, и из огня поднялась тень. Жар обволакивал продолговатое истончившееся тело, поддерживаемое черными лапами, похожими на обугленные ветки. Темная клякса, обьятая пламенем.

Когда же ты сдохнешь, а?

Тварь неестественно тихо соскользнула с груды обломков, припала к земле и прыгнула. Дротики охотников опоздали, существо двигалось почти неуловимо для глаза. Резкая боль в груди от мощного удара, и я, задыхаясь, отлетел к краю площадки перед догорающим домом. Подъем, быстро! Перекатываюсь на живот, вскакиваю. Больно. Грудную клетку раздробило, что ли? Неживой зверь тут как тут, прыгает на меня, увертываясь от копий и дротиков. Проклятье, копьё-то упустил при падении, нож достать не успеваю. Хватаюсь за пылающую шею и отстраняю от себя обуглившуюся морду, ощущая когти, секущие мои плечи, грудь и живот. Сволочь! Убью! Не знаю как, но убью! С того света достану!

Я четко услышал хруст, напомнивший ломающуюся сухую ветку, и наступила привычная тьма без звуков и запахов, полная боли и жажды жизни.

Следующим увиденным мною была физиономия склонившегося Глубинного Жреца, с интересом разглядывающего меня. За ним высились светящиеся зеленым стены святилища.

– Приветствую, – пробублькала дедушка Тланс, заметив мое пробуждение. – С возвращением! Тролли считали тебя мертвым, когда мои дети принесли сюда твоё тело. Впрочем, так оно и было.

Ничего себе речи! Я поворочался. Ничего не болит, чувствую себя отдохнувшим и бодрым. Портит немного настроение лишь место, где я валяюсь. Корыто со зловонной жижей. Меня обмотали, словно младенчика в роддоме.

– Ты и есть новорожденный, – прочитав мысли, ошарашил морлокский дед. – Считай, сегодня твой день рождения.

Хм-пф... Дедушка, извини, но мог бы ты объяснить нормально, без пугающих сравнений и метафор?

Глубинный Жрец беззвучно расхохотался.

– Ты веселый человек, Сандэр, – проквашал он. – Странностей не ощущаешь? В своем разуме, в теле, в духе?..

Прекрасно себя чувствую. В разуме и духе аномалий не обнаруживаю. Можешь не говорить загадками? Расскажи о происшедшем на острове за время моего отсутствия. Что стало с тварью, напавшей на деревню? То существо уничтожили? Как моя сестренка? Как дела у Водяных Крыс?

– Столько вопросов, столько вопросов... – задумчиво протянул дедушка Тланс. – Ты разве не помнишь последних мгновений до потери сознания?

Ну, припоминаю. Огонь, пожар, бессмертная тварь кинулась на меня и хорошенько покромсала. Что она такое?

– Воплощенный злой дух, лоа. Очень сильный и свирепый дух, вселенный в звериное тело при помощи колдовства и получивший от призывателя великую силу. Чем сильнее одержимый зверь, тем труднее управлять им, поэтому шаманы редко создают их. А дальше помнишь?

А дальше я проснулся здесь.

– Хм... – морлоки, оказывается, хмыкать умеют. – Ты победил его. Одержимого зверя. Вытянул злой дух из телесной оболочки и заключил в темницу твоей. Раны и пламя обессилели его, он ослаб, поэтому был пойман тобой. В мире духов всегда слабый подчиняется сильному.

Э... Дед, ты не путаешь? Я же вроде ничего не делал особенного. И магией не владею совершенно. Может, та тварь издохла вовремя.

Древний морлок прикоснулся холодным пальцем к моему лбу, и мозг пронзило током. В сознание вторглись видения. Скала, костер вместо дома вождя, кучка синеккожих и борющиеся на земле человек и объятые синим пламенем угольно-черное существо. Человеку не позавидуешь, его грудь и живот под когтями огненного зверя обратились в кровавую кашу. Наверняка внутренности повреждены, из груди торчат осколки сломанных ребер. Руки обожжены.

Это я?!

Оба противника слабеют, их движения становятся вялыми. Тролли, пришедшие на помощь парню, пронзают тварь копьями и дротиками, из-за чего она похожа на изуродованного дикобраза из фильма ужасов. Ее пробуют оторвать от человека, однако она вогнула ему под ребра когти и не отрывается. Человек ломает ей шею, оба обмякают, и она валится на него, обжигая мое без того раненое тело.

Мое? Жутко осознавать это. Я действительно должен быть мертв. Видение тускнеет и пропадает, сменяясь рыбьей рожой морлока.

– Ты жаждал забрать врага с собой в Серые Пределы, – пояснял Глубинный Жрец. – Достойное храброго воина желание. И злой дух подчинился. Только вот путешествие за Грань не принесло ожидаемого результата. Дух, захвативший зверя, был пленен тобой и не смог уйти.

Короче говоря, хочешь сказать, оно сидит во мне?

– Верно. Ослабленный, присмиривший, скованный цепями твоей воли. У тебя, Сандэр, проявилась редкая способность ловить духов и содержать в себе, получая от них силу.

Твою дивизию. У меня сейчас крыша поедет. Я – сосуд для духов, ходячая ловушка для привидений. Охренеть просто. И во мне отныне живет тварь, чуть не покончившая в одиночку с племенем Водяных Крыс.

– Не страшись своей судьбы. Ловить духов – великий дар, им обладают единицы. Научись им правильно пользоваться – и получишь от него большую выгоду. Шаманы троллей мечтают о подобной способности.

И какие бонусы я могу поиметь? Честно говоря, не представляю пользы от совместного проживания в одном теле хотя бы двух духов, один из которых мерзкая кровожадная тварь.

– Ты прав, тебе есть чего опасаться. Если твой дух ослабеет, пойманные освободятся и могут поглотить тебя. Тогда превратишься в того, кого вы, люди, называете чудовищами, а мы, морлоки, – одержимыми зверями. Боль, телесная и духовная, приводит к духовной слабости. Дух слабеет во сне, при болезни и тяжелых ранениях. Поэтому ты обязан стать сильнее и научиться пользоваться своей способностью с выгодой для себя. Научившись, сможешь повелевать пойманными духами и поглощать их, восстанавливая свое здоровье и запас колдовской силы.

Нехилые бонусы. Но минусов для меня больше, чем плюсов. Точнее, плюсов практически нет для неуча в плане магии, каковым являюсь я. Пользоваться способностью ловли духов правильно не умею – без этого выгоды никакой.

– Научишься. Постепенно, с опытом, за десятки лет. На ошибках. Если справишься с пойманными духами. Ловить уже умеешь.

Угу. Поймал одного, и дальше что? Тварь вырвется, стоит мне крепко уснуть или заболеть. Нет, спасибо, эдакое «счастье» я бы добровольно не принял без инструкции к эксплуатации. Мне нужно научиться управляться с этой гадиной в кратчайшие сроки, чтобы плохого не случилось. Самоучителя для ловцов духов никто не придумал?

– Я тут не помощник, Сандэр. Могущественный Дагон не одаряет нас подобной способностью. Ловцы духов, как ты, рождаются у людей и троллей крайне редко. За всю жизнь я знал лишь двух, считая тебя.

Отсюда подробнее, пожалуйста. Имена, явки, пароли того, другого кудесника. Он жив хотя бы?

– Мне неизвестно, прервалась ли нить его телесного существования. Он стал величайшим шаманом племени Черного Копья задолго до прихода на наше озеро Гварда Зверолова и Ран-Джакала. Его имя обросло легендами, слава о нем выходила далеко за границы тролльих лесов. О нем шептались на военных советах вожди орков, эльфов и людей, ибо врага страшнее встречали не так часто. Со временем он исчез в лесах, подобно многим великим шаманам. Его имя Зораг-Джин. С раннего детства он умел ловить духов, чем прославился у народа троллей. Людские и эльфийские волшебники, равно и орочьи шаманы, боялись его.

Колоссально мощный, должно быть, шаманюга. О ловле духов знает побольше любого мага и уж точно дедушки Тланса. Задать бы ему пару-тройку вопросов о нашей с ним общей способности.

– Не представляю, куда он ушел, – ответил на мои мысли старейший морлок. – Но лучше бы тебе не искать с ним встречи. Зораг-Джин помимо дара ловца духов прославился ненавистью к другим расам. Будь он жив – наверняка откажется учить человека.

Конкретики, уж прости, дед, в твоей речи маловато, сплошь расплывчатые возможности. Проверять буду опытным путем. Могущественный шаман, говоришь? Что ж, подготовлюсь к встрече. Разговор о нем отложим ненадолго – хочется узнать, как ты меня с того света вытащил. И распеленай меня, в конце концов. В коконе неудобно. Чем дольше нахожусь в «пеленках», тем больше чувствую себя гусеницей.

– Попробуй сам освободиться.

Э, дед, ты чего, обиделся? У меня и в мыслях не было тебя обижать.

– Ты неверно понял. Твое тело чуть не погибло. Ожоги, рваные раны от когтей и зубов, сильное кровотечение. Пришлось применить крайние меры. Я накормил тебя теплой плотью сына Дагона, напоил горячей кровью и обмотал его нутряным жиром, моля нашего бога смиловаться и возвратить твой дух из Серых Пределов и Предвечной Тьмы. И бог сжалился, вняв просьбе смиренного раба. Отныне частица силы сына Дагона в тебе. Благодаря ей ты выжил и полностью исцелился. Жаль, не могу определить, навредило ли твоему духу путешествие в мир мертвых. Позже сам поймешь.

Хватит меня пугать, ладно? Будет нехорошо – обращусь к тебе. Для нас с Лилькой и Водяных Крыс есть хорошие новости?

– Есть, – Глубинный Жрец провел костяным ножом по моей «обертке», разрезая жировые слои. – Отведав плоти и крови полубога, ты стал сильнее, выносливее и быстрее. Остальное расскажут твоя сестра и вождь Ран-Джакал.

Еще одно. Почему ты не помог Сларку? Он нуждался в твоей помощи.

Древний ихтиан покачал головой.

– Я не мог рисковать собой и потомками. Одержимый зверь, спавший внутри него, неуязвим к магии разума. Привести Сларка сюда значило бы уничтожить озерных морлоков и лишить Водяных Крыс моей защиты. Сын Дагона не остановил зверя, а мне требовалось время, дабы воззвать к нашему богу.

Ты знал о существовании и никого не предупредил?

– Не злился, Сандэр. Я подозревал, узнав о гибели потомков на большой земле, но точных сведений у меня не было, поэтому не сказал Ран-Джакалу. Гурама Ведьма считалась достаточно опытной, чтобы обнаружить злого духа и предупредить троллей. К сожалению, я переоценил ее. Она отправилась в Серые Пределы. Племя лишилось талантливой целительницы. Водяные Крысы той ночью потеряли множество отличных мужчин и женщин.

С морлокским дедом не поспоришь, потери у островитян ощутимые. Полубог один чего стоит. Не напали бы теперь на племя соседи, почуяв слабость.

Глубинный Жрец в который раз тихо засмеялся.

– Сына Дагона трудно убить. Одержимый зверь выел ему внутренности, уничтожив тело, однако не поглотил могучего духа полубога. Сын нашего бога будет возрождаться, пока существуют великий Дагон и поклоняющиеся ему морлоки и тритоны.

Все равно Водяные Крысы временно без божественного отпрыска. Следовательно, они уязвимее. Кстати, Гвард не вернулся?

– Он далеко отсюда.

Дедушка Тланс развернул жировую сетку, окутывавшую меня, и отсел. Я потянулся, разминая спину, конечности. До чего приятно быть свободным! Легкость небывалая. Кажется, оттолкнешься ногами и взлетишь. Не верится в недавние ранения. И шрамов почти не осталось. Маленькие, тоненькие рубцы.

– Оденся, – морлок указал на сложенную стопкой одежду на камне, – и ступай. Лилиана два дня ждет на берегу поблизости от входа в святилище. Вместе пойдете к вождю. Она знает, где Ран-Джакал.

О, с сестренкой все в порядке! Быстренько натянув штаны и рубаху и обувшись в потертанные кроссовки, я распрощался с дедулей и поспешил по подземному ходу на берег. Там, сидя на россыпи камней, смотрела вдаль Лилька. Я ее сначала не узнал. Незнакомая белобрысая девчушка в светлом платье до щиколоток. Увидела меня, прыгнула, заплакала и бросилась мне на шею.

Сестренка, сестренка, где же твои русые волосы? Серебряные пряди вместо них, и взгляд совсем не детский. Глажу ее, обнимаю, а в горле комок застрял, не могу ни слова произнести. Так и стоим. Она плачет, я молчу.

До нынешнего жилища вождя мы дошли вечером. На скале расчистили территорию для строительства нового «дворца» и установили опорные столбы. Бездомный Ран-Джакал с изрядно поредевшей охраной проживал в просторной пещере у пристани. На острове полно подземных пустот. Раньше их занимали морлоки. Ихтианы потеснились с переселением синеккожих с большой земли. Тролли устроили в пещерах хранилища и пользовались ими как укрытием на случай нападения врагов. Жить синькам в них не нравилось.

Озерный Владыка днем руководил работами по восстановлению пирса и строительству своего дома, ночевал под землей. Дорогущие звериные шкуры и ткани сгорели в пожаре, довольствоваться ему приходилось соломенным тюфяком, сиротливо заткнутым в темный угол. До старого приемного зала пещера недотягивала по богатству убранства. Ни засушенных вражеских голов, ни трофейного оружия и сокровищ. Голые каменные стены, колченогий табурет и связки копий и дротиков справа и слева от него, поставленные для приличия. На сиденье пестрая цветная циновка, за табуретом обязательный атрибут приемного зала – костер, подчеркивающий статус хозяина. Когда нас с сестренкой провели туда, вождь мерил шагами неровный пол. Садиться на «трон» для чинного приема посетителей он и не думал.

– Долгих лет, вождь, – поздоровался я, по правилам тролльского этикета показав пустые руки в знак искренности.

– Здравствуй, Кан-Джай, – кивнул Озерный Владыка.

Он ко мне обратился? Меня Сандэр зовут вроде бы.

– Привыкай к своему имени, Кан-Джай. Присаживайся, поговорим. И ты садись с братом, маленькая Лило. Брагга, неси поесть, гости голодны!

Вот это да. Мне дали имя. И не просто имя, а имя-титул. В обществе троллей молодого воина, не совершившего ничего примечательного, презрительно называют Безымянным. Имена дают после боевого крещения, убийства врага и необыкновенно смелого поступка. Титул означает социальное положение, им награждает вождь имеющего заслуги перед племенем и лично владыкой. «Кан» – Огненный, и «Джай» – Ловец Духов. В итоге отныне синекожие меня будут величать Огненным Ловцом Духов, и никак иначе. С ума сойти.

В зал женщины внесли циновки и блюда с жареным мясом, рыбой, фруктами, расставили кувшины с водой, пивом и самогоном. Разговор предстоит серьезный. Ран-Джакал усадил нас и расположился, скрестив ноги.

– Гин-Джин рассказал о вас, – заговорил Озерный Владыка. – Вы попали к нам из другого мира, у вас нет опоры здесь, не на кого положиться. Ни дома, ни родичей. Одни в Лантаре. Это правда?

И к чему он ведет?

– Ты не доверяешь верховному шаману, вождь, раз спрашиваешь у нас?

– Гин-Джин смертен, а даже бессмертные могут ошибаться.

– Гвард все верно сказал.

– Хорошо. – Ран-Джакал повернулся, достав из-под табурета завернутые тряпками предметы, развернул. Мое оружие из подземелья Проклятой Башни! Никогда не видел его настолько чистым. Вычищенные до блеска клинки словно только из кузницы. Вождь протянул мне копье и топор, держа одной рукой. – Воин без оружия – все равно что тигр без клыков. Оно твое.

Это как понимать? Мы больше не пленники?

– Ты спас моих жену и сына, спас мой род, покончил со злым духом. Вы вольны идти куда пожелаете. Гин-Джин не посмеет выдать вас человеку в форте, и никто из Водяных Крыс не причинит вам вреда. Мои воины проводят тебя с сестрой до имперской границы, Кан-Джай.

М-да... Изумленный свалившимися свободой и признанием синекожих, оказывается, умеющих быть благодарными, я молча слушал Ран-Джакала. Замельтешили варианты нашей жизни в империи. Без денег, знания языка и обычаев мы там никто. Жить негде. Зверомастер, помнится, обещал нас пристроить и всячески помогать, да это в случае успеха задуманной им авантюры.

– Уже думал, куда податься? – вождь налил в деревянную кружку пива и отпил, заев кусочком жареной рыбы. – Имперцы вам не обрадуются. Золото у них ценнее поступков.

– Придумаю что-нибудь, – я примерился к перепелиным тушкам, нанизанным на прутик и политым грибным соусом.

Голод ощущаю волчий. Быка целиком съел бы.

– Хотите – оставайтесь и живите в племени. Мне нужны хорошие воины, а ты еще и ловец духов. Гин-Джин сказал, у Лило талант к магии животных. При знающем учителе она станет великим зверомастером. Гин-Джин – лучший шаман озерных краев, он передаст ей свои знания. Вы прославитесь среди троллей, железозшкурных и остроухих.

Прямой мужик, предложил без всяких хождений вокруг да около. Картина полностью ясна. Ран-Джакал рассчитывает, мы присоединимся к нему. Водяные Крысы переживают плохие времена, и в этом, возможно, отчасти наша вина. Тварь послали за нами, островитяне попали под удар и в результате потеряли массу народа. Племеню необходимо пополнить ряды бойцов и колдунов, и тут мы подвернулись, ловец духов и потенциальная волшебница. Между прочим, не удивляюсь таланту сестренки. Догадывался о нем с тех пор, как с Гвардом познакомился.

Предложение предводителя Водяных Крыс звучит соблазнительно. Типа достойная работа, высокое положение в обществе, бесплатное обучение в престижном вузе имени Гварда Зверолова, соединяющем имперскую и троллью системы обучения, перспектива карьерного роста, слава. Все замечательно, да вот терзают меня смутные сомнения. В лесах у нас довольно специфическое будущее обрисовывается, связанное с постоянным риском. Оно нам надо? Лилька посидела за несколько суток, и ведь происшествия вроде случившегося нападения магического существа нам у синек обеспечены. С другой стороны, вождь прав, без денег в империи иностранцам туго. Мы не граждане империи, то есть нам будет вдвойне хуже.

– Что скажешь, Лиль? – нагнулся я к уху сестренки.

– Не хочу быть здесь, – прошептала Лилька. – Но соглашусь с твоим решением, каким бы оно ни было.

– Спасибо, Лиль, – я сжал ее ладонь и обратился к Ран-Джакалу. – Мы остаемся, вождь. На время. Скажи, ты выполнишь мою просьбу?

– Говори, Кан-Джай.

– Ты великий воин. Передай мне свои знания. Научи сражаться, преследовать добычу и запутывать следы.

– На ученье уйдут годы, – усмехнулся тролль.

– Это слишком долго. У меня есть способ побыстрее.

Интерлюдия вторая

Зораг-Джина трудно было удивить, однако Лар-Джуру, пришедшему в уединенное жилище старого шамана на Змеином болоте, это почти удалось. Ученик с содроганием в сердце смотрел на изменившегося в лице учителя и молил предков, дабы миновал его гнев, обуявший Говорящего с Духами.

– Человечишка с Водяными Крысами смогли отправить в Серые Пределы мою Гончую, я верно расслышал тебя? – черные поблескивающие глаза сузились, превратившись в узенькие щелочки, пышущие яростью.

Зораг-Джин ненавидел дурные вести. Молодому шаману вспомнилась страшная история о посланце, сообщившем великому колдуну о поражении воинов Черного Копья у Камня Духов. Разозленный старик будто бы превратил несчастного в жабу и натравил на него свою ручную змею. Правда это или досужие сплетни – Лар не знал. Слухам он не придавал значения, покуда не сталкивался нос к носу с их источником, порой оказывающимся пострашнее выдуманных чудищ. Невольно взгляд ученика скользнул по плетенной из лозы большущей корзине, где спокойно дремала свернувшаяся кольцами сторожевая кобра. По малейшей прихоти хозяйина она проснется и стрелой вылетит из убежища. Лар как-то видел ее охотившейся на болотах. Голова величиной с волчью, длинное темное тело, стремительное, точно молния. Она вмиг скрутила забредшего на болота полудикого огра и убила его одним укусом, он и размахнуться дубиной не успел. Первый учитель молодого шамана, Нир-Джин, говорил, у старика есть змеи и побольше. Они спят в болотах, великие змеиные владыки и их дети, белые от времени и огромные, словно древесные стволы. Зораг-Джин знает чары, пробуждающие их от векового сна.

– И мягкотелая девчонка выжила? – скрипнул пеньками зубов старый колдун.

– Да, учитель, – склонился ниже Лар.

Величайший шаман Черного Копья взял его в ученики недавно, по просьбе вождя. Сильному племени нужен сильный шаман. Все ученики болотного отшельника были могучими чаротворцами.

– А Рак-Джакал и его спутники? Они уцелели?

– Да, учитель. Данные вами амулеты защитили их от гнева Гончей. Все произошло, как вы сказали. Гин-Джин и Водяные Крысы увели у нас добычу. Мягкотелый, старший брат девчонки, погиб от когтей одержимого зверя, и гигантская рыба морлоков, защищавшая остров, тоже. Я видел их смерть. И гибель многих мужчин и женщин племени. Дух Гурамы Ведьмы отлетел в Серые Пределы.

– Гурама, старая карга, – зло осклабился Зораг-Джин, откинувшись на спинку покрытого кожей виверны стула. – В молодости доставила она хлопот Черному Копью. Я истребил Медведей-Призраков, ее родное племя, и она с горсткой выживших пошла к Ран-Джакалу, вернувшемуся из людских земель. Вместе с его наемниками они подались на озеро, преследуемые злыми духами, насланными Ниром, моим предпоследним учеником и твоим учителем. Там снюхались с рыбоголовыми и выжили. Озеро всегда принадлежало морлокам. Выбить отродья рыбьего божка оттуда не по плечу нашим шаманам, сколько они ни пытались. Правда, я с ними дела не имел. Потому они и держат остров в своих цепких пальцах. Гурама, Гурама... В молодости она славилась красотой, к ней сватался отец нынешнего вождя Черного Копья. Хорошо, что ее больше нет в мире живых. Каков ответ Ран-Джакала? Он не присоединится к охоте на мягкотелых?

Ученик в который раз поразился прозорливости старика. Зораг-Джин, выслеживая людшек у Проклятой Башни, явился Лару во сне, приказав отрядить посольство к Водяным Крысам и разузнать, находятся ли на острове люди кроме Гин-Джина. Поводом к посещению ост-

рова стало предложение вождю Ран-Джакалу примкнуть к набегу на пограничные людские селения, организованному Черным Копьем и соседними племенами.

– Нет, учитель. Водяные Крысы слишком... – молодой тролль запнулся, подыскивая подходящее слово, позаимствованное у имперцев, – человеколюбивы.

– С верховным шаманом-человеком его ответ естественен. Озерники предупредят людшек, в воду не гляди, и железошкурные подготовятся. Я бы на месте вождя Черного Копья напал на остров, перед тем убив Гин-Джина и Ран-Джакала. Рыба-защитник мертва, против колдовства морлоков есть амулеты. Самое время.

Престарелый Варн-Джакал так бы и поступил, кабы не страшился Гин-Джина, учинившего резню позапрошлой зимой в битве за Камень Духов. О, предки, верховный шаман Водяных Крыс действительно хорош в управлении духами зверей и птиц. В том бою ему не было равных. Он перебил в одиночку четверых учеников Нир-Джина, а каждый из них примерно равнялся по силе колдунам приозерных племен, подчиненных островитянам. Лар не имел понятия о замыслах пожилого владыки, но был уверен в его бездействии относительно человека, называемого жителями людской крепости Гвардом Звероловом.

– Я не ведаю о помыслах вождя, – покачал головой ученик.

– Глупец! – вспыхнул учитель, и молодой тролль сгорбился, готовясь рвануть прочь из хижины. – Трусливый шакал! Варн труслив, точно его мать, жалкая зеленокожая орчиха. А ведь я убеждал его отца проткнуть копьем вместе с ней ублюдка, зреющего в ее животе. – За любое из произносимых болотным отшельником в адрес матери оскорблений Варн-Джакал мог бы заживо содрать кожу с наглеца. Разумеется, если бы старый шаман внезапно лишился всей колдовской силы и лежал без чувств. – Варн недостойн править племенем, и он скоро уйдет в Серые Пределы, убитый глупостью и трусостью. За ним придут железошкурные либо Водяные Крысы.

– Учитель! – слова сами собой сорвались с губ Лар-Джура. Произнося их, он чувствовал, что делает неправильно, но не мог остановиться из страха. Он боялся гнева учителя и хотел отвести от себя беду, вызвавшись на трудное и опасное дело во благо племени и старого колдуна. – Позвольте мне отомстить за поражение Гин-Джину! По силе не уступаю ему. Ненависть сжигает мои внутренности!

Гнев на лице великого шамана угас, сменившись задумчивостью.

– Ты смелый мальчик, я не хочу твоей гибели, – сказал он мягко. – Тебе недостает опыта. Через зиму обучения у меня ты сможешь противостоять Зверолову, через две выйдешь победителем из схватки с ним один на один. Хочешь убить его – ступай к верховным шаманам трех племен, участвовавших в охоте на мягкотелых у Проклятой Башни. Расскажи им о Гин-Джине, уведшем добычу у них из-под носа, о людях на острове Водяных Крыс. Гордость шаманов уязвлена, они захотят отомстить за неудачу. Направь их усилия. Затем пойдешь к вождю Черного Копья и убедишь устроить западню шаману Водяных Крыс. Пусть привлечет своих союзников среди приозерников. Ты позаботишься о том, чтобы подозрение не пало на наше племя. Ран-Джакал не должен знать, откуда на самом деле нанесен удар. Потом передай Варну собрать вождей на совет по нападению на Вал. Пускай обязательно пригласит озерников и проследи, чтоб пришли владыки Водяных Крыс и несогласных с началом войны племен. Я приду на совет и решу их участь.

Учитель никогда не проигрывал войн по двум причинам. Зораг-Джин очень силен в колдовстве и просчитывает свои и вражеские действия до мелочей, не оставляя противнику шанса на победу. И он всегда доводит до конца начатое, каким бы безнадежным ни казалось дело. Неудача у Проклятой Башни, должно быть, разозлила его, и сейчас, узнав ее виновника, болотный отшельник стократно отплатит ему.

– Лар-Джур, что тебе снится в последние ночи? – неожиданно спросил старый шаман.

– Обычно я редко помню сновидения, учитель, – не понимая, к чему Зораг-Джина заинтересовали его сны, ответил Лар. – В последние ночи я мало спал, из приснившегося помню тьму, окутывающую меня всякий раз, когда смыкаю веки.

– И тебе ничего не подсказывает предчувствие?

Молодой тролль, ощущая подвох, вслушался в себя. Разум и дух успокоились, уподобившись водной глади в безветренную погоду. Чувства обострились, в уши проникли десятки новых звуков, нос защекотали неведомые запахи. Ученик отгородился от них, все глубже погружаясь в мир духов, где законы мира живых значат не больше развеянного по ветру пепла от погребального костра. Пустота. Тишина. И чувство приближения чего-то невероятного, чья тень пала на Лар-Джура тяжелым грузом, придавила, выдавив воздух из груди. Задыхаясь, он вынырнул в мир живых, обрушившийся на него потоком ярких красок, звуков и запахов.

– Оно... оно грядет, – прошелестел одними губами Лар.

– Грядет, – повторил за ним Зораг-Джин. – И я хочу узнать, что грядет в наши леса. Ступай, ученик. Сделай все, как я велел, и станешь следующим верховным шаманом Черного Копья.

Глава 13

Возвращение зверомастера

Больше двух недель миновало с ухода Гварда из островной деревни. Затянулась командировка в область, что называется. Обещал-то возвратиться через несколько дней. Впрочем, по нем мы с Лилькой не горевали, своих забот по горло.

Сестренка, поначалу ходившая за мной по пятам, сдружилась с Зераной, унаследовавшей мистическую силу Гурамы-наставницы и принявшей почетное звание Ведьмы. Вместе девчонки проводили часы напролет. Лилька изменилась после нападения внешне и внутренне. Стала молчаливой, более серьезной, перестала улыбаться и училась, училась, училась. У меня складывалось впечатление, что она захотела любой ценой стать мне здесь, на острове и в Лантаре, по-настоящему полезной, потому выпытывала у троллихи секреты травничества и колдовства. Виделись мы в итоге реже. Обычно я навещал ее по вечерам на Могильной Скале, куда они с Зераной переселились. Сестренка спрашивала обо мне, отмалчиваясь о собственных делах. На вопросы о жизни и обучении целительству отмахивалась, отвечая универсальным: «Все нормально. Как у тебя?»

У меня жизнь была ключом, причем преимущественно по голове, приняв образ вождя и его телохранителей. За успешной имплантацией памяти Ран-Джакала потянулись бесконечные тренировки, закрепляющие полученные знания. Лидер Водяных Крыс со товарищи ежедневно изматывал бедного меня до состояния ходячего и говорящего овоща. Будил спозаранку, вручал копье, набитые булыжниками сумки и гонял по острову, по скалам и берегу, приставив приглядывать кого-то из ребят-охранников. На протесты, мол, угробите меня, гады, синекожие инструкторы ржали и приговаривали, дескать, сделают из меня настоящего воина, без вариантов.

Дед Тланс, помню, говорил: отведав плоти полубога, я стану сильнее, выносливее, быстрее. Да, нагрузки, щедро даваемые синемордыми мучителями, прежнего Сашу Стрельцова убили бы. Полуживой я доползал до финиша и, подгоняемый руганью, плелся километр к берегу, купаться и отдыхать. Потом упражнялся с оружием. Тыкал копьем хилые островные деревья, кривые и тонкие, словно специально, чтобы попасть в них было сложнее. Метал топоры, поодиночке и по два сразу. Тоже в деревца. За непопадание бдительный инструктор хлестал меня крапивой по плечам, за попадание давал минутку посидеть на камешке. Откидавшись, приступали к ножевому бою.

Тролли чуть ли не с рождения умеют управляться с этими тремя видами оружия. Копье, топор и нож необходимы для выживания в лесу, составляя минимум предметов, с которыми синька отправляется на охоту. Лук считается у синекожих орудием слабаков и трусов, к мечам они непривычны, к дубинам и булавам относятся прохладно из-за тяжести и, следовательно, медлительности. Тролли полагаются на силу в сочетании с ловкостью, в отличие от мощных огров и быстрых эльфов.

Остроухих они ненавидят, отсюда неприятие луков, исконно эльфийских орудий убийства. В ножевом бою синьки мастера и дадут фору любому зарвавшемуся любителю поножовщины другой расы. Кроме разве темных эльфов, в ловкости превосходящих представителей иных народов. Ран-Джакал, местная легенда, лично натаскивал меня в бою топорами и ножами.

За неделю тренировок я порядочно похудел и порвал подаренную зверомастером одежду. Зато заметил ощутимый прогресс. Полосу препятствий пробегал быстрее, бросал топоры и бил копьем точнее, на ножах побеждал бодигардов в одном бою из пяти. Для человека – результат ого-го.

Я уже планировал перейти к тренировкам на большой земле, в лесу. Руки чесались опробовать обретенные охотничьи знания на практике. Вождь добро дал, подобрал охотников в

экскурсоводы-инструкторы. В назначенный день, рано утром, поход пришлось отложить. Вернулся Гвард.

К его приходу пристань починили и достраивали дом Озерного Владыки. Ступив на берег, маг обозрел причал и хижины и сказал на общеимперском:

– Всеобщий ремонт надумал делать, Ран? Или, пока я отсутствовал, прошла война?

– Много чего случилось, – пожал ему руку предводитель Водяных Крыс. – Насчет ремонта ты прав. И про войну близок к истине.

– То-то я смотрю, гости при оружии, – отметил мой копьё и заткнутый за пояс топор зверомастер. – Здравствуй, Сандэр, – поприветствовал он на чистом русском. – Рад тебя видеть.

– Привет, – кивнул я.

– Будь любезен, подожди у моей хижины. Нам есть о чем побеседовать.

Ишь, какой проникательный. Узнав новости, само собой захочешь поговорить. Догадываюсь о чем. Эх, жаль, тренировка в лесу откладывается. С Гвардом действительно надо обсудить кое-какие моменты. Особенно обучение у него Лильки. А то исчезнет опять, ищи потом ветра в поле.

В пещере Ран-Джакала маг задержался до полудня. Представляю его стресс при сообщении о нападении на остров и моем продвижении в иерархии племени. Оставил, понимаешь, бесправного пленника, а нашел вип-персону Водяных Крыс.

Ожидание волшебника принесло массу положительных минут. Карлик предоставил гостиную шамана в мое распоряжение, притащил лепешек с рыбной икрой, родниковой воды в кувшине, ягод. О, блаженный покой! Мечтал о нем с первого дня тренировок. Полулежа на циновке, в прохладе комнаты, поглощая вкуснейшие блюда гоблинского приготовления.

Зверомастер вошел бесшумно и присел в кресло за столом. Физиономия постная – видать, не очень хорошие вести услышал от вождя. Сцепив пальцы, он оперся локтями о столешницу и наблюдал за мной, морщась, будто от зубной боли.

– Тебе нужно переодеться, – изрек он, щелчком подзывая мертвого гоблина. Тот опрометью бросился выполнять приказ.

Для встречи со вторым лицом племени моя одежда бедновата. Дырявая и грязная чересчур.

– Как сходил в форт? – невинно поинтересовался я.

– Успешно, – промолвил на общеимперском Гвард.

Карлик приволок тук с одеждой. Кожаная куртка, льняная рубаша, расшитая разноцветными нитями, кожаные штаны. Костюм типичного охотника имперского Пограничья.

– Мои вещи тебе подойдут, у нас примерно одинаковые размеры, – продолжал говорить маг на общеимперском. – К тому же колдовские узоры на изнанке куртки сэкономят от сглаза и порчи. Переоденься, пожалуйста, и обсудим наши дела. Хочешь, прими ванну.

Купаться я не стал, хотя искушение было велико. Мыло, мочалка, горячая вода манили, но просто лежать, не двигаясь, хотелось больше. В ванне, глядишь, расслаблюсь и засну ненадолго. Я поблагодарил мага, отложил сверток и сел на циновку. Переоденусь дома, в собственной хижине, выделенной вождем. Не ахти какая жилплощадь, ящерицы и мыши ночью по полу шастают, мебели не хватает, зато моя.

– Тебе надо практиковаться в общеимперском, – назидательно произнес зверомастер. – Акцент ужасный, окончания «глотаешь».

А чего ты хотел? Ран-Джакал всю жизнь пренебрегал углубленным изучением языков, уделяя внимание военному ремеслу. От него и акцент, и неправильное произношение. Для иностранца, за которого собираюсь выдавать себя в империи, сойдет. На ломаном изъяснюсь как-нибудь. В будущем отшлифую.

– Твой взлет в племени впечатляет, – Гвард потер подбородок. Угу. Думаешь: «И на пару недель оставить нельзя». – Умеешь ты завоевывать расположение к себе, Сандэр. Теперь, когда

ты свободен и являешься частью Водяных Крыс, согласишься участвовать в нашем предприятии в крепости? Имею в виду нашу сделку относительно заказавшего найти тебя человека и его хозяина.

Гвард, ты предсказуем. Этот вопрос у тебя значится первым на повестке? Я бы с удовольствием отказался от твоей рискованной авантюры, да мои планы совпадают с посещением форта, а туда без моего согласия на помощь ты не поведешь.

– И что вы имеете мне предложить за участие в вашей афере, господин маг? – Зверомастер выпучил глаза, всем видом выражая крайнюю степень удивления. Не поймет сказанного, бедняга, знания языка не хватает. Скажу по-простому. – Условия сделки меняются, Гвард.

Что бы выторговать? Требовать платой воспоминания мага – слишком, он добровольно не даст кому-то влезть себе в разум. Деньги? Пожалуй, у волшебника есть кое-что более ценное.

– Сразу скажу, на манипуляции Глубинного Жреца не пойду. Учить магии буду сколько угодно и чему угодно, но обыкновенным способом. Я даже научу использовать твою память эффективнее.

Как и предполагалось, наш маг личность скрытная и темная, никому не позволит рыться у себя в мозгах. Я бы тоже не позволил, будь на его месте.

– Спасибо, мне от тебя нужно нечто другое. Мое участие будет стоить треть куша. Доля желательна в золотых и серебряных монетах. Магическими предметами не побрезгую. И мне нужны твои связи, Гвард, в крепости и на границе. Выложишь все о форте и его обитателях, представишь меня, кому попрошу, ладно? Я же рискую не меньше твоего, и доля должна быть соразмерна моему значению в деле.

Зверомастер изобразил каменную морду лица, стараясь скрыть эмоции. Ничего, логику никто не отменял. А по логике вещей, деваться ему некуда, без меня план летит в тартарары. Торговаться начнет.

– Пятая часть добычи – и мои знакомства твои, – подтвердил расчет волшебник.

– Треть, – стою на своем.

Деньги позарез нужны: собираюсь империю покорять.

– Четверть, – уступил маг.

– Гвард, ты хорошо слышишь? Третья часть. На меньшее соглашаться резона нет. Сам посуди. Ключевую роль приманки кто играет? Правильно, я. Кому в первую очередь может достаться от разозленного нанимателя? Опять мне. Ты-то сбежишь в случае провала, а кому грозят бесчеловечные эксперименты? И снова мне. По справедливости, мне причитается половина добычи, но я, добрый и щедрый, отдаю тебе с помощниками две трети потенциального куша.

Шаманюга наш до хруста сдал переплетенные пальцы рук. Показалось, он заскрипел зубами. Огорчен сделкой или показывает вид, прикидывая, как кинуть меня на золото.

– Сандэр, ты случайно не торговцем был в родном мире? Получишь свою треть. Завтра идем к форту. Сегодня вечером проверим ваши с сестрой умения.

Поговорив с Гвардом, я пошел на Могильную Скалу провести сестренку и обсудить с Зераной подготовку к путешествию. Идти до форта три дня по лесу, не напрягаясь, да мало ли что случится. Хочу быть более-менее подготовленным к неприятностям вроде любимых шаманами колдовских ловушек. В прямом бою редкий колдун отважится выступить против хорошего воина. Тактика тролльных шаманов основывается на ударах исподтишка, насылании вредоносных чар и сотворении чудищ. Учитывая недавнее происшествие, именно колдунов нам с Лилькой стоит остерегаться.

По дороге забежал домой и переоделся. Не то встречающие в лесу синьки примут за жертвенное мясо.

Зерану застал в их общей с сестренкой хижине. Новоиспеченная ведьма пряла из крапивы, пользуясь подаренным мною на днях веретеном. Синекожие вообще с прядением плохо знакомы. Максимум – умеют травяные веревки на колене вить. Одежда у них из звериных шкур и кожаных лоскутов, сшитых нитками из обработанных сухожилий, ткани покупают у имперцев.

Тролли – народ каменного века. Стальное оружие у них признак высокого положения в обществе, его имеют единицы. Оно дорогущее, ибо добывать руду и ковать металл они не умеют. К тому же империя запрещает продавать синькам металлическое оружие. Единственный способ безнаказанно пронести, к примеру, копье со стальным наконечником в леса – это стать наемником и отслужить в имперской армии годков пять, и то увешанного кинжалами, секирами и копьями наемника-ветерана за Вал не пропустят, попросят оставить часть амуниции в крепости на хранение.

Вместо кузнечного ремесла синекожие преуспели в обработке камней, костей и шкур. Кремневые и костяные орудия производят отличные. Ножи, топоры, наконечники копий и дротиков разных конструкций.

Зеране я подарил веретено, показал в общих чертах, как пользоваться, – благо о принципах в курсе, – да и Лилька подключилась, она об истории и технологии прядения знает от бабушки. Дальше девчонка сама разобралась методом проб и ошибок. И затянуло. Каждую свободную минутку садится, прядет, радуется. Думаю, через месяц-другой все взрослое женское население острова будет коротать вечера за пряжей и меня благодарить.

– Долгих лет, Зерана, – поздоровался я с порога.

– Долгих, Кан-Джай, – заулыбалась троллиха. – Лило на берег к рыбоголовам пошла, колючие водоросли собирать. Из них нитки прочнее, чем из крапивы. Есть хочешь? Мы уху из окуня на утро приготовили и лепешек напекли.

Всю неделю кормлюсь у сестренки. С тренировками на рыбалку и тем более готовку ни сил, ни времени нет. Кашеварят Лилька с Зераной вместе, причем неплохо, на мой непривычный в еде вкус.

– Спасибо, пообедал уже. Как у Лило продвигается освоение шаманской премудрости?

– Твоя сестра способная ученица, Кан-Джай, – отставила веретено Зерана. – Быстро запоминает травы, рецепты зелий. Она станет хорошей целительницей. Мелкие духи вокруг нее выются. Это признак великой духовной силы. Пройдет седмица, и в полнолуние Кровавого Охотника я поручу ей самостоятельно сварить какое-нибудь легкое зелье. Уверена, Лило справится. Я слышала, Гин-Джин возвратился. Он научит ее могущественным чарам владычества над зверями, и твоя сестра прославится на Пограничье и в лесах троллей.

Приятно. К совершеннолетию Лильки совместными усилиями с Гвардом устроим ее в имперскую магическую академию Салютус. Могущественная волшебница в семье не мешает.

– И сколько займет обучение тайнам шаманства?

– Со способностями Лило – приблизительно три, нет, четыре года.

Ух ты, меньше, чем я рассчитывал. Умница, сестренка. Поощрю подарком из пограничной крепости, деньгами только разживусь.

– Зерана, завтра в форт с Гин-Джином иду, тебе принести что-нибудь? Ингредиенты, инструменты.

Девчонка на миг просияла, и радость исчезла.

– Многое я бы хотела купить, чего не найти в наших лесах. Но у меня нет ни шкур на обмен, ни кожи, ни ценящихся людьми костей редких зверей. Моих слабых амулетов люди не купят, человеческие колдуны делают куда действеннее. Зелий мало, и те слабенькие.

– Зерана, скажи, чего бы хотела, – остальное не твоя забота.

Лучшее – детям, как говорится. Сестренка должна учиться в колдовской «лаборатории», оборудованной по последнему слову магической техники. Глядишь, и мне от изысканий ведьм перепадет полезных эликсиров.

Шаманиха, тяжело вздыхая и, похоже, не веря ни единому моему слову, отошла к стенке, порылась в ворохе засушенных трав. Из него достала матово поблескивающий лакированный ларец.

– Вот, – подняв крышку, она извлекла горсть темно-красных зернышек, завернутых в чистую тканевую тряпицу. – Кровоцвет растет на юге, в землях эльфов и зеленокожих карликов гоблинов. Зерна перетирают в масло, исцеляющее любые раны, одежда из волокон травы излечивает от болезней. Дым от сухого растения прогоняет самых могучих злых духов и открывает врата истинного зрения. А это, – Зерана дала мне крохотный, с наперсток размером, мешочек с синим порошком, – пыльца с крыльев бабочки-кровососа, обитающей в жарких южных лесах. Брошенная в огонь, притягивает духов, в зельях ненадолго прибавляет колдовской силы выпившему. Правда, вредна здоровью. Дух и тело слабеют настолько, что в принявшего могут вселиться блуждающие лоа. Сможешь – принеси кровоцвет или пыльцу, Кан-Джай.

Угу, если попадутся на глаза, обязательно притащу. И кучу всякой продвинутой колдовской утвари. Гвард просветит, как с ней обращаться.

– Погоди-ка, – спрятав ларец, девчонка прибежала с охапкой амулетов. – В пути путешественника подстерегает опасность. Держи! – один за другим она протягивала талисманы. – Этот убережет от мелких лесных духов-пакостников, этот отгонит волков и медведей, этот направит на правильный путь, коли заплутаешь в чащобе. А этот, – она вложила мне в ладонь крохотный осколок зеркальца в костяной оправе, – отразит сглаз, порчу и проклятие на врага. Его Гурама Ведьма носила, ее он никогда не подводил. Дай правую руку.

Зерана надела оберег на мое запястье наподобие браслета, прицепив к веревочке еще парочку амулетов, на шею повесила зеркальный талисман. Полюбовавшись работой, она встрепенулась.

– Подожди! – ведьмочка подскочила к полочке, заставленной снадобьями в глиняных фляжках, выбрала штук пять и вновь прибежала ко мне. – Зелья Гурамы Ведьмы. В дороге пригодится. Настойка синеглазки снимает утомление, и ты сможешь целый день бегать, не уставая. Целебное масло из зерен кровоцвета, вытяжка из языка нетопыря от боли и отравления, настойка полуночника для видения во тьме.

Ничего себе аптечка. С ней не страшно и с вражиной схватиться. Уж молчу об экипировке в целом. Рассовавшая по моим карманам глиняные сосуды Зерана строго наказала применять зелья по капле и заставила выучить наизусть их характеристики, чтобы не перепутать. Мы с ней пообщались, ожидая Лильку.

Родителей Зераны убили в бесконечной войне между племенами, когда ей исполнилось два годика. Ее спас старший брат, вынесший малышку из пылающей родительской хижины и дернувший на озеро, в недавно образованное племя Водяных Крыс. Брата вскоре отыскали охотники Длинных Клыков, уничтожившие родной клан ребят. Его привязали ремнями из сырой кожи к дереву, оставив на съедение зверям. Парня слишком поздно нашли. Печальная история.

Оставшуюся круглой сиротой девочку взяла на воспитание Гурама Ведьма, вырастившая ее и научившая травничеству и колдовству. Зерана относилась к старухе как ко второй матери. Колдунья во сне посещает девчонку, советует в трудной ситуации, продолжает учить колдовству с того света. Одержимый зверь не успел поглотить дух целительницы, и она еще пробудет дней тридцать в мире живых, перед уходом в Серые Пределы и Предвечную Тьму, куда канут все шаманы.

Мы еще поболтали о выдающихся личностях племени, я вспомнил смешные случаи, отвлекая молоденькую ведьму от мрачных мыслей. Ей всего-то пятнадцать лет. По меркам

синекожих, она едва вступила в возраст невесты. Замужество ей, кстати, не светит. Кто в здравом уме возьмет в жены бесприданницу, к тому же ведьму? Мужики ее слегка побаиваются, понятно почему. Приревнует и со свету сживет. Доказывай потом, что чист перед женой и духами предков.

Сестренка, таща охапку колючих водорослей, вошла тихонько в хижину, свалила груз под стенку и присела на циновку рядышком со мной. Я спросил о прошедшей первой половине дня. Она отвечала кратко, предпочитая слушать. Я рассказал о Гварде, походе в крепость, и Лилька нахмурилась.

– Саша, обещай мне, – схватилась сестренка за рукав куртки, заглянув мне в глаза, – обещай вернуться живым.

– Лиль, ты чего, а? – глажу ее волосы, улыбаюсь, прижимаю к груди. – Конечно, вернусь целым и невредимым, обещаю.

Та злополучная ночь изменила не только меня. Я скучаю по той громкой, задорной девчонке, какой была Лилька. Никогда не думал, что буду грустить о наших с ней скандалах и постоянных спорах.

Вместе мы провели остаток дня. Бродили по острову, собирая травы и корешки, заказанные нам Зераной. Сестренка, почистив клубни растения, похожего на картофель, отварила их в котле с кусочками вяленого мяса, подбросила грибов из пещер. Сварганила густой наваристый суп, разлила по шербатым мискам и пригласила к ужину.

На закате у Могильной Скалы объявился Гвард. На плече он нес странный шевелящийся мешок.

– Здравствуйте, милая Лилиана, дорогой Сандэр. Долгих лет, Зерана, – поприветствовал маг на русском и на тролльем. – Рад видеть вас в добром здравии. – Шаманка ответила стандартным приветствием троллей, пожелав долгих лет жизни, Лилька сдержанно кивнула. – Великолепная ночь предстоит. Звездная, лунная. Магические токи нынче особенно чисты, ими легче управлять. Не желаете пройтись по берегу ихтианов? Ночью побережье прекрасно.

– Скажи сначала, что за бедолага трепыхается в мешке, Гвард, – спросил я, сидя на чурбане у входа в хижину.

– Пойдемте, и узнаете, – блеснул белоснежными зубами волшебник.

– Я знаю, – шагнула к нему сестренка. – Идем, братик?

– Ну, пошли.

На скалистом берегу действительно было красиво. Голубая луна взошла на небосвод, усеянный тусклыми звездами, и отражалась в водах озера, окрашивая водную гладь бирюзой. Красный серп Воителя догонял Целительницу, создавая на воде алый клинок. Нереальный пейзаж.

Выбрав открытое место, зверомастер опустил мешок на гальку.

– Сандэр, будь добр, отойди. Милая Лилиана, сейчас я бы хотел выяснить уровень вашего влияния на животное. Вы, насколько мне известно, умеете приручать зверей. Маленькая белка у вас на плече прямое тому доказательство. Попробуйте взять верх над зверьком в мешке. Знаете, кто там?

– Заяц, – сухо ответила Лилька.

– Каким образом догадались? – вытянул длинноухого прыгуна Гвард.

– Почувствовала.

– Хм, занятно. Тем интереснее проверка. Я, в свою очередь, буду вам мешать, отбирая контроль над зайчишкой. Начинайте!

Маг отбросил зайца подальше от себя. Серый, почуяв сладкий запах свободы, немедленно решил слиться от странного типа и поскакал в тень ближайшей скалы. Сестренка напряженно всматривалась в темноту, куда ускакал косоглазый. Минуты три сверлила взглядом темень, и

зверек выбрался под лунный свет. Неуверенно переставляя лапы, обращая головку то к Лильке, то к зверомастеру.

Глава 14

Проверка

Бедный заяц, определившись, куда пойдет, прогулочным шагом направился к сестренке. Однако притормозил в метре от нее, резко развернувшись, и рванул к нашему шаманюге. Напряжение между магом и Лилькой нарастало, оба стояли неподвижно, переведя взгляды с несчастного зайчишки на соперника.

Не завидую серому. Лишиться возможности контролировать себя страшновато. Он замер на полпути к Гварду. Сестренка тяжело задышала, неотрывно следя за зверомастером. Он ухмыльнулся, и в тот же миг из воды к нему вылетела рыбешка, блеснув чешуей. Среагировал он быстро, наотмашь ударил рыбину рукой, отчего та плюхнулась обратно в озеро. А косоглазый уже примостился за довольной победой Лилькой.

– Весьма недурно для начинающей, – похвалил маг. – Ощущаете животного по ауре, контролируете сразу двух существ, проводите отвлекающий маневр. У вас неплохой потенциал, милая Лилиана. Станете моей ученицей?

Взялся бы он учить сестренку, не прикажи ему вождь? Кто знает. Мутная ты личность, Гин-Джин, но против Ран-Джакала не погрешь. Значит, доверять тебе можно отчасти. Предать меня невыгодно для племени и Озерного Владыки, следовательно, невыгодно должно быть и верховному шаману, пекущемуся о пользе Водяных Крыс. Есть, правда, загвоздка. Чужая душа потемки. Надо бы гарантию моей неприкосновенности со зверомастера вытребовать, и мне известно какую.

– Думаю, обучение у тебя неизбежно, – Лилька поглаживала серого, скакнувшего ей на руки.

– Полагаю, о неизбежности вам задумываться рановато, милая Лилиана. Завтра мы с вашим недоверчивым братцем отбываем в пограничную крепость на несколько дней. Вернувшись, начнем ваше обучение. Сандэру придутся кстати некоторые знания, касающиеся его... м-м... профиля. Больше не задерживаю вас. Зерана уж заждалась, волнуется о подруге. А вас, дорогой Сандэр, попрошу остаться.

Гвард напомнил Мюллера. Такой же хитрый и вежливый для виду. Сестренка при проверке лишняя, надо понимать?

– Мне обязательно уходить? – сестренка прямо прочла мои мысли.

– Уверяю, в занятиях вашего брата нет ничего интересного для тринадцатилетней девочки. Не беспокойтесь, с ним не случится беды. Идите, идите, милая Лилиана, ни о чем не переживайте.

– Я все же останусь, иначе не засну до утра.

– Что ж, – смутился зверомастер, – охота пуще неволи. Пойдемте. Я собираюсь проверить твои способности, Сандэр. Не против? Вот и ладненько. Проверка тебе на благо.

Два ноль в пользу сестренки.

Маг щелкнул пальцами, и над ним вспыхнул маленький шар яркого желтого света, уменьшенная копия солнца. Чудо-светильник двинулся за волшебником, будто на невидимой веревочке.

Гвард отвел нас к пещерке поблизости. Небольшая по площади, с аккуратным круглым отверстием вверху, через которое льется лунный свет в неглубокую впадину, выложенную по краям камешками. Вокруг ямы угадывались линии колдовской фигуры, сложенной из кажущихся влажными зеленоватых камней. По краям знака мерцали шесть кристаллов, меняющих цвет в зависимости от угла зрения.

– Сандэр, Лилиана, прошу не ступать внутрь, – зверомастер встал у впадины, куда падал свет голубой луны, и напевно зачитал заклинание.

Звуки его голоса эхом отразились от каменных стен, возносясь к небесному светилу сквозь идеально круглое отверстие в естественном потолке. Слова зазвучали громче, сливались, охватывали пространство пещеры, заставляли вибрировать воздух и камни. Кристаллы засверкали всеми цветами радуги.

– Шарракх! – выкрикнул маг, окончив заклинание.

Голубая мгла, заполняющая яму, шевельнулась. Земля в ней вспучилась, принимая форму диковинного существа, сочетающего черты крота и гигантской медведки. Оно не было большим и оттого не казалось особо опасным. Размерами с французского бульдога, безглазое, с лапами-лопатками и полуметровыми жгутами усов, растущими из кротовьей морды. Короткая шерсть щетинилась на спине и боках, суставчатые лапы сгибались и распрямлялись. Вылезти из впадины оно не могло – наталкивалось на невидимое препятствие, сползая на дно.

– Простейший, обычный дух пещеры, зародившийся с ее возникновением, – представил волшебник слепого гостя. – Пещерник обыкновенный. Сандэр, подойди, пожалуйста. Лилиана, стойте где стоите. – Гвард покинул пещеру, издали наблюдая за мной. – Подойди к призывному кругу и возьми самый крупный кристалл, лежащий в основании. Бери-бери. Мы проведем своего рода эксперимент, выявляющий уровень твоих способностей.

Нагибаюсь за камнем, следя за духом. Хозяин пещеры агрессии не проявлял, сканировал усищами кольцо камешков вокруг впадины и пофыркивал, двигая удлинённым носом. Весь его вид вопил: «Какого же, блин, я тут оказался?» Сочувствую, сам не в восторге от фокуса зверо-мастера. Мы с тобой, походу, оба жертвы его опыта, только я на него добровольно подписался.

Голубой купол накрыл нас мгновенно, едва самоцвет сдвинулся с назначенного места. Что за пакость? Полусфера, сотканная из лунного света, заполнила внутренности пещеры, отделив от волшебника и испуганно вскрикнувшей Лильки. Я, не ведая, активировал чары.

– Защитный барьер, – Гвард отстранил сестренку от голубоватого марева. – Препятствует проникновению наружу духовных сущностей вплоть до высших порядков. Не рекомендую касаться. Физическую оболочку отталкивает, дух уничтожает, причиняя постепенный вред, соразмерный проникающему духовному телу.

– Эй, ты чего городишь? Зачем установил этот долбанный барьер? – я подобрал у ног каменюку и швырнул в дрожащую преграду.

Мой снаряд, ударившись о нее, отлетел назад. Попытка поставить самоцвет на место результата не принесла. Голубой купол никуда не делся.

– Выпусти немедленно Сашу! Убери свой барьер сейчас же! – взвизгнула Лилька.

Белка, прыгающая по ее плечам, пронзительно заверещала.

– Увы, не могу, пока внутри воплощенный пещерный дух.

– Тогда развоплоти его! – хором воскликнули мы с сестренкой.

– Развоплотить, находясь снаружи Испепеляющего Барьера Голубой Луны? Не будь вы полнейшими профанами в магии, ваше требование я бы счел за издевательство. Сандэр единственный, кто способен убрать купол.

– Как? Ты сам сказал, я в магии профан.

– Ты – ловец духов, правильно? Поймай пещерника, и барьер спадет.

– Гвард, ты рехнулся. Я не умею ловить духов, ту тварь обгоревшую случайно поймал.

– Доверься естеству, Сандэр, – «подбодрил» зверомастер. – Вспомни чувства, кипевшие при ловле злого духа, состояние души и разума.

Легко сказать доверься. Раз другого выхода из-под купола нет, попробую. Сражаясь с тварью, испытывал злость, желание спасти Лильку. Теперь-то она в безопасности за пределами барьера, и разбушевавшийся медведко-крот ей не грозит. Злиться на духа, сделавшегося подопытным кроликом, не могу. Пещерник вызывает сочувствие – он же в опасности.

– Ты бы поторопился и не жалел духа, – посоветовал маг. – Он довольно опасен, и купол не вечен. Барьер действует до заката Целительницы и через несколько часов исчезнет. Милая Лилиана, прошу, успокойтесь, вашему брату почти ничто не угрожает.

И на том спасибо. Не погибну от голода и жажды. Простою пару часиков под голубым колпаком, в молчанку с пещерником поиграю, если не удастся пробудить естество ловца. Есть захотелось почему-то. Поужинал ведь плотно, не должен желудок просить добавки.

– Саша, как ты там? – взволнованно крикнула сестренка.

– Нормально. Лиль, прошу, выйди отсюда. Подожди снаружи, ладно?

– Саш, я же переживаю!

– А кто обещал слушаться старшего брата? Уходи, пожалуйста. Со мной все будет в порядке. Я из-за тебя сосредоточиться не могу, понимаешь? Отвлекаешь ты меня.

– Я тихо постою, – взмолилась Лилька.

– Лиль, я кому сказал, – добавляю стали в голос. – Иди наружу!

– Милая Лилиана, послушайтесь вашего благоразумного брата. Сандэр, сосредоточься на духе и представь его врагом, – сыпал рекомендациями волшебник. – Воскреси в памяти ненависть к злу, пытавшемуся убить тебя, и спроецируй на шарракха.

Шарракхом зовут моего соседа по голубой камере? Будем знать.

Чувствую себя участником телешоу, которому морально помогают добрые советчики с трибун, раздражая зачастую бесполезными советами. Хорошо, сестренка ушла.

Не отвлекаться! Вижу цель, концентрируюсь и жажду обезвредить. Кого обезвреживать, спрашивается? Пещерник смиренно сидит в призывной фигуре. Ни клыков, ни когтей у него. Напуган и без понятия, зачем его сюда вытащили. Чем дольше сосредотачиваюсь на бедняге, тем сильнее сосет под ложечкой. Неожиданная реакция организма.

Почувяв неладное, хозяин пещеры задвигался. Ощупав усами кольцо камешков, вылез из ямы и засеменил по лабиринту колдовского знака, часто касаясь усищами пола. Перед линиями останавливался, тщательно исследовал антеннами пространство и пер направо. Не нравится мне поведение духа, прет он в мою сторону. Разрушив последнюю черту из камней, пещерник застыл и замахал антеннами.

– Духи пещер в большинстве своем миролюбивы. Отдельные особи весьма агрессивно относятся к заходящим на их территорию чужакам, – читал лекцию Гвард. – Полуразумные духовные сущности, похожие на животных, охраняют собственную территорию от чужих посягательств. Далекие родственники домовых, леших, банников. В общем, духи местности. При разрушении пещеры либо погибают, либо ищут иную и выгоняют из нее хозяина. С каждой стычкой становятся злее. Чем больше пещер сменил пещерник за свое существование, тем он более агрессивен. Здешний дух сравнительно спокойный и мирный, ибо данная пещера у него от рождения. Соперников он, как и любой иной дух, не терпит и бросается в атаку, почувяв прищельца. Будь осторожен, Сандэр.

На что маг намекает, а? Пещерник примет меня за противника?

Стойка по типу гончей плавно перетекла в боевую позицию «спринтер на старте». Зад выпячен вверх, передние лапы согнуты в локтях, голова опущена. Пискнув по-мышинному, крото-медведка скакнула. В прыжке усы удлинились, наливаясь багрянцем. Твою дивизию! В родителях у моего визави стопроцентно числятся духи мертвых кузнечиков и тараканов. Я переместился вбок, и меня обдало волной воздуха от просвистевших антенн. Жгуты, выросшие из усов пещерника, хлестнули по земле. Каменистая почва разлетелась бурыми фонтанами, скрывшими хозяина и поднявшими пылевую завесу на полпещеры.

– Не попадай под щупальца! Сконцентрируйся и лови, – наущал треклятый экспериментатор.

Дух вновь прыгнул, показавшись из пыли. Усы, с воем рассекая воздух, понеслись параллельно земле, одно на высоте полуметра, второе повыше. А Гвард утверждал, хозяева пещер

чуть ли не идиоты. Ха-ха три раза. Отскочить нельзя, жуко-крот рассчитал варианты по опыту прошлой атаки. Склонившись, я прыгнул в сторону, в полете распрямляясь меж проносящихся мимо жгутов, и приземлился на четвереньки. Перекатился, встал на колени, выхватывая копье. Ну, погоди, зверомастер, припомню тебе экспериментаторство. Пещерник не на шутку разбушевался. Продолжая движение, размахнулся усами назад. Антенны-щупальца летят косо, увернуться от них сложнее. Учится на ошибках. При каждой следующей атаке учитывает опыт предыдущей, совершенствуя нападение.

Отклонившись вправо, к приближающимся жгутам, я проскочил между ними. Голень обожгло, будто к раскаленной сковородке приложился. Гляжу, кусок штанины и кожу на ноге стесало, оставив кровоточащую рану. Гадство, замедлюсь же. Ступать на ногу больно плюс кровопотеря обеспечена. Пора приниматься за духа всерьез.

Продумав тактику, отскакиваю к голубому барьеру, держу копье наготове. От щупальца не защитит, переломится, но для атаки с расстояния подойдет. Опасаюсь ближнего боя с жуко-кромом – мало ли какие козыри у него припрятаны. Вон, усы были с виду безобидные, а выросли. Скачи, скачи ко мне, дорогой.

Пещерник напал одним хлыстом параллельно земле, вторым наискось, сверху вниз. Размах, удар и болезненный писк. Укоротившиеся щупальца отдернулись от купола, почернели и бессильно упали. Дух попятился, волоча ставшие бесполезными усы, закрыл голову передними лапами-лопатами. Ушел в глухую оборону. То-то же. Готовься, пещерный житель, сейчас из тебя шашлык делать буду!

Пещерник существо изворотливое, несмотря на плотную комплекцию, свидетельствующую о неуклюжести. От копья, нацеленного в грудь, увернулся, покачнувшись влево, и отступил назад в сторону.

А че мы вдруг стали такие стеснительные? Лапками мордочку прикрыли, в близкий контакт входить не желаем. Где былая прыть, где извергающийся вулкан ярости? Пещерный дух внезапно прыгнул, впечатавшись в мой живот, и откатился, свернувшись мячиком. Задыхаясь, я чуть не осел на пол, еле устоял, опершись о копье. Ишь, колобок с сюрпризом.

Очутившись в призывном круге, пещерник развернулся, убрал лапки-копалки от головы, заработал ими, зарываясь в землю. Копал он, словно взбесившийся экскаватор, вычерпывая почву с невообразимой скоростью. Из впадины забил земляной фонтан, погребаяющий остатки колдовской фигуры. Дух скоро зароется – не вытащишь.

Придя в себя, я схватил лежащие за пределами магического знака усы и дернул изо всех сил. А нефиг раскидывать части тела где попало. Как там его назвал зверомастер? Шарракх? Ему однозначно идет имя. Щупальцами шарашил – мама не горюй. Выдернутый из ямы членистоногий вогнал лапы в землю, пытаясь остановиться. Хорошенько вогнал, будто корни пустил, не сдвинешь. Зато потерял маневренность, чем грех не воспользоваться. Наконечник из лунного серебра с хрустом пробил панцирь на горбатой спине, пригвоздив жуко-крота к земле. Безостановочно пищащий дух задергался, норовя вырвать лапы из почвы и освободиться от копья, в ране захлюпала бурая жижка, стекающая по древку. Пещерник двигался все медленнее, из пасти закапала бурая жидкость, вероятно, заменяющая ему кровь. Хозяин пещеры тоненько пискнул напоследок и затих. Подрагивали основания антенн-щупалец, выдавая в нем жизнь.

– Молодец, Сандэр, вымотал его, теперь поглоти! – наставлял зверомастер. – И купол исчезнет.

Пошел ты. Захотелось врезать магу от души в подбородок, чтобы повалился в нокауте. Покончу с пещерником – обязательно врежу.

Подойдя к тушке пещерного духа, касаюсь его ладонью. Голова у него круглая, кожа шершавая и прохладная, напоминает наощупь камень. Он боится. Кожей чувствую его эмоции. Голод, притупившийся во время боя, обострился. Станный какой-то голод. Появляется при сосредоточении на пещернике. Я себя начинаю побаиваться. Проявившаяся способность ловли

духов случайно не изменила моих гастрономических пристрастий? Жуко-крот не выглядит аппетитно, тем не менее вызывает усиливающиеся приступы острого голода. И... ох, накатило. Я осознал, что пещерный дух находится в моей полной власти, и стоит мне приказать ему, он подчинится. Потрясающе. Вот она, первейшая и основная способность ловца. Я научился ею пользоваться! Волевым усилием загоняю пещерника в меня, он течет по моей руке потоком духовной силы, смесью льда и пламени, и растворяется в районе солнечного сплетения, создавая ощущение сытости. Телесная оболочка пещерного хозяина сморщивается, деформируясь, уменьшается по мере убывания из нее духа.

– Прекрасное качество, – хлопнул в ладоши Гвард. Голубоватая преграда лопнула, развеявшись цветным дымом. – Ты ранен? Давай подлечу.

Удар под дых согнул подходящего мага вдвое. Расплата за удачный эксперимент.

– Мог сказать о своем плане? Предупредить о пещернике?

– Ты бы не согласился, кхе, кхе, – закашлялся зверомастер. – Зато научился ловить духов по-настоящему. Разве я плохо поступил?

Разревевшаяся сестренка подбежала ко мне, обняла. Ей следовало пойти к Зеране и не присутствовать на «эксперименте», а она, оказывается, у входа в пещеру дежурила.

– Братик, у тебя кровь, – спохватилась она, заметив разодранную ногу.

Лилька оторвала от подола платья широкую ленту и перевязала мою голень. Окончательно очухавшийся Гвард довольно ухмылялся.

– Поздравляю с первой тренировкой в качестве ловца духов. С духовборческим оружием ты впрямь опасен. Твое копьё ведь из подземелья Проклятой Башни? Лунное серебро блестит в лунном свете, в темноте от него исходит свечение. Металл, способный наносить вред духовным сущностям низкого порядка, в сочетании с духом бывшего владельца, заключенным в него, поистине страшное оружие, и ты вправе обладать им, Сандэр. Да, между прочим. Ты ударил меня. В следующий раз не потерплю и дам сдачи.

Гвард тот еще жук. Знал об оружии и притворялся валенком. Мол, верю вам на слово, дорогие Сандэр и Лилиана. В башне нашли? Верю-верю, конечно.

– Поговорим начистоту, а? – предложил я. – Ты многого не договариваешь.

– Как и ты. Пойдем ко мне, побеседуем. Милая Лилиана, не желаете возвратиться домой? Зерана, бедняжка, места себе не находит, о вас волнуется.

– Лиль, иди к Зеране, пожалуйста, – попросил я. Ни к чему сестренке быть свидетельницей нашего со зверомастером общения. – Со мной все нормально. Завтра увидимся.

– Такова ситуация на самом деле, – подвел черту сказанному Гвард и пригубил золотистого вина из хрустального бокала, играющего оранжевыми бликами в свете свечей и светильников. Канделябр на столе и лампы из настенных ниш освещали рабочий кабинет мага.

Зверомастер говорил убедительно, но ему все равно не доверяю. Он ввел нас в заблуждение однажды, почему не обманет вновь?

Из рассказанного картина его поведения прояснялась, совпадая с моими предположениями. Он, дескать, ратует за благополучие и безопасность Водяных Крыс и благо для племени считает собственным. Мы с сестренкой вписываемся в сферу интересов островитян со дня заключения сделки с заказчиком из форта. Ввиду открывшихся обстоятельств отныне касающиеся нас проблемы касаются и Водяных Крыс.

Трудности с управлением способностью ловца духов? Верховный шаман в помощь. Ран-Джакал дал задание Гварду сделать из меня машину для борьбы с шаманами, и волшебник по мере сил его выполняет, используя собственные методы обучения. По мнению мага, практика лучший учитель. Эффективнее и быстрее научишься плавать, оказавшись в воде. К теоретизированию зверомастер питал отвращение и решил, образно выражаясь, бросить меня в реку, чтобы я самостоятельно научился пользоваться дарованными способностями. Угробить

будущее смертельное оружие племени он в мыслях не имел и при необходимости вмешался бы в бой с пещерником. У мага, мол, припасена колода тузов в рукаве, да и духа он призвал хлипкого, неопытного, детеныша совсем.

В общем, опасность внутри купола мне грозила минимальная. Расчеты волшебника оправдались, я сумел поймать хозяина пещеры и научиться осознанно применять способность поглощения. В итоге выгода всем, кроме моих врагов и врагов Водяных Крыс. Дальше предстоит овладеть духовборческим оружием паладинов, вещью незаменимой в бою против духовных существ. В результате я превращусь в убийцу шаманов, племя же обретет убер-бойца наподобие крутых имперских охотников на нечисть.

– Гвард, я одного не понимаю. Почему ловцы духов уникальны? Шаманы тоже побеждают духов, и навыков борьбы с духовными существами у них масса. Чем ловцы особенны? Ну, содержат в себе пойманных, что с того? Загонять духов в предметы, по-моему, техника ничуть не хуже, чем у ловцов, а то и лучше.

– Сандэр, ты переоцениваешь умения шаманов, – терпеливо пояснял зверомастер. – Ловец заключает духовную сущность в себя без приготовлений, сторонних средств. Хоп – и готово. Довольно коснуться телесной оболочки изнуренного духа, и он в твоих руках. Шаману же нужно начертать защитный круг, прочесть заклинание. В боевых условиях сделать это, увы, не всегда успеваешь. Ослабленный дух может вырваться, не допустив окончания запечатывающего ритуала, и убить заклинателя. Кроме того, даже могущественному шаману на подчинение вселенного в предмет духа требуется длительный процесс подготовки, зачастую оканчивающийся неудачей. Духи строптивы и подчиняются сильнейшему. Шаман даст слабину – и его разорвут в клочья. Ловец же управляет пойманными духами усилием воли, они уже подчинены ему. Не надо рисовать магических фигур, посыпать пеплом чертополоха призывательный круг. Отдал приказ – и следишь за выполнением глазами телесной оболочки духа. Быстро, удобно. Невероятное преимущество в схватке с любым заклинателем, будь то верховный шаман синекожих или магистр магической гильдии имперцев.

– Ладно, считай, ты меня убедил. Хотя есть одно «но».

– Все еще не доверяешь мне? Я бы на твоём месте никому не доверял.

– Вообще-то и не доверяю. Альтруистов в нашем мире мало встречал, в Лантаре и подавно никто нам с Лилькой бескорыстно добра не делал. Всем от нас чего-то нужно.

– Мудрецы эльфов твердят: смысл жизни – в нужности кому-то. Если разумный никому не нужен, его существование лишается смысла. Слышал о Клятве Орсина?

В памяти всплыла смутная картина горящего в лесу костра, ветвистого дуба и двух парней,жимающих друг другу окровавленные руки. Гвард лет на двадцать пять – тридцать моложе – и, судя по мускулистым синекожим рукам и одежде, тролль. Воспоминание Ран-Джакала, передавшееся вместе со знаниями? Скорее всего.

– Нерушимая клятва мятежного мага, – зверомастер встал из-за стола, прошелся по комнате. – Орсин прослыл обманщиком и предателем, поэтому, заручаясь поддержкой кого-либо, был вынужден клясться в том, что никогда не навредит помощнику. По сей день Клятва Орсина – самая верная гарантия честности у волшебников. Тебе известно о ней, Сандэр?

– Да.

Из воспоминаний Ран-Джакала я знал о ней. Когда-то Гвард и Ран поклялись друг другу в верности, произнеся ее. Обоюдная клятва, отбирающая жизнь у нарушивших ее и отдающая дух клятвopеступника на бесконечные мучения Владыкам Ужаса, обитающим в Предвечной Тьме. Я планировал вынудить зверомастера прибегнуть к ней и с ее помощью обезопасить себя от подвоха.

– Ты правильно рассудил, она послужит взаимной гарантией от неприятностей.

Маг зажег жаровню, рассыпал вокруг нее зеленоватый порошок, сотворив сложный колдовской знак, и попросил встать в его центр. Достав кинжал с темным клинком и фигурной рукоятью, изображающей змею, он рассек ладони себе и мне.

– Повторяй за мной... – Гвард сжал мою руку, и наша смешавшаяся кровь закапала на жаровню.

Глава 15

Большая земля

Я помнил клятву и без подсказок волшебника. Она отпечаталась в памяти Ран-Джакала выжженным клеймом, столь ярким было воспоминание тролля. На досуге я изучал ее, разбирая каждое слово. Изменить словесную формулу нельзя, мятежный маг впледел в нее специальное проклятие, активирующееся при искажении смысла клятвы. Кто-кто, а Орсин, архимаг высочайшего круга, знал толк в проклятиях. Он в них специализировался, умудрившись трижды продать душу разным демонам. О нем поведал Ран-Джакалу зверомастер в молодости, и синекожий накрепко запомнил байки, рассказанные юным чаротворцем.

– О, Повелители Ужаса и ночных кошмаров, властвующие в Предвечной Тьме! – воззвал Гвард. – Гарштах Сеятель Безумия, Аллур Осквернитель Богов, Гаруннай Кровопийца! Будьте моими свидетелями! Пред вами клянусь в жизни не чинить намеренного вреда Сандэру, сыну Валирио, ни делом, ни словом, ни мыслью, никого не пошлю навредить ему и не обману его. Да будет так!

Я повторил, заменив мое имя на Гварда Зверолова.

– Да станет моя кровь кровью Сандэра, а его кровь моею, и урон, причиненный ему мною невольно, да отразится на мне. Да будет так! И если я преступлю сию клятву, да постигнет меня тотчас кара, и дух мой да удалится во Тьму Предвечную, на растерзание Повелителям Гарштаху, Аллуру и Гаруннаю, а тело да обратится в пепел! Да будет так!

Пламя жаровни вспыхнуло, опалив наши руки и достигнув потолка. В огне на мгновение показалась морда трехглазого чудовища, и угли погасли, затухшие порывом ветра, ворвавшегося в комнату через распахнувшуюся дверь.

Странно, боли нет. Осматриваю ладонь, на ней ни ожогов, ни пореза, ни крови. Вместо раны розовая полоска шрама. В горле першит от глотка раскаленного воздуха из жаровни.

– Отныне и до конца нашей телесной жизни мы не должны причинять вред друг другу и обманывать, – тихо проговорил зверомастер. – Шрамы останутся навсегда, напоминая о клятве. Они заболят, предупреждая наши намерения и злые помыслы. Охо-хох, совсем измотал ритуал, – маг сел на циновку. – Клятва Орсина отнимает у магов море айгаты, мистической энергии.

– Помочь чем-нибудь? – осведомился я.

Выглядит волшебник не очень. Побледнел, тяжело дышит. Не очоурился бы от магической перегрузки.

– Пустое. Отосплюсь, позавтракаю – и к утру буду свеж и полон сил. Кызак обо мне позаботится. У тебя вопросы, Сандэр? Ответить смогу только на несколько, уж извини.

– Да ладно, завтра спрошу. Ничего срочного.

– Ну и прекрасно. Отдохни ночью, нам предстоит трудный день. Встретимся на причале ранним утром.

Ночью я лежал на ветхой волчьей шкуре поверх продавленного соломенного тюфяка у себя в хижине и сквозь дыру в потолке, предназначенную для выпуска дыма зимой, разглядывал звездное небо. Сна ни в одном глазу, голова трещит от мыслей.

Гвард не предаст и не устроит подлянку, клятва не позволит, и о его хитрых задумках, негативно могущих отразиться на моей драгоценной персоне, сообщит шрам. Ради душевного спокойствия подумал, как бью зверомастера в нос. Тотчас заныла отметина на ладони, предупреждая – мол, нехорошо делаешь, одумайся. Испытание прошло успешно, клятва не липовая.

До рассвета я не заснул.

Затемно меня навестила сестренка. Пришла заранее попрощаться, не вытерпела. Ей не спалось, переживала. Приготовила завтрак, снарядила припасы в дорогу. Вяленое мясо, суше-

ные грибы, свежее испеченные лепешки с рыбьей икрой принесла. На путь до форта с лихвой хватит.

Поделились впечатлениями о вчерашних событиях. Лилька перемыла косточки Гварду и Ран-Джакалу, помечтала о светлом будущем, возвращении домой, на Землю. К сестренке будто бы вернулась частичка прежней словоохотливости и эмоциональности, отчего на душе у меня потеплело.

Она передала инфу, которую ей удалось добыть, о пограничной крепости и населяющих ее людях. Сведений негусто, ничем новым не порадовала. Все, о чем она говорила, я уже знал от синеккожих. Тролли о форте, именуемом имперцами Веспаркастом, не особо распространялись. Каждый уважающий себя синька там побывал минимум раз в жизни. Кто в детстве с родителями ходил, кто в зрелом возрасте по меновой торговле посещал. В фортификационных сооружениях лесные жители не разбирались и описывали крепость кратко: огромный каменный дом с малюсенькими окошками, набитый железощкурами и их мягкотелыми родичами. Много стального оружия, зерна, особенно осенью, после сбора урожая. Уйма торговцев, норовящих обдурить синеккожего брата и всучить блестящую безделушку в обмен на шкуры и кожи.

Лесовики и островитяне покупают в основном зерно и муку, предметы быта. Захаживают в форт и шаманы, пополняющие запасы колдовских ингредиентов у заезжих торговцев. Торговля со стороны троллей вялая, чему виной запрет на продажу им стального оружия. Имперские купцы от подобного положения дел не в восторге, понимают, какая прибыль проплывает мимо, и который год в парламенте пытаются протащить закон, разрешающий продавать на эту сторону Вала хотя бы топоры лесорубов. Предвидят, спрос на железки у обитателей дикарского Пограничья гарантирован. И потекут в цепкие ручки коммерсантов сокровища троллих лесов, начиная от шкур невиданных в империи зверей и заканчивая редкой и ценной древесиной.

Магические гильдии торговцев всячески поддерживают, соблазненные перспективами получения стабильного притока редчайших и дешевых ресурсов для магических изысканий. Чую, не за горами очередная попытка имперцев передвинуть границы в глубь чащоб синек. Безземельные дворяне подтянутся, сброд всякий, какого во все эпохи предостаточно для развязывания войны. И объявят император и церковные иерархи священный завоевательный поход во славу богов и империи, обещая земли и всеобщее счастье потенциальным переселенцам. Нам с Лилькой успеть бы до той поры окрепнуть и место жительства сменить.

Проглотив горячий супчик, принесенный Лилькой, я побрел к пристани. Синеккожие, вставшие с утра пораньше, загружали лодки внушительными тюками со шкурами и кожей. Куда собираются? Намечается великое переселение народа Водяных Крыс? На пирсе следили за погрузкой вождь и Гвард. Шаман бодро покрикивал на синек, переговариваясь с Ран-Джакалом. От усталости следа не осталось, свежий, как огурец.

– О, Сандэр и милая Лилиана! – воскликнул он, улыбаясь. – Вы вовремя. Тролли вот-вот завершат складывать товары, и трогаемся.

– Товары? – слегка удивилась сестренка.

– Конечно, товары! – улыбка зверомастера стала шире. – Я выступаю и послом, и главным торговцем Водяных Крыс среди людей.

Чему удивляться? Самый хитрый член племени, самый умный, имеющий связи в форте и на Пограничье в целом, гораздо выгоднее продаст добычу синеккожих плутоватым имперским купцам, чем плохо знающий человеческую речь тролль.

– На большой земле нас встретят охотники из озерной деревушки нашего племени и помогут нагрузить товары на медведей.

Ого, настоящий торговый караван планируется.

– С нами кто-то пойдет? – спрашиваю.

– Кроме нас с тобой, Сандэр, и моих животных, никого, – покачал головой маг. – Водяным Крысам охранять нас без надобности. Волки, медведи и саблезуб – надежная защита от посягательств на наши жизни и вещи.

Три заполненные тюками пироги. Медведей волшебник нагонит, наверное, семейство – двух-трех косолапых маловато, на них столько груза не поместится. Идти парочке мишек неудобно с путающейся под лапами, сползающей со спин и боков поклажей.

Сверху тюков положили обвязанные ремешками массивные белоснежные кости лесных олифантов⁴, ценящиеся в цивилизованных странах на вес золота. Накрыли сокровища старыми облезлыми шкурами, дырявыми и заплесневелыми, какими кроют вяленое мясо и рыбу. Встречные примут груз за продукты, отвозимые на продажу.

Синьки погрузили товар, волшебник занял нос каное. Распрощавшись с сестренкой, я сел на доску сиденья напротив Гварда. Туман, стоящий по утрам над озером, под солнечными лучами рассеивался, открывая вид на дальние берега большой земли.

До исчезновения серой взвеси синекожие не поплывут – в ней легко заблудиться и попасть в гиблое место. Их на озере штук шесть. В них нечисть водится. Низшие духи, лоа, вселившиеся в троллей и рыб, переселенцы из иномирья.

В иных мирах не только люди живут. Существуют миры с извращенными формами жизни, в чем Ран-Джакал убедился, вступив в бой с неизвестным на Пограничье Озерным Кадавром лет десять назад. Тварь повадилась похищать женщин и детей у Водяных Крыс и приозерных племен. Шаманы и морлоки ее засечь не могли, сынок Дагона впустую патрулировал воды озера. Неуловимую гадину заманили на живца в бухточку, выход перегородили заговоренной сетью. Пожирателем троллей оказалось невероятных размеров чудо-юдо, склепанное из останков пресноводных рыб. В воде оно становилось невидимым, запашок тухлятины пропадал. Ран-Джакал лично уделал чудовище, разрубив на куски зачарованной алебардой. Тут-то и выяснилось жуткое обстоятельство. Внутри рыбьего Франкенштейна находилось существо из частей тел погибших троллей, с рубиновым кристаллическим глазом, пульсирующим таким, со зрачком в виде золотого червячка. Существо подавало признаки жизни, пока ему глаз не выдрали. Око буквально вросло в глазницу, корни пустило, соединившись нервами с мозгом. Вождь по совету шаманов сжег труп чудища. Глазик зверомастер продал гильдии магов Гарида за бешеные деньги. Фонил глаз иномировой энергией, сильно фонил, – его и купили.

– О чем задумался? – проявил интерес к моей персоне Гвард.

Синекожие оттолкнулись веслами от причала, лодки медленно отплыли. Заработали гребцы, незначительно ускоряя движение пирог. На пирсе махала рукой на прощание Лилька, я махнул ей в ответ.

– Ни о чем важном. О гиблых местах на озере.

– Не стоит столь пренебрежительно отзываться о наших гибляках. Они заслуживают пристального внимания и тщательного изучения. Нигде в ксаргских озерах их больше нет, только в нашем. Золотая жила для исследователя-мага, как и Клятва Орсины. Уникальность клятвы в том, что никто не сложил подобной и поныне не нашел способа ее разорвать. Кстати, клятвенный шрам ночью побаливал. Объяснишь?

– Проверял действенность клятвы. – Она и вправду действует, иначе шаман не узнал бы о проверке.

⁴ Слоноподобные существа метров четырех высотой, с растущими из верхней и нижней челюстей длинными бивнями. Одни из опаснейших обитателей ксаргских лесов из-за недюжинного ума и невероятной силы. В отличие от земных слонов, всеядны, но предпочитают растительную пищу и просто обожают подрывать корни у молодых деревьев. Особо ценятся кости олифантов, не портящиеся в течение столетий и со временем становящиеся только прочнее и белее. Старые кости вообще сверкают белизной. К тому же они обладают целительными свойствами. Пользующиеся предметами из олифантовой кости отличаются крепким здоровьем и долголетием. Если, конечно, обладателя не убьют грабители, охотящиеся на этот ценный материал. У троллей кости слоноподобных гигантов очень дорого ценятся, обладать ими могут лишь лучшие охотники, шаманы и вожди.

– Не советую продолжать испытания: чревато негативными последствиями, прежде всего для тебя. Ты же помнишь текст. Не искушай судьбу, Сандэр.

Больше не буду, резона нет. Результаты моего испытания ясно дают понять: Клятва Орсина – штука опасная и эффективная.

Солнце поднялось над верхушками деревьев и всю пекло, когда мы причалили к хлипкому бревенчатому пирсу, выдающемуся метров на пять в устье впадающей в озеро речушки. Береговая база Водяных Крыс представляла собой скопление хижин, огороженных частоколом от хищного зверья и внезапного нападения врагов. Память вождя подсказывала: средненький частокол враги тараном вынесут за считанные минуты. Обороняющиеся успеют лишь послать сигнал островитянам.

Ребятам из «пионерлагеря», атакованного одержимым зверем, не повезло с противником. Тварь сначала загрызла часовых морлоков, затем прямо из реки проникла на базу и учинила резню возле сигнального кострища. Мальчишки, пытающиеся спрятаться от нее, зажечь пламя на вышке, естественно, не сообразили. Куда там до сигнала при дышащем в затылок монстре. Верное самоубийство. Трагедия в тренировочном лагере доказывает простую истину: любую оборону можно обойти.

У пирса одиноко качалась на волнах долбленка, еще штук десять загорали днищем кверху на берегу. Нас приветствовали шестеро дюжих охотников, за их спинами переминались с ноги на ногу медведи. Бурые, большие. В сторонке в позе сфинкса возлежал саблезуб. Гребцы совместно со встречающей делегацией сноровисто переложили груз с пирог на косолапых, перетянутых широченными ремнями и травяными веревками. Гвард осматривал мишуток, проверял крепления. Клыкастого кошака почесал за ушком. Рыжик от ласкового обращения разомлел, сощурился, двинув мага от переизбытка чувств головой в грудь. От любовного толчка зверомастер еле устоял, ухватившись за шерсть кота.

Закончив снаряжать медведей, синекотье обменялись с одноплеменниками последними новостями, расселись по лодкам, пожелали нам с Гвардом удачи и поплыли к острову. Мы же двинулись по деревушке в сопровождении охотников. Провожая наш караван до деревянных ворот, тролли консультировались с волшебником по поводу пропажи дичи в окрестностях озера. Гвард успокоил их обещанием – мол, возвратится и расследует причины исчезновения.

– Мы зайдем в деревню, где одержимый зверь вырезал Водяных Крыс, – зверомастер, выйдя за ворота, шел во главе каравана, впереди него бежал рысцей саблезуб. – Может, узнаем, кто его послал. Что думаешь об этом?

Определенные мыслишки насчет хозяев упакованной твари имеются. При нападении на островитян не пострадал никто из посольства Черного Копья. Младший владыка соседей со свитой из ученика шамана и метателя топоров включили режим невидимки, как только на причал приковылял Сларк, земля ему пухом. Остальных телохранителей Рак-Джакал отправил на большую землю, по официальной версии – охотиться на зверя-убийцу. Послы типа оказали любезность в ловле чудища и выразили крайнюю степень доверия, оставшись в мизерном количестве на чужой территории. Подозрительным кажется поведение лесовиков вкупе с их бездеятельностью на пристани и счастливым спасением от зубов существа. Они наблюдали за побоищем, стоя в сторонке, и тварь на них ни разу не глянула. Подозрения я высказал магу, приплюсовав свои размышления о потенциальном отслеживании нас с Лилькой от Проклятой Башни, и он со мной согласился.

– Черное Копье – многочисленное племя, издавна претендующее на главенство в нашей части леса, – рассказывал Гвард известную мне от вождя Водяных Крыс историю. – Тролли Копья участвовали в походе к Проклятой Башне, расположенной на границе владений племени. Единственное смущающее обстоятельство заключается в отсутствии у них верховного шамана, способного сотворить столь сильного одержимого зверя. Впрочем, ходят слухи, будто бы Черное Копье прибегло к услугам некоего колдуна. Похоже на то. Неопытный ученик не

смог бы вселить лоя в животное и контролировать его. Хм... придется нанести визит вежливости кое-кому из лесных троллей и разузнать подробности похода к Проклятой Башне.

Зверомастеру в разведке работать. Агентурную сеть, небось, по всему Пограничью наладил, Мюллер местного разлива.

– Если выяснится причастность Черного Копья к нападению, какие меры предпримем? – Начнись межплеменная война – нам с сестренкой безопаснее перебраться до ее окончания в форт.

– Если подтвердятся наши подозрения, – задумчиво пожевал губами маг, – разнесем в щепки главную деревню противника. Трехсот воинов во главе с Ран-Джакалом, полагаю, для возмездия довольно. Не беспокойся, вы с сестрой останетесь на острове, рано вам воевать. Да и не скоро война с Черным Копьем состоится. Без подробных сведений о враге Водяные Крысы не атакуют. Хм... затевается набег на пограничные поселки людей. Младший владыка у Рана спрашивал, не примкнем ли мы к стае налетчиков. Ран, естественно, отказался. Заправилой у того сборища – вождь Черного Копья. И сразу после отказа одержимый зверь объявился в островной деревне.

Гвард издал тихий утробный рык, на который обернулся притормозивший саблезуб, и замолчал, задумавшись.

Мы вошли в пустую деревеньку Водяных Крыс. Ворота распахнуты настежь, стенки некоторых хижин проломлены, на улице в беспорядке валяются предметы быта троллей – разбитая глиняная посуда, инструменты обработки камня, тренировочные чучела, утыканые каменными метательными топорами, копья и дротики. В земле сохранились следы когтей, чего не скажешь о пролитой крови, вычищенной падалыщиками. Остановившиеся медведи пофыркивали и раздували ноздри, кошкак нервно подергивал хвостом, прижимая уши к голове.

На порог уцелевшей хижины, стоящей на высоких сваях, вышел худющий низкорослый по меркам синек тролль в выцветшей набедренной повязке и браслетах из тролльих зубов, оплетающих щиколотки и запястья. По синей морщинистой коже змеились черные узоры татуировок. Трон-Ка, лидер отряда бесшумных убийц, подчиняющийся Ран-Джакалу. Личность легендарная, без шуток. Скольких он убил за свою долгую жизнь, а он старше предводителя островитян вдвое, не сосчитать. За убитого вождя, шамана и знаменитого воина он добавлял по зубу в браслеты. Безымянных за противников Трон-Ка не считал. При внушительном количестве побед он никогда не бился в крупном сражении, предпочитая удары исподтишка. Подстерегал жертву в засаде и молниеносно убивал, используя ловушки, отравленное оружие и неестественную ловкость. Выжившие – все они не были его целями – с ужасом рассказывали о нем как об истинном демоне, умеющем менять облик и становиться невидимым.

Поговаривали, он бывший верховный шаман истребленного племени Ночной Тени, присягнувший на верность вождю Водяных Крыс, единственному, кого ему не удалось убить. Группу бесшумных убийц Трон-Ка создал по поручению Ран-Джакала. Она – своего рода спецназ островитян, занимающийся ликвидацией их врагов, диверсиями и разведкой.

Гвард и тролль обменялись приветственными кивками. Вождь дал задание отряду устроить засаду на случай появления непрошенных гостей, рискнувших приплыть по реке и воспользовавшихся разрушением сторожевого поста у устья, вот ребята и сидят в «пионерлагере», сторожа подходы к озеру. Зверомастер, приказав животным быть возле ворот, поднялся по узкому помосту к командиру островного спецназа. Трон-Ка пропустил мага в хижину и последовал за ним.

Пробыл волшебник там долго. Я от нечего делать бродил по деревне, рассматривал достопримечательности. Длинный бревенчатый дом на сваях, хижинкой его язык не поворачивается назвать, отводился под жилье мальчуганам и был центральной постройкой. К ней лепились мастерские по обработке камня, кожи и шкур, склад с оружием, кладовка, наполовину заполненная грибами, корешками, вялеными рыбой и мясом.

Отдельно высился столб железного дерева с вырезанными на нем ликами предков и каменным жертвенником, присыпанным пеплом от ритуальных сожжений в честь духов. Частокол с невысокими дозорными башенками по бокам от ворот соседствовал с хижинами взрослых.

На острове по-другому. Берег отведен под пристань, где строят и чинят лодки, вялят рыбу и мясо. Кожи и шкуры обычно обрабатывают на большой земле, привозят островитянам готовыми. Каменоломни и жилые хижины – в глубине острова, хранилища – в пещерах. Дом вождя стоит отдельно, священный алтарь предков находится на Могильной Скале, к нему на праздники сходятся все синекожие племена.

В «пионерлагере» не отличишь хижину начальника от хижины подчиненного, постройки жмутся друг к другу, улочки узкие. Две площадки – перед жертвенником и у тренировочных чучел-мишеней. Рассчитана жилплощадь жильцов на семьдесят, не больше. Женская часть для жен и малолетних детей «воспитателей» – крошечная, огорожена хлипеньким заборчиком мне по пояс. Одним словом, учебный лагерь.

Я покидал разбросанные по тренировочной площадке топорики в деревянные, обмотанные соломой мишени, напоминающие фигуры синек. Девять попаданий из десяти! Не зря меня гоняли тренеры из бодигардов вождя. Неделию назад два из десяти было.

Второй день без тренировок. Ощущение, будто чего-то не хватает. Тело просит привычных нагрузок, бега с препятствиями, спаррингов. Без них деть себя некуда. Шагая с мишками и переговариваясь с Гвардом, не замечаешь нехватки движения, зато на остановках, когда делать нечего, маешься бездельем. На обратном пути обязательно выделяю по часику в день на зарядку. Встану до рассвета и потренируюсь в наматывании кругов по лесу и борьбе с древесными стволами в качестве мишеней.

Зверомастер возник на крыльце хижины мрачнее тучи. Спустился по мостику, морща лоб. Мага задумчиво-напряженным я еще не видел. Произошло нечто из ряда вон, значит. Он молча прошел мимо меня и зверей, остановился на воротах.

– Идем, – позвал и двинул дальше, не оборачиваясь.

– Эй, случилось что? – догнали его мы с Рыжиком.

За нами тронулся медвежий караван. Мишутки шустро перебирали лапами, стараясь поскорее покинуть злосчастную деревушку, Махайр постоянно оглядывался. Не нравится им здесь, чуют нехорошее место.

– Дурные вести, – процедил Гвард. – Кто-то из верховных шаманов объявил на меня охоту, пообещав десять флаконов драконьей крови за мою голову.

Умереть не встать, как говаривала одна моя знакомая на Земле. Десять флаконов! Умопомрачительная награда для любого охотника и вождя. Драконья кровь превращает тролля в неуязвимого берсерка, нечувствительного к боли и наделенного силой огра, а также, что хуже всего для противников выпившего ее синекожего, дает бешеную регенерацию. Благо эффект временный, но противнику от этого не легче. За полдня действия напитка тролль перебьет небольшую армию. Частица драконьего духа, содержащаяся в крови, защищает от духов и колдовства. В общем, выпиваешь флакон – и не боишься никаких ран, проклятий и магических воздействий вроде огненного шара и зачарованного оружия. Носишься по полю битвы до окончания срока действия напитка или покуда тебе не сшибут башку. Вариант еще конечности отрубить, однако дело хлопотное и неэффективное: за минуту руки-ноги прирастают к туловищу. Разумеется, для этого нужно их приложить к телу сразу после отрубания, не то раны затянутся.

Драконья кровь омолаживает, исцеляет абсолютно все болезни. Согласно преданиям, она бесконечно продлевает жизнь смертного при условии регулярного приема.

Откуда у троллей ее целых десять флаконов? Она вещество дефицитное, достать его трудно. В империи и восточных государствах флакон стоит по цене среднего дворянского поме-

стья вместе с крестьянами и наследным титулом барона. За десяток предприимчивый человек выторгует большой город. Дорого, потому что добывают кровь у драконов, а гигантские ящеры те еще летающие эсминцы животного мира в Лантаре. К магии иммунные, броня пробивается самое меньшее выстрелом баллисты, ужасно живучие из-за высокой регенерации, плюются огнем, кислотой и прочими химическо-магическими прелестями.

Кому-то Гвард очень насолил, впору задуматься о прожитой жизни и составлении завещания. Распущат слух о награде по Пограничью, и ему доведется изменять внешность, имя, ауру и переезжать в глухомань, куда не ступала нога смертного.

– Хотел бы я знать имя богатея, назначившего за меня награду, – пробурчал зверомастер.

Тон и выражение лица мага не предвещали заказавшему убийство шаману ничего хорошего. Я про себя посочувствовал глупому колдуну. Волшебник его вычислит, и кончина синекожему предстоит долгая и мучительная.

– Есть предположения, кто мог тебя заказать, Гвард?

Зверолов сжал кулаки.

– У меня много врагов, Сандэр, среди троллей и людей. Драконьей кровью владеет не каждый. Поищу того, у кого она есть, и найду заказчика. Главное, чтобы до того времени мой дух не отлетел в Серые Пределы. Уладим дела в крепости – доставлю тебя на озеро и займусь поисками. В любом случае вас с сестрой мои трудности не касаются.

Угу, нам своих проблем предостаточно.

– Давай проверим твои навыки следопыта, – переменял тему маг. – Ты же получил их с умениями Ран-Джакала, не так ли? К полудню устроим привал, и ты покажешь, насколько лучше стал разбираться в следах.

Глава 16

План

Продemonстрировать Гварду навыки следопыта на полуденном привале мне было не суждено. Разрушила наши планы просека, оставленная в чаще громадным зверем. В ее конце мы наткнулись на трупы животных.

– Рекомендую не приближаться к ней, – вытянул руку, останавливая меня, зверомастер.
– Брось, Гвард, с ее ранами не живут, – возразил я, но на всякий случай подходить не стал.
– Ты плохо знаешь белых волков, тем паче волчиц. Хитрые, жестокие бестии, и потрясающе живучие. Теперь ясно, почему исчезло зверье из окрестностей озера.

Да в курсе, в курсе. Память у Ран-Джакала отличная, и я на свою не жалею. Распростертая перед нами в лесной чаще хищница признаков жизни не подавала, как и положено животному с олифантовым бивнем в левом боку. Слоняра под волчицей тоже живчиком не выглядел. Кровищи-то натекло с обоих, жуть просто. От кровопотери они обязаны погибнуть. Нормальные же звери, не одержимые терминаторы.

Чтобы убедиться в безопасности мертвых зверушек, маг послал к ним Махайра, яростно хлеставшего себя по бедрам хвостом и тем выражавшего острое нежелание подходить к трупам. Саблезубы ненавидят белых волков и враждуют с ними, никогда не пожирая. По какой причине брезгают добрыми двумя центнерами диетического, легкоусваиваемого мяса, неизвестно. Встретив в лесу, обязательно пытаются убить. Волки бродят стаями, одиночки редкое исключение. Попробуй справиться с десятком санитаров леса размером с тельца каждый. Имей хоть метровые клыки, медвежью силу и кошачью ловкость, победить стаю трудновато. В местности, где есть белые волки, саблезубов не увидишь, и там, где мегакошки водятся, не встретишь волков. Коты тоже умеют перед общей угрозой объединяться в группы по двое-трое. Лесных олифантов родственнички Рыжика, наоборот, любят. На завтрак, обед и ужин. Позволить себе деликатес могут лишь самые крутые саблезубы, видовая элита. Слабаки слона не завалят, да и шансы напороться на трехметровые бивни велики. Волки загоняют олифанта до изнеможения, они повыносливее хоботного гиганта, и потом напрыгивают на него, валящегося с ног от усталости.

Гвард осторожно потрогал волчицу длинным прутом, выломанным из клена. Реакции ноль, чего и следовало ожидать от погибшей. Труп окоченел, чего бояться? Маг запустил камнем, пересчитавшим выпирающие ребра белой бестии. Зачем над мертвой издеваться, а? Картина ясная, не шевельнется зверушка, разве что в нее духа вселить.

– Почто над телом глумишься, – не выдержал я. – Мертвее не бывает.

– Бывает, Сандэр, бывает. Белые волки мастерски умеют притворяться, подстерегая жертву. Не раз случалось, охотник начинал снимать сдохлого волка шкуру, а зверь чудесным образом оживал и вцеплялся ему в глотку.

– Эта уж точно мертвая, на бок ее погляди. Думаешь, она притворится с олифантовым бивнем, пробившим ее насквозь? Шутишь. К тому же смысла ей подстерегать нас никакого. Под ней туша слоновья, еды на месяц. Мы, худые и стройные, ей даром не сдались.

– То-то и оно, – не отступал зверомастер. – Защищает добычу. Подойдем – разорвет. Белые волки – страшные звери. Ничего не боятся, бросаются в заведомо безумную атаку на сильнейшего – загрызенный олифант тому пример. Она его в одиночку одолела, иначе здесь была бы вся стая, и близко не подпустившая нас к добыче. Самое неприятное, белые волки иммунны к чарам звериной магии и магии разума.

То есть маг ее не ощущает, потому относится с опаской. Следовательно, приручить волков с помощью колдовства нельзя. Вождь Водяных Крыс информацией о невосприимчивости их к магическому внушению не располагал, я тем более. Век живи – век учись.

– У нее неподалеку щенки, поэтому она одна, – Гвард дотронулся палкой до пробитого бока.

О взаимоотношениях белых мне известно в общих чертах. Ран-Джакал с волками почти не сталкивался, они для троллных лесов дикий зверь. Обитают севернее, у вечной мерзлоты, и синекотье с ними знакомы понаслышке от имперских торговцев и бывших наемников, побывавших в тех неприветливых краях.

– На время родов и выкармливания волчат молоком самки покидают стаю, – продолжил просвещать волшебник. – Волчица изголодалась, раз отважилась кинуться на оленя.

– Далековато она забрела от дома.

– И от стаи, – добавил маг. Убедившись в собственной безопасности, он подошел к горке трупов вплотную и увлеченно исследовал тела. – В наших лесах белые волки не водятся. Как ее сюда занесло, ума не приложу. Видишь раны на брюхе и морде оленя? Откуда они, догадываешься?

– От шакальих зубов, – распознал я работу падальщиков. Раньше повреждений не видел, ракурс не тот. – Погрызли оленя, а к волчице не притронулись. С чего бы?

Звериных повадок лучше зверомастера и охотник экстра-класса не знает. Гвард путешествовал полжизни, судьба его забрасывала и на ледяные поля варварского севера, и в душные джунгли гоблинского юга. Всюду он пополнял запас знаний по своему профилю. К нему стоит прислушиваться, когда он о животных говорит.

– Мясо белого волка рискнет отведать вконец обезумевший от голода зверь. Оно непригодно в пищу, ядовито, дурно пахнет и необычайно жестко, точно дерево. Неприятно жевать зловонную горькую древесину, не правда ли?

– Наверное... – У вождя пробел в образовании. О ядовитом мясе он не слышал и считал любую плоть съедобной, надо лишь уметь правильно разделывать добычу и готовить ее.

– Шкура испорчена, – маг постучал палочкой о бивень, проткнувший волчицу. – Меха белых волков пользуются популярностью у дворян и дорого стоят. Сандэр, найди-ка волчьи следы. В логове должны быть щенки.

Я обошел трупы, вглядываясь в почву вокруг. Примятая трава под ступнями слонотоптама четко давала понять, откуда он притоптал. Следов хищницы не разобрать. Низко расположенные веточки поломаны тушей хоботного, и вообще полнейший беспорядок. Слон дрался с противницей, ломая и втоптывая молодую поросль деревьев, кусты. Кое-где травяной ковер содран, обнажив почву. Судя по ранам оленя, волчица напала на него сзади и разорвала ноги, повредив сухожилия.

Далеко олень не убежал. Припадая на кровоточащие задние ноги, обернулся, и она вскочила ему на спину – и давай рвать загривок и шею. От кровопотери он бы умер в течение получаса, а то и меньше. Скоро к раненому стянутся падальщики и привлеченные ароматом крови хищники. Волчице необходимо закончить до прихода незваных гостей. Стае шакалов она не соперник – чересчур ослаблена и побита.

Слонотоптам не сдавался. Предчувствуя смерть, он бушевал, бился о деревья в попытке пришибить врага, и ему это удалось. Повторная атака стала для его противницы роковой. Олень поддел ее бивнем.

– Не находишь следов? – зверомастер обследовал землю и деревья вокруг мертвых тел. – То-то и оно. Белых волков на севере называют призрачной смертью. Выследить их крайне сложно. На снегу отпечатков лап не оставляют, точно эльфы, и охотникам всегда мешает начинающаяся метель. В обществе магов бытует мнение, и снежные тролли с ним согласны, что белые волки обладают магией природы и разума на простейшем уровне. Метели вызывают, следы сглаживают, глаза жертве и преследователям отводят. Удивительные создания. Существовал бы способ подчинять этих зверей – им бы цены не было. – Волшебник прошелся по

оставленной олифантом просеке в чаще. – Волчица не могла отойти далеко от логова, оно где-то поблизости. Махайр!

Саблезуб, приняхиваясь, закружил по чаще.

Логово мы нашли в трехстах метрах от места гибели слона и хищницы. Неглубокая нора, вход завален ветками. Человек и тролль не заметят, а против зверья и змей мамаша есть. Была, вернее. В норе четыре белоснежных меховых клубка. Злющие. Меня и Гварда поочередно норовили цапнуть прорезающимися остренькими зубками за пальцы. Самый мелкий тихонько зарычал, когда его вытягивали на свет.

– Одного оставлю себе для опытов, остальных продам гильдии магов Гарида, – вслух планировал зверомастер, засовывая щенков в объемный мешок.

Нет, ну с кем я связался? За медный грош удавится, по жадности даст фору любому гному.

– Гвард, мог бы ты дать нам с Лилькой волчат? – Жалко пушистиков, в лабораториях магической гильдии их после экспериментов на чучела пустят, живодеры эдакие.

Зверомастер посмотрел на меня, как на умалишенного.

– Сандэр, что ты с ними будешь делать? С четырьмя кровожадными тварями, не поддающимися дрессировке? Они же загрызут тебя, едва подрастут.

– А ты дай и отойди. Это уже мои проблемы, как я с ними полажу.

– Одного, ну пускай двух – дам. Но всех не проси. По справедливости, тебе один причитается. Заслуга в том, что мы нашли щенков, уж извини, не твоя.

– Гвард, неужели ты упустишь случай приручить грозу магов и шаманов – белых волков – и создать полноценную стаю? – не сдавался я. – Сам посуди. Может быть, неудачи в дрессировке происходили из-за одиночества животного? Представь, посадили тебя на цепь, родителей и друзей убили, братьев и сестер забрали. Ты был бы пайнкой? Нет, ты бы затаил злобу на людей, вырос и отомстил за поломанную судьбу. Белые волки гордые, мстительные, поэтому не поддаются дрессировке. К ним особый подход нужен.

– Особый, говоришь? Белый волк-одиночка опасен, а стая опаснее многократно, – раздраженно сказал зверомастер. – Думаешь, кафедра анималистической магии академии Салютус не проводила эксперименты по приручению выводка волков? Проводила, и все они заканчивались провалом. Звери загрызали экспериментаторов и сбежали, сея панику и ужас.

– Ни в жизнь не поверю, чтобы опытейший зверомастер, познавший основы общей магии и шаманизма, не придумал средства утихомирить разбушевавшихся животных, – решил я сыграть на самомнении волшебника. – Пусть только рыкнут, ты их в бараний рог скрутишь, Гвард. И в любой момент снимешь с них шкуры и продашь по бешеной цене имперским дворянчикам.

Все-таки я убедил волшебника не продавать волчат хотя бы в ближайшие месяцы. Оставил их маг под мою ответственность, разумеется.

Встали на привал мы за полдень. Гвард, положившись на бдительность животных, прикорнул на ковре из шелковистой травы. Перед отдыхом он предусмотрительно окружил место заговоренной шерстяной веревкой, отгоняющей змей, насекомых и мелких злых духов. Охранный круг своеобразный.

Я достал из мешка щенков, дал вяленого мяса, воды налил в мисочку. Ну, нету молока и свежего мяса, потерпите до форта, там что-нибудь придумаю. Волчата гордо воротили мордашки от непривычной пищи и вели себя сурово, огрызаясь на попытки погладить и поднести кусочки мяса к влажным холодным носам. Миску с водой то ли случайно, то ли нарочно опрокинули на меня, замочив рукав куртки.

Кажется, в команде белые волки учатся работать чуть не с рождения. В то время как самый крупный отвлекал мое внимание рычанием и старался куснуть за палец, другие, переваливаясь, дружно драпали в кусты. Ситуация повторялась с возвращением беглецов, лишь

отвлекать принималась уже сестричка диверсанта. М-да, белые волки – нечто. Не представляю, насколько мои подопечные разовьют тактику командной работы, когда подрастут. Реально есть чего опасаться. Провозившись с ними битый час, засунул обратно в мешок.

Мешок – неподходящее место для четырех активных щенков, но содержать их негде. Хорошо, он кожаный, похожий на здоровый бурдюк, какие в ходу у синекожих. Тканевый волчата прогрызли бы. Зубки-иголки, тоненькие и острые, непригодны для проделывания дыр в толстой коже мешка. Крошечные отверстия, пробитые зверомастером для проникновения воздуха, мелким «узникам» расширить не удавалось. Они старательно царапали мешок, грызли его, да зря. Причем делали все тихо, изредка от отчаяния и злости чуть слышно порывкая. С такими ухватками им прямая дорога в диверсанты-разведчики. Спецназ пушистый растет. Возвратимся на остров – мы с сестренкой вас отучим от желания сбегать.

За остаток дня не случилось ничего примечательного. Наш звериный караван тащился по лесным тропам, Гвард спрашивал меня о следах, указывая на отпечатки лап под ногами и в стороне от тропинки. Он напоминал преподавателя, принимающего экзамен у любимого студента. Почему у любимого? Потому что придирался он к каждой мелочи.

– Кто здесь прошел? – направил маг указующий перст на еле заметное углубление в почве.

Говорил он на имперском и требовал ответа на том же языке, проводя сразу две тренировки – по знанию леса и лингвистике.

– Заяц проскакал, – опознал я след, воспользовавшись памятью Ран-Джакала.

– Правильно, – скорчил хитрющую рожицу волшебник. – А какой заяц?

– Русак, – приглядываюсь внимательнее к отпечаткам. – Взрослый, примерно двухлетка, тощий. Хромает на заднюю левую лапку. Беда с лапой давно приключилась. Он уже приноровился шустро бегать на трех, покалеченную практически не использует.

– Верно. Откуда столь подробные сведения?

– Отпечатки совсем неглубокие, потому что русак легкий, проскакал здесь сегодня утром. По рисунку следов видно – он хромает, но бежит во всю прыть. Значит, привык к хромоте. Убегал, скорее всего, от рыси. Она за ним через тропу сиганула, вон, на кустах клочок шерсти застрял, и ее следы перекрывают заячьи. Сойдем с тропинки туда, – киваю в направлении погони, – и найдем примятую траву и кучу муравьев, облепивших капельки крови на земле и травинках.

– Неплохо, неплохо, – протянул зверомастер. – Расскажи-ка, почему во-он та веточка клена сломана? И откуда царапины на стволе?

На вопросы я отвечал правильно. Гвард, закончив экзамен, был доволен моим уровнем подготовки юного следопыта, но раскритиковал познания имперского языка.

Вечером расположились под раскидистым дубом, развели костерок. Махайр, отлучавшийся во второй половине дня, притащил косулю на ужин. Разделявал тушку я, по просьбе мага. Пожарили мяса, покормили изголодавшихся волчат. Сырое мясо они чинно пережевывали, с подозрением косясь на нас и разлегшихся медведей. Наевшись, щенки сели спина к спине, прижались друг к другу. Видимо, осознали невозможность бегства в условиях окружения. Куда смоешься от двух людей, группы медведей и бдительного саблезуба? На приглашение волшебника забраться в мешок синхронно зарычали, самый крупный клацнул зубами в сантиметре от пальцев зверомастера. Чувствую, намучаемся с ними. Гвард, проигнорировав предупреждения волчат типа «не приближайся – загрызу!», ловко похватал строптивцев за шкурки и засунул в глубины мешка.

– Три самца и самочка, – определил он пол щенков. – Уже жалеешь, что оставил себе всех?хлопотно воспитывать стольких хищников.

– Не-а. Они мне, наоборот, нравятся больше. Особенно тот, едва не цапнувший тебя за пальцы. Знатный защитник вырастет.

– Да-да, защитник, – добавил волшебник в тон изрядную долю скепсиса.

Мы съели задние ножки косули, обрезав филе. Тушу разделили на части и раздали медведям и Рыжику. Косолапые на подножном корме не проживут, им мясо подавай, а кошак заслужил. Ему наибольший кусок достался.

Зверомастер расстелил на земле меховой плащ, обвел место ночлега веревкой и, сложив ладони рупором, зашебетал, имитируя беличью речь. На зов с нижних ветвей ему на плечо прыгнул зверек, странная помесь белки и хорька, и деловито заверещал магу в ухо. Гвард, выслушав агента, достал из кармана свернутый трубочкой листик бумаги с мизинец величиной, привязал шнурком к брюшку пышнохвостого помощника и, шепнув в мордочку, подбросил на ветку. Зверек тут же растворился в листве. Волшебник, потирая ладони, повернулся ко мне.

– Мой согладатай в лесу. Выполняет разные поручения. Сейчас несет записку капитану Гарену. В ней сообщается, чтобы он завтрашним вечером прислал усиленный патруль из проверенных ребят к таверне Хрехта Деревянной Ноги. Там назначена встреча с громилой, нанявшим меня отыскать вас с сестрой. Настоящий наниматель обязан быть поблизости. Или доверенный человек от него, смыслящий в магии и умеющий исследовать ауру предметов и существ. Иными словами, маг уровня старшего бакалавра, не меньше.

– Каков план, компаньон? – подсел я ближе к зверомастеру.

– Слушай и запоминай. Не поймешь – спрашивай. Мы завтра на закате заходим в поселок под крепостью. На постой останавливаемся в харчевне Матушки Альды, и я иду к Хрехту. У него снимает комнату мой непосредственный заказчик, Рой Мясник. Я договариваюсь о передаче ему тебя. Они обязательно удостоверятся в твоём иномировом происхождении. Обычно проверка заключается в проведении ритуала. Впрочем, достаточно опытный маг, читающий ауру, обойдется без черчений на полу. Он взглянет на тебя и поймет, кто ты на самом деле. В момент проверки ворвутся патрульные, свяжут всех, поэтому будь готов к жесткому обращению. Нас, меня в том числе, конвоируют в крепость к капитану Гарену. Он учинит допрос с привлечением Марна Изверга, магистра магии разума и главы дознавателей форта. Марн-то и раскроет, кто стоит за заказом. Затем чародею, посланному проверить тебя, то есть посреднику, предложат выбор – сотрудничество с имперской тайной канцелярией либо передача в руки церковников и скорый, но справедливый церковный суд с последующей казнью через отсечение головы и сожжение. В случае согласия на сотрудничество мага попросят сделать добровольное пожертвование, своего рода залог благих намерений. Он в конечном счете выведет на главного заказчика, и мы поймем того на крючок, пригрозив разоблачением и выдачей Церкви. Выбор предоставим, как и посреднику. В результате получим надежного союзника тайной канцелярии, деньги и кое-какие магические предметы за работу из пожертвований оступившихся чародеев, признательность от главы тайной канцелярии. После чего возвращаемся на остров.

А ты, Гвард, совсем не тот, за кого себя выдаешь. Верховный шаман Водяных Крыс по совместительству агент имперской разведки, зуб даю. И создание смешанного племени в тролльих лесах уже не кажется самостоятельным решением троллей. Кто создавал? Правильно, наш зверомастер. Играя на самолюбии и мечтах изгоя, сына вождя синекожих, подтолкнул Ран-Джакала к образованию клана, лояльного к имперцам. Заслуга Гварда и в укреплении островитян, в союзе с морлоками, без чего Водяные Крысы были бы обречены на истребление соседними, более многочисленными племенами.

К Зверолову стекается инфа о событиях в лесах, планах троллей, он ее сливает в крепость тому же Марну Извергу, уполномоченному представителю тайной канцелярии, тот передает в штаб, и империя реагирует соответствующими обстоятельствам мерами. К примеру, снабжает Водяных Крыс стальным оружием и дает команду задушить в зародыше коалицию троллей, планирующих захват Пограничья. Империя ни при чем, солдаты не гибнут, и битва выиграна до первого выстрела. Синекожие сами разрулили ситуацию плюс позиции островитян

укрепились, их влияние возросло. В следующий раз никакой коалиции не будет без них. Всем хорошо, не считая проигравших синек. Во что я вляпался?! Ощущаю себя винтиком гигантской машины под названием «тайная канцелярия». Нет, оно неплохо состоять под патронажем разведки до поры. Но в будущем хочется надеяться на равноправное сотрудничество, а не роль шестеренки второстепенного механизма.

– Есть вопросы – спрашивай, отвечу, – Гвард сел по-турецки, уперев руки в колени.

Изложенный план отличался от замысла, рассказанного раньше, на острове. Ясно почему. Уровень доверия ко мне повысился, да и Клятва Орсины обязывает. Следовательно, меня зверомастер взял в оборот всерьез и надолго. Поскольку протестовать и вырываться бессмысленно, расслаблюсь и буду получать удовольствие.

– Работаешь на тайную канцелярию?

– Граждане империи должны ей оказывать содействие. Я – гражданин империи, – уклончиво ответил маг. Кто бы сомневался! – Говори по сути, пожалуйста.

– Запасные варианты предусмотрены? Например, посредник не явится, и громила без проверки тебе поверит. Или посредник ускользнет.

– Исключено. У Роя Мясника нет способностей к магии, я по его ауре прочел. В противном случае он сильный чародей, притворяющийся бесталанным исполнителем последнего звена. Из поселка ему ночью не уйти, Марн активирует двойной защитный барьер наподобие лунного вокруг таверны и городка.

Зверолов и главу дознавателей форта оповестил. Хорошо подготовился.

– Гарен сообщит Марну о времени захвата, – угадал вопрос по выражению моего лица Гвард. – Изверг о нашем предприятии знает.

– А если посредник не расскажет о заказчике? – продолжал я выискивать слабинку в плане.

– Маловероятно, – скривился зверомастер. – Существуют, конечно, средства блокировки и стирания воспоминаний. Ауру можно подкорректировать, убрав следы контакта с заказчиком. Весьма дорогостоящие средства, и применять их в состоянии лишь искушенные в магии разума чародеи уровня магистра-супрема. Иными словами, почти архимага. Таковых немного, человек двадцать в империи и столько же в королевствах людей. Печально признавать, однако мы бессильны выяснить имя заказчика при подобном повороте событий, и придется довольствоваться имуществом посредника в качестве награды.

– погоди, Гвард, а Глубинный Жрец не поможет снять блокировку? Он дока в магии разума, не хуже магистра из форта, думаю.

Зверолов почесал подбородок, раздумывая.

– Ты прав, Сандэр. Дедуля Тланс по силе приблизительно равен архимагу разума.

– Вот и отличненько. Доставим посредника на остров, жрец взломает блокировку – и вуаля, главный злодей на блюде с голубой каемочкой.

Зверомастер изогнул губы в своей фирменной ухмылке.

– Далеко пойдешь. – Угу, далеко. В разведке сообразительные парни ох как ценятся. – Единственная загвоздка заключается в потраченном на допрос и транспортировку посредника времени. До острова, не жалея зверей, с помощью чар выносливости верхом день пути, – назад день. Устранение блокирующих память элементов займет от нескольких часов до нескольких дней. Заказчик заподозрит неладное и скроется.

– Зато мы узнаем его имя и сможем позже разыскать.

– Разыскивать его будут другие люди, – горько усмехнулся Гвард. Наверное, мысленно прощаясь с горами золота и артефактами заказчика.

– А чего ему бояться? Он посчитает себя в безопасности, – возразил я. – Средства блокировки сработали, от посредника ничего не узнают. Нет, он и не подумает подаваться в бега. Тут-то и постучится к нему в дверь северный лис.

– Гр-кхм, – кашлянул волшебник. – Северный лис? Фразеологизм, надо полагать?

– Угу, означает крупные неприятности с фатальным исходом, – охотно поделился я знаниями о родном речевом обороте.

– Вполне резонно, – размышлял вслух Гвард. – Твои суждения не лишены логичности, Сандэр. Есть еще вопросы?

– Нет, ясно все. Возникнут – спрошу.

– Правильно. Тогда ложимся спать, завтра нам предстоит тяжелый день.

– Хм...

– Что-то еще?

– Гвард, мог бы ты меня чему-нибудь научить по магии? Спать совсем неохота, усталости не чувствую. Хотя бы теоретические подготовительные знания. Все равно скоро не усну, а ворочаться с боку на бок – даром время тратить. Если ты не устал, конечно.

– Я-то не устал, – зверомастер сел поудобнее. – Думал, тебя переход измотал. С непривычки тяжело по лесу в высоком темпе пробираться. Ты же раньше не в лесу жил.

– После тренировок с охраной вождя на острове для меня это легкая прогулка.

– Значит, хочешь узнать о магии? Ладно. Тогда вкратце расскажу о ней. Не уснешь, пока буду рассказывать, – может, попрактикуешься кое в чем.

– Только без неприятных сюрпризов, – попросил я. – Никакой ловли духов.

– И в мыслях не имел, Сандэр. Обычная медитация.

Гвард начертил палочкой на земле несколько колец друг в друге.

– Магия, – в его голосе слились восхищение и трепет. Он прикрыл глаза, будто уносясь мыслями в неведомые дали. – Она разлита повсюду – от капельки росы до небесного аэра. Она присутствует и в живых существах, и в предметах, кажущихся неодушевленными. Камнях, костях, вещах обихода. Черпать ее можно отовсюду. Причиной тому воля Создателя либо нечто иное, но каждая раса имеет свой источник магической силы. Магия дварфов заключается в горах, земле и камнях, эльфов – в растениях, животных и воздухе, морлоков – в воде и сознании. Тролли, гоблины и орки научились получать силу из мира духов. Их волшебство потому называется магией духов.

Зверомастер нарисовал вокруг внешнего кольца ряд знаков, соединенных с кругом линиями, и отложил палочку.

– А люди? – прервал я паузу.

– Им дает силу в основном Эфир. К тому же они научились выуживать ее отовсюду, в зависимости от естественных склонностей мага.

– Эфир? Ты о нем не упоминал, Гвард.

– Находишься мы в империи – обязательно сказал бы. – Зверолов размашистыми штрихами дорисовал над и под кольцами по непонятной фигуре. – Смотри, Сандэр. Это упрощенная схема магической картины нашего мира. Внизу, – он ткнул палочкой в самый низ рисунка, – Хен Бал, Серые Пределы, обитель духов лоа. Вверху, – кончик палочки коснулся верхнего «облачка», – Эфир, место обитания ангельских существ. Теологи и маги спорят о существовании Высшего Эфира, куда будто бы удалится Создатель после сотворения мира. Пока эмпирических доказательств существования нет, хотя клирики утверждают обратное. А здесь, – очередное «облачко» под обозначением местожительства духов умерших, – Геенна, обиталище демонических существ. Вот это, – Гвард обвел палочкой знаки, – источники магии в нашем мире, не привязанные ни к одному из Сопредельных Вместилищ – Эфира, Серых Пределов и им подобных. Стихии, Консиента и много других.

– А сколько вообще Вместилищ?

– Точно знает, полагаю, лишь Создатель, – горько усмехнулся Гвард. – Маги теряются в догадках. Кто знает, иные суть часть уже известных, о которых я сказал, либо отдельные? Расспросы потусторонних обитателей ни к чему путному не привели. Каждый утверждает свое. Ангелы советуют не морочить голову знаниями, превышающими человеческое разумение, и,

думаю, это правильный совет. Всего насчитывают от четырех до одиннадцати Вместилищ. Среди них Звездные Чертоги и Предвечная Тьма.

О Предвечной Тьме слышал, о Звездных Чертогах нет. Надо будет позже подробнее расспросить Гварда.

– В центре наш мир? – понял я, разглядывая концентрические кольца между горными и нижними Вместилищами.

– Верно. Это структура магического взаимодействия, – зверомастер указал на центральный круг. – Основа любого магического действия – воля. Без нее ничего не произойдет. Вторая по важности – магическая энергия, айгата. – Мана по-нашему. – Чем ее больше у мага, тем он больше сотворит заклятий. Она есть у всех, но зачастую в недостаточных для колдовства количествах, поэтому волшебниками становятся единицы. Энергия поглощается из внешнего мира и вырабатывается духовным телом мага. Воля преобразует ее в результат при помощи неких инструментов – колдовских принадлежностей – и формул-заклятий. На высочайшем уровне Искусства, коего достигают, как правило, архимаги, надобность в инструментарии почти отпадает. Результат создается волевым усилием, и только.

– Ну, до архимага мне далековато. К тому же дедушка Тланс сказал – мне прямая дорога в воины. Вот у сестренки данные есть, чтобы великой магессой стать. Мне – основы бы освоить.

– Морлоки, бывает, тоже ошибаются, – Гвард поворошил веткой в затухающем костре. – Ты – ловец духов, Сандэр. Потенциально отличный маг, способный овладеть гигантским запасом магической энергии. Твоя задача – научиться контролировать себя и духов, и при надлежащих усилиях и удаче ты сможешь дорасти до уровня архимага.

Угу. Может быть, если повезет. Для достижения планки, за которой меня начнут величать архимагом, требуется пыхтеть несколько сотен лет на магической ниве, обрастать знаниями, опытом. И главное, дожить до того времени.

– Лет через двести-триста, – словно прочел мои мысли зверомастер. – Во всяком случае, контролируя пойманных духов, ты за несколько лет перегонишь любого бакалавра, выпущенного Академией волшебства Салютус. Подучившись в профильном учебном заведении, быстро достигнешь магистерского звания.

– И что, любого можно научить магии, у кого маломальский запас энергии и крепкая воля?

– Пожалуй, да. Воля придаст рвения и не позволит сложить рук в трудный час. На трудолюбии и терпении, Сандэр, зиждется большая часть успеха всякого предприятия.

– Гвард, ты сказал, лет триста нужно для становления архимагом. Сколько у вас маги живут? У нас, в нашем мире, люди максимум доживают примерно до сотни, и счастливчиками старожилы не всегда назовешь.

– Понимаю, – нахмурился Зверолов. – У разных рас Лантара продолжительность жизни различна. Тролли живут столько, сколько могут ходить. Ослабленного от старости и бесполезного для племени старика приносят в жертву. Синекоты теряют способность передвигаться не раньше девяноста лет. До столь преклонного возраста очень редко доживают. Старика гибнут на охоте, тонут на рыбалке. Эльфы знамениты долгожительством, для них зрелость наступает на пятой сотне лет. К тому же большинство из них маги, практикующие Ветви Друидизма.

– Магия природы?

– Да, именно. Дварфам отведено горными богами по два-три столетия. У простых людей длина жизни колеблется от шестидесяти пяти до семидесяти пяти, у дворян и богачей благодаря эликсирам и омолаживающим процедурам – до ста. Чародеи живут дольше. Для архимага, посвященного в Искусство Жизни, и тысячелетие не предел. Существует много способов продлить срок использования своего физического тела. Впрочем, на гибели тела жизнь мага не заканчивается. Чародеи нашли ряд уловок, дабы обмануть смерть.

– В смысле, они продолжают жить после того, как их тело умерло?

– Перенос духа недавно умершего в гомункулуса или магическим образом выращенный живой конструкт – дело обычное для уважающего себя монарха либо мага высокой степени. Вдруг умрут внезапно насильственной смертью! Операция переноса весьма дорогостояща, однако ради сохранения своей жизни денег не жаль. Разве у вас нет подобного?

– В нашем мире и магия-то не слишком распространена и ограничивается, сравнивая со здешними чародеями, умениями уровня сельских ведьм и знахарей. Властимущие и состоятельные люди мечтают о продлении жизни, но пока я не слышал о действенных препаратах, помогающих хотя бы уверенно перешагнуть столетний барьер.

Гвард хмурился сильнее. Должно быть, думал, до чего же отсталая наша цивилизация.

– Зато у нас развита наука, позволяющая летать к звездам и опускаться в глубочайшие расщелины под водой, – попробовал я реабилитировать земную культуру.

В Трехлунье вряд ли кто-то похвастается полетом в космос.

– К звездам? Вам удалось вырваться за грань Хрустального Купола небес? – поразился зверомастер. – Отчаяннейшие сорвиголовы из магов решаются на странствие по Астралу к звездам. Никто не возвратился, к сожалению, дабы рассказать, как там, по ту сторону божественного Купола... Но довольно о тайнах небес и жизни. Мы отвлеклись от главной темы. Я говорил о вас с сестрой с Глубинным Жрецом. Он увидел в тебе воина, а в Лилиане волшебницу, потому что в тебе как в маге присутствует существенный недостаток. Догадываешься, какой?

– Тут гадать нечего. Без внушительного запаса магической энергии чародем не стать.

Гвард довольно кивнул.

– Дедушка Тланс весьма метафорично отозвался о разности в ваших с сестрой доступных объемах энергии. Твой он сравнил с искрой, запас Лилианы же с лесным пожаром.

Ничего себе! Вот это разница. Лиле действительно необходимо развивать талант к магии. Уверен, она станет магистром гораздо раньше, чем я одолею начальный курс в волшебном заведении. Разумеется, если у меня хватит наглости туда записаться. И никакие духи не решат проблемы нехватки маны.

– Тебе не стоит отчаиваться, Сандэр. Твоя сестра имеет феноменально огромный запас энергии. У тебя со временем будет нормальный по меркам имперских магов объем. До магистерского, я уверен, дотянешь. Не скоро, конечно. Его возможно расширить втрое, усердно упражняясь.

– Спасибо, Гвард. Ты сам понимаешь, высот в искусстве мне не достичь. Во всяком случае, в ближайшие десятилетия. У меня на родине говорят: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Я неплохо управляюсь с оружием, поэтому хотел бы сосредоточиться на магии, усиливающей мои умения бойца и физические параметры. Сейчас для меня актуально выжить, и развивать я буду то, что лучше всего умею в данный момент.

– Ты знаешь о магии Духа? – подумав, спросил зверомастер. – Этому пути следуют те, у кого мало магической энергии и кто желает максимально развить свои физическое и духовное тела. Они полагаются на силу собственного духа, изменяя себя. Например, укрепляют тело, становясь сильнее, выносливее, быстрее. Кожу мастеров не пробить и копьем, они будто вылиты из железа. Раны затягиваются на них, точно на саламандре. К колдовству, особенно магии духов, они менее восприимчивы, нежели, скажем, обычный человек.

– Хм... а насколько они себя изменяют? – На ум приходят практики йогов. В Лантаре, видимо, их усовершенствованный аналог. – Маги контролируют изменения?

– Понимаю твою осторожность, – ответил, ухмыляясь, Гвард. – В безмозглую лягушку не превратишься. Маг управляет трансформацией, ибо магия Духа предусматривает высокий уровень самоконтроля, без которого невозможно творение чар. По сути, все чародеи и шаманы немного сведущи в данной отрасли искусства. Начать постижение азов предлагаю тебе с меди-

тативной практики. Позднее научу тебя основам магии разума, они тебе необходимы из-за переизбытка информации в памяти, и магии духов. Готов?

– Всегда готов.

– Прекрасно. На первых порах помогу. Начнем.

Остаток вечера я провел, учась медитации. Гвард призывал очистить сознание от мыслей и сконцентрироваться на своем состоянии. Биении сердца, дыхании. Я пытался до полуночи – тщетно. Крутящиеся в голове мысли сбивали настрой. Нет-нет да и вынырнет какая-нибудь, нарушив внутреннюю тишину.

Зверомастер подавал личный пример, неподвижно сидя напротив в позе лотоса. Такую помощь он имел в виду?

– У всех с первого раза не выходит, – открыл он глаза. – Позволь.

Зверолов нагнулся вперед и легонько хлопнул меня по плечу.

В тот же миг я точно провалился, оказавшись единым целым со своими ощущениями. Я тек кровью по кровеносным сосудам, впитывал кислород из легких. Я чувствовал все, от внутренних органов до мельчайших нервных окончаний. Темно-красная теплота заполняла меня. Приятная, забытая и вновь обретенная...

– Довольно!

Возглас Гварда выдернул меня из медитативного состояния. Сижу, прислоненный спиной к дереву, в глазах разноцветные круги. Тлеющий костер еле-еле освещает силуэты лежащих мишуток и склонившегося надо мной зверомастера.

– Нельзя надолго сливаться сознанием с телом. Ты новичок, с непривычки мог навсегда остаться в телесности. У вас подобное называется «овощ» и «кома».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.